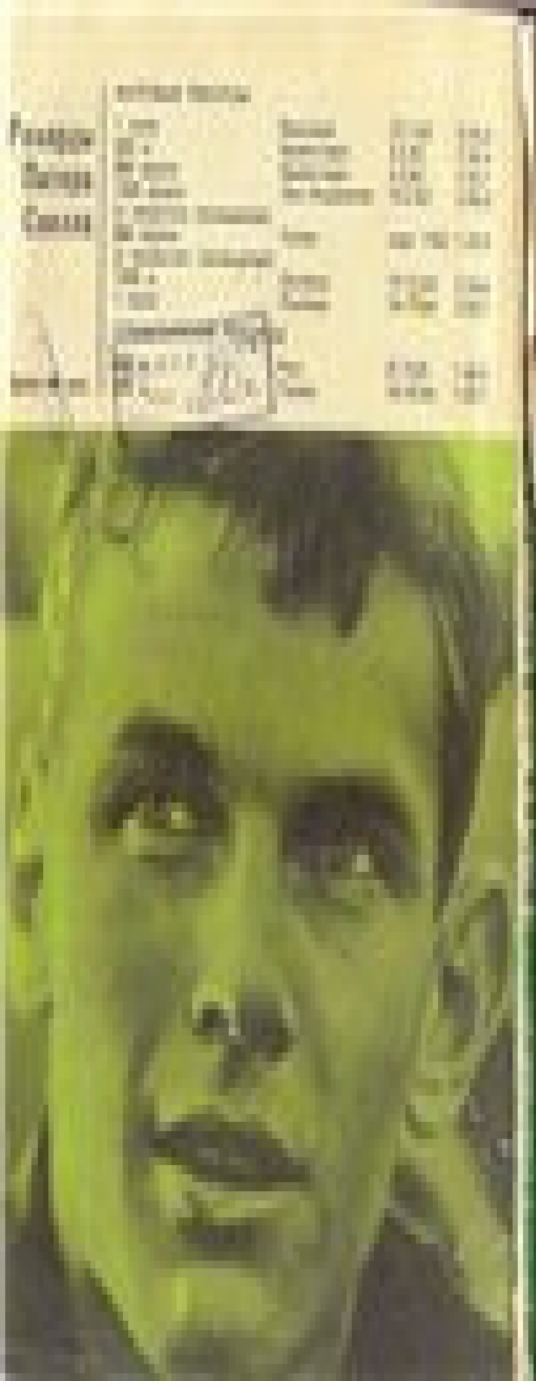


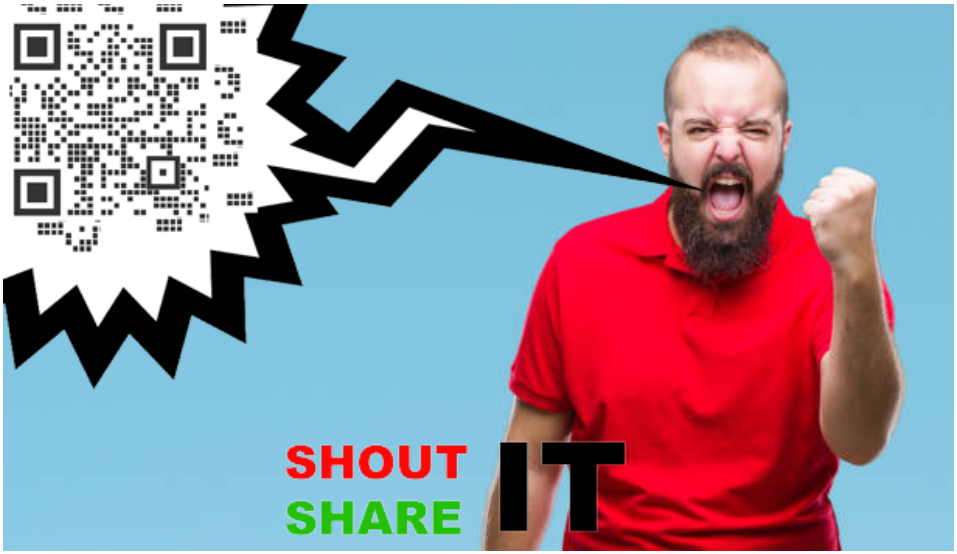
СЛАЙДЕР

Л. Снелл

БЕЗ ТРУБ, БЕЗ БАРАБАНОВ

Я ЦЕНЮ ИВРИТ ЗА ТУ ЛЕГКОСТЬ,
С КОТОРОЙ ПРИВЕЛИ ЕГО
ВОЖДИ НА ВЕРШИНУ В СПОРТЕ.
ТЕПЕРЬ ЭТУ ЛЕГКОСТЬ
МОЖНО ПРИМЕНИТЬ
И В ДРУГИХ СФЕРАХ ЖИЗНИ

I VALUE HEBREW FOR THE EASE
WITH WHICH IT WAS ADOPTED
BY LEADERS IN SPORT.
NOW THAT EASE CAN BE APPLIED
TO JUST ABOUT
ANY OTHER AREA OF LIFE


SHOUT
SHARE
IT

- Гарт Гилмор, Питер Снелл
  -
  - Вместо предисловия
  - Никто не угадал победителя
  - Встряска и пробуждение
  - Взрыв слез
  - Вместо бега — на костыли
  - К 100 милям в неделю
  - Как важно иметь Артура
  - Кто победил?
  - Ошеломление победой
  - В погоне за результатом
  - Больной вопрос
  - Урок тактики
  - Игры и развлечения
  - Оглушающая тишина
  - Неожиданный успех
  - Изматывающий отдых
  - Отличная форма
  - Чудесное ощущение
  - «Подожди!»
  - Кольцевой амфитеатр
  - Телевидение и турне
  - Проблемы перед Пертом
  - Игра в выжидание
  - Черное и белое
  - Визг над Гавайями
  - Томление в Модесто
  - Шестеро из четырех минут
  - Разрыв с Артуром
  - Подготовка к Токио
  - Последние прикидки
  - Ночь волнений
  - Дубль!
  - Вместо отдыха — новые испытания
  - Сумасшедший бег
  - Отдыхать или тренироваться?
  - Победный бросок
  - Плоды неудачи
  - Последние выступления
  - К новой жизни
  - Недостаток контакта
  - Послесловие

○ Послесловие к русскому изданию

Гарт Гилмор, Питер Снелл
Без труб, без барабанов

Неметрические меры длины и веса, приводимые в настоящей книге, эквивалентны следующим мерам метрической системы: дюйм 2,54 см, фут — 30,48 см, ярд — 91,44 см, миля — 1609.3 м, фунт — 453,5 г.

Вместо предисловия

Владимир Куц,
олимпийский чемпион в беге
на 5000 и 10 000 м

Эта книга — о величайшем бегуне Питере Снелле. Он выиграл золотые медали на двух олимпиадах подряд, а установленный им в 1962 году мировой рекорд в беге на 800 м (1.44,3) не побит до сих пор.

Книга называется «Без труб, без барабанов». В конце ее авторы с улыбкой вспоминают случай, который натолкнул их на столь необычное название. Но, я думаю, настоящая причина этого названия заключается в том, что в книге рассказывается не только о великом спортсмене, но и о скромном, хорошем человеке. Прочитав книгу о Снелле, я порадовался, что он выглядит здесь похожим на самого себя.

О спорте писали многие люди, умевшие владеть пером, однако чтобы правдиво написать о спорте, мне кажется, нужно в какой-то мере самому изведать, что это такое. Гарт Гилмор знает, о чем он пишет. Он познал труд спортсмена, научившись пробегать марафонские дистанции. Поэтому в его книгах, написанных в соавторстве со знаменитыми спортсменами, присутствует правда.

В книге «Без труб, без барабанов» вы найдете для себя много полезного и интересного. Если вы бегаете или собираетесь бегать для результата, то еще яснее представите себе, какую громадную работу нужно провести, чтобы стать чемпионом. Прочитав эту книгу, вы поймете, до какой степени нужно подчинить свою жизнь требованиям тренировки, чтобы завершением ее был триумф.

По поводу этого я хочу сделать одно замечание. Если вы не привьете себе любовь к бегу и будете заставлять себя бегать по 10–15 км в день, вам будет очень трудно добиться успеха. Как выработать любовь к бегу? Обратите внимание на то место в книге, где рассказывается, как бегал Снелл с работы и на работу. Это очень важно — понять, что бегать можно практически везде и притом вовсе не обязательно всякий раз надевать спортивный костюм. Бег может быть прекрасным развлечением, если иногда относиться к нему не как к обязательной работе, а как к тому, что может доставить удовольствие. Снелл пишет, что ему приходилось сдерживать себя, чтобы не обгонять автобусы. Мне

вполне понятно это чувство.

Не всегда нужны стадион, беговая дорожка, чтобы бегать и не просто бегать, а и выполнять определенную программу.

Я слышал часто такие сетования: «Я не городской житель, очень хотел бы тренироваться, но нет дорожки, нет настоящего тренера». Я могу понять человека, который хочет заниматься сложными техническими видами спорта. Для этого действительно необходимы специальный спортивный инвентарь и помощь тренера. Но мне трудно понять человеке, который живет среди лесов, холмов или лугов, хочет бегать 800 или 5000 м и жалуется на отсутствие условий. Условия для бега всегда найдутся, нужны только старание и энергия.

Первые шаги в спорте трудолюбивый человек может сделать сам, а дальше его непременно заметят и ему помогут. Итак, подчеркиваю основную мысль — без любви к бегу человек в наше время не станет большим спортсменом.

Хочу еще отметить хорошую черту Питера Снелла — он скромен. Сколько раз мы видели спортсменов, которые переживали свой успех сверх всякой меры. Снелл правильно говорит о том, что чрезмерное ликование унижает твоих товарищей (именно более товарищей, чем соперников или противников) по борьбе.

Спорт тем и велик, что «противники» на беговой дорожке, загнавшие себя до полуобморочного состояния, после финиша обнимают друг друга, а едва стоящие на ногах боксеры после боя никогда не забывают обменяться рукопожатиями. Это очень сложное чувство, и объяснить, что человек испытывает, когда он побеждает или проигрывает, очень трудно. В этой связи мне кажется уместным привести пример из романа Эрнеста Хемингуэя «Острова в океане». Там мальчик полдня вытаскивает огромную рыбу-меч, а она отчаянно сопротивляется. В конце концов рыба обрывает леску и уходит. И когда обессиленного борьбой мальчика спрашивают, что он чувствовал, когда боролся с рыбиной, он отвечает, что она вдруг представилась ему во время борьбы частью его самого. По-моему, что-то очень похожее бывает и в спорте.

Я не во всем согласен с Питером Снеллом; он следовал тактике выжидания, считая, что тактика лидирования — «идиотская тактика», но это верно лишь тогда, когда человек берет лидерство и не верит в свои силы. Я, например, в своей тренировке специально готовил себя к тому, чтобы лидировать.

Я не думаю, однако, что такой нетерпимый взгляд Питера Снелла на тактику лидирования сколько-нибудь существенно снизит интерес к книге «Без труб, без барабанов». Я знаю, что во

взглядах спортсменов и тренеров на различные вопросы могут быть и неизбежно бывают расхождения. Тем не менее объем наших знаний о спорте очень быстро растет и спорт все больше проникает в жизнь человека. И можно с уверенностью сказать, что рассказ Питера Снелла о себе самом, записанный Гартом Гилмором, доставит не только немалое удовольствие, но и обогатит наши представления о спорте.

Никто не угадал победителя

Гарт Гилмор,
Окленд, 1965

Высоко над переполненными трибунами, в ложе прессы, откуда открывается замечательный вид на изумрудную зелень римского Олимпийского стадиона, спортивные обозреватели вели дебаты по поводу предстоящих забегов на 800 м. Достоинства и возможности конкурентов взвешивали скрупулезно, ибо в этом виде на дорожку Олимпийских игр 1960 года выходило несколько равных по силе бегунов.

Задача была нелегкая. Ведь здесь были представлены лучшие бегуны мира: обладатель мирового рекорда в беге на 800 м Роже Мунс, Эрни Канлифф, Джордж Керр, Христиан Вэгли, Иштван Рожевельди, Джерри Зиберт, Булышев, Балке, Мерфи, Матушевски, Шмидт. Из этих бегунов каждый мог победить.

Никто из знаменитых обозревателей и знатоков человеческих мышц не угадал победителя, мало того, большинство вовсе не упомянули его в своих спорах. Их можно оправдать. Будущий победитель, выходя на дорожку в Риме, был человеком почти совершенно не известным не только на Играх, но и в своей собственной стране. Он был настолько не известен, что перед его первым квалификационным забегом, в котором участвовали четыре спортсмена, комментатор Би-би-си заявил: «Это смешно. Забег из четырех человек, и вы можете написать сразу трех первых, прежде чем дадут старт». В число этих трех из четырех победитель включен, конечно, не был.

Этого комментатора тоже можно понять.

На старте неизвестный бегун не вызывал особенных эмоций у большинства из тех, кто смотрел на него. Он выглядел неуклюжим и слишком массивным. Только те немногие, которые уже знали его, понимали, что эта неуклюжесть представляет собой внешнее выражение безграничной силы, которая в скором времени произведет взрыв на мировой беговой арене.

Спустя четыре дня каждый, разумеется, знал его. Питер Снелл из Новой Зеландии сразу стал человеком, о котором заговорили.

Бегун, которому исполнился всего 21 год, приехавший на Игры с багажом, включавшим единственную сомнительную поддержку в 1.49,2 на полмили, уехал после Игр с результатом 1.47,0 в пересчете на эту дистанцию.

Спустя всего лишь несколько дней, выступая в эстафете в

Лондоне, он побил свой результат, показав в этапе 1.45,4 (с пересчетом на старт с места), что было уже лучше мирового рекорда, и притом на 1,4 сек.!

В дальнейшем Снелл продолжал поражать легкоатлетический мир сериями выдающихся достижений. Три олимпийские золотые медали, два олимпийских рекорда, восемь мировых рекордов, две медали на Играх Британского содружества и цепь блестящих побед над всемирно известными бегунами как на полмили, так и на одну милю создали ему во времена его расцвета ореол непобедимости.

Он осложнил жизнь спортивным обозревателям, заставив их находить новые штампы, чтобы достойно описать его, потому что старые, долго применявшиеся к выдающимся средневикам прошлого, легким и худощавым, для него не подходили. Печать создала о нем представление как о гиганте с легкими оперной звезды, мощью и сложением першерона, со стилем бега, напоминающим ход тяжелого танка; как о колоссе с ногами, громоздкими и массивными, угрожающе грациозными.

Питер вовсе не такой уж большой — одна южноафриканская газета, например, даже ударилась в другую крайность и назвала его маленьким, — но он налетает на ленточку своими более чем 170 фунтами костей и мышц со скоростью почти 18 миль в час и шагами по 9 футов длиной. Все это создает впечатление ошеломляющей мощи.

Он начал новую эру в беге на средние дистанции — эру господства мощи — и закончил со своим уходом из спорта, потому что еще не появился бегун, превосходящий его в силе и скорости.

Бремя славы обрушилось на Снелла, когда он еще не был полностью зрелым как атлет и как личность. Он был уравновешен и чувствителен почти до степени самососредоточения. Он быстро превратился в общественную фигуру, однако черты этой чувствительности остались, и во многом он и сейчас остается уравновешенным и рассеянным.

Снелл — человек, который во всем стремится к совершенству. Он не был удовлетворен, особенно в беге, если хоть что-нибудь не было самым лучшим, и временами преодолевал большие трудности, чтобы добиться лучшего в мире.

Снелл — щедр. Мировое признание предъявляло большие требования к нему в отношении его времени, его терпения, способностей, и он никогда не отказывался выполнять эти требования без крайних на то оснований. Он, например, считал свое участие в специальных соревнованиях, проходивших под девизом «Миля из 4 минут» в его родном городе Окленде, делом

чести, в то время как можно было бы довольно легко отказаться от них в конце напряженного сезона, сказав только «с меня довольно».

Жизнь с неизбежностью привела Снелла в спорт, хотя именно в бег направил его случай.

Родившись 17 декабря 1938 года, он уже в 5 лет постигал трудное искусство игры в теннис и изучал если не практику, то, по крайней мере, теорию игры в крикет в этом же самом возрасте.

Снелл родился в маленьком городке Опунэйк на побережье Таранаки; он был третьим в семье и единственным из детей, для кого спорт стал по-настоящему серьезным делом.

Главное основание притязать на известность Опунэйку дает подковообразная группа утесов 100 футов высотой, лежащая на крепкой, пружинистой почве и среди широкого пространства темных песков. На этих утесах и не песках Снелл провел многие дни своего детства, бессознательно способствуя укреплению своих мышц и координации движений.

Родители Снелла не форсировали его спортивное образование, побуждая его заниматься тем, что сами они любили больше всего: мать — теннисом, а отец — крикетом. Когда мать шла на площадку, крепкий малыш Питер усердно практиковался с ней в теннисе. Когда же местная команда играла в крикет, он неотступно следовал за отцом.

Долгие годы теннис оставался любимым занятием Снелла, хотя, как почти все новозеландские мальчишки, он в восемь лет увлекся футболом. Постепенно он научился играть в бадминтон, гольф и хоккей.

Его интересовало все, и он проявлял необычное усердие в овладении спортивной техникой и улучшении своих результатов, что впоследствии стало отличительной его чертой.

В 1947 году семья Снеллов переехала из Опунэйка в Те Ароху, и здесь физическое воспитание Питера начало развиваться в нарастающем темпе.

Чемпион начальных школ по теннису, нападающий в сборной команде регбистов начальных школ Тэмз-Вэлли, первый среди регбистов и футболистов в средней школе Те Арохи, чемпион Тэмз-Вэлли в одиночных и парных первенствах по теннису, четвертьфиналист в возрастной группе до 17 лет в чемпионате Новой Зеландии по теннису — вот лишь небольшие вехи напряженной спортивной жизни Снелла.

Снелл, между прочим, от природы левша. В начальной школе один учитель взялся с благими намерениями превратить его в нормального человека, однако к тому времени Снелл уже хорошо владел левой рукой, доминировавшей в его занятиях теннисом, и

все усилия быт напрасны. Тем не менее он научился писать правой рукой почти так же, как левой.

Способности к бегу у Снелла проявились рано, но вот интереса не было. Он бегал, когда можно было выступить в соревнованиях, бегал, когда нужно было поддержать честь школы, но с не меньшим желанием готов был прыгать с шестом или в высоту, причем в обоих вида добился определенных успехов даже и после того, как стал уже вполне установившимся юным бегуном на полмили.

Наверное, только благодаря единственной причине — стремлению сжечь избыток энергии, которая била через край, он приучился бегать каждое утро еще во время пребывания в Опунэйке. Уже с первых дней жизни в Те Арохе он бегал ежедневно от дома до школы и обратно, но единственное, что побуждало его к этому, было желание сберечь время в обеденный перерыв для игры в футбол или крикет (смотря по сезону), так как велосипеда в то время у него не было.

Снелл участвовал в нескольких школьных соревнованиях школ в Вейхи, выступая, и довольно удачно, на более длинных дистанциях. Однако что такое настоящее соревнование на дорожке, он узнал, когда ему исполнилось 12 лет.

Это были соревнования начальной школы, и хотя Питеру не удалось занять призовое место в спринте, он выиграл 440 и 880 ярдов с рекордным временем.

В 1951 году Снелл улучшил свое время на полмили примерно на 11 секунд, но участвовал в соревнованиях лишь потому, что это было состязание, в котором на него возлагали определенные надежды. Все это время он был вполне убежден, что его будущее в спорте — теннис. Его школьным учителем был Кен Клемменс, чемпион по теннису Те Арохи. И в Те Арохе был отличный травяной корт для молодых теннисистов.

Отличительная черта характера Снелла — все делать как можно лучше впервые проявилась в беге, когда он учился в средней школе. Перед ежегодным школьным стипль-чезом, в котором нужно было участвовать каждому, он провел несколько пробных пробежек по трассе. К этому его побудила мысль о том, что если некое дело достойно того, чтобы его делать, делать его следует хорошо. Он обнаружил, что от природы он способен хорошо бежать по естественной пересеченной местности (эта способность у него осталась и в дальнейшем), и это обстоятельство плюс беговая практика принесли Питеру победу на юношеских соревнованиях с рекордным временем.

Свою первую милю Снелл пробежал в 14 лет, пробежал без специальной тренировки и только потому, что как чемпион

школы в стипль-чезе в спринте выступать не мог, а должен был где-то участвовать в школьном чемпионате. Его результат — какие-то жалкие 5 мин. 21 сек. — все же был рекордом школы.

Однако занятия теннисом шли особенно успешно. Настолько успешно, что когда он играл в возрастной группе до 17 лет в чемпионате Окленда против Лью Джерарда, наиболее талантливого игрока послевоенных лет в Новой Зеландии, тому потребовалось три сета, чтобы избавиться от Питера в четвертьфинале.

Все же тогда в становлении Питера Снелла еще не было черт того Питера Снелла, который в 1960 году в Риме удивил всех.

И вот история, рассказанная им самим.

Встряска и пробуждение

В 1955 году меня послали в пансионат средней школы на горе Альберта в Окленде, где я готовился к технической специальности. Одним из первых, о ком я услышал здесь как о спортсмене, был Герби Тауэрс, школьный тренер по легкой атлетике. Брат Тауэрса в Те Арохе сказал ему, что я вполне приличный легкоатлет, и он был весьма настойчив в том, чтобы я продолжал заниматься легкой атлетикой.

Однако после сравнительно быстрых успехов в Те Арохе здесь я испытал внезапное потрясение. В первых же соревнованиях на 1 милю я с трудом занял третье место, отстав от победителя примерно на 150 ярдов. В беге на полмили снова был третьим с разрывом примерно в 80 ярдов. На финише раньше меня были Майкл Мэки и Тони Эстон, оба из Окленда, выступавшие по группе юниоров. Вот так обстояло дело с природными способностями. Я реагировал на эти ошеломляющие поражения заключением о неоспоримом превосходстве надо мной этих бегунов и решил, что будет лучше переключиться на теннис.

В это же время мой отец, пытаясь раздобыть надежного игрока, сообщил специалисту по крикету Дэдди Вейру, что я — довольно способный, неторопливый левша. Дедди сразу проверил меня. Я произвел на него достаточно благоприятное впечатление, чтобы получить место в первой команде крикетистов для участия в первом матче.

Возможно, я занимался крикетом больше, чем нужно тому, кто предпочитает играть в теннис. Но, к счастью, игры в крикет проводились после полудня, и в теннис мне удавалось играть за школу по утрам.

В первый год пребывания в школе на горе Альберта лучшим моим легкоатлетическим результатом было четвертое место в кроссе, который проводился среди учащихся средних школ. Грозный Мэки был первым, за ним пришли два парня из Королевского колледжа. На следующий год в этих соревнованиях я прибежал вторым вслед за Мэки и был впереди Эстона.

Единственную победу в первый год мне принесли прыжки в высоту с результатом 5 футов 2 дюйма, что служило некоторым утешением.

Мэки был, так же как и я, в школьном пансионате, и он впервые привлек меня к серьезной тренировке в беге. В конце 1955 года я был уже достаточно подготовлен, чтобы выступить в межшкольных соревнованиях в эстафете 4 по 880 ярдов. Команда,

состоявшая из Мэки, Эстона, Д. И. Линча и меня, сбросила 7,3 секунды с рекорда, закончив бег с результатом 8.28,7. Эстон в это время являлся чемпионом колледжей на одну милю, чемпионом провинциального округа на две мили и был вторым на первенстве страны на две мили. Мэки победил на 880 ярдов в межшкольных соревнованиях и в первенстве Окленда среди юниоров и, так же как и Эстон, был вторым на первенстве страны в беге на 880 ярдов. Таким образом, я оказался в избранном обществе.

Между прочим, после школы я не участвовал в эстафетах до 1961 года, когда в одном из соревнований в Дублине наша команда в составе Мюррея Халберга, Барри Мэги, Гарри Филпотта и меня побила мировой рекорд в беге на 4 по 1 миле.

Спорт, как можно догадаться, преобладал в моей жизни во время учебы в школе.

В 1956 и 1957 годах я выигрывал школьные чемпионаты по теннису. В 1957 году Мэки и Эстон уже окончили школу, и я выиграл звание чемпиона школы в беге на одну милю и полмили. После этого я собрался выиграть межшкольные соревнования и показать рекордное время.

Рекорд школы на полмили принадлежал Н. Уилсону и равнялся 2 минутам ровно — результат, который и Эстон и Мэки могли бы побить на несколько секунд, если бы состязались в благоприятных условиях или были бы в хорошей форме в нужное время. Поэтому несмотря на то, что я никогда не был выше, чем они, я выиграл соревнование, когда все условия, включая погоду и мою подготовленность, были благоприятными, и установил рекорд, показав 1.59,6. Я был также вторым вслед за Тони Дэвисом в прыжках в длину и третьим в беге на одну милю.

Межшкольные соревнования были волнующей встречей. Каждый колледж имел свою толпу болельщиков, своих специальных крикунов, и они невероятно шумели на протяжении всего соревнования. Бег на рекорд в таких условиях был, я думаю, одним из самых волнующих моментов в моей спортивной жизни. Я помню, что когда, объявляя результат, диктор сказал: «Одна минута…», все потонуло в реве болельщиков. Чувство, возникшее при этом, можно сравнить с тем, которое я испытал впоследствии, когда впервые пробежал одну милю быстрее чем за четыре минуты.

Слушая этот рев, я вспоминал комментарии, которые дал в 1953 году на межшкольных соревнованиях в Вайкато мой более опытный товарищ по команде в Те Арохе Боб Липси. Второй год подряд я финишировал вторым в беге на одну милю в группе юношей, лидируя всю дистанцию до последних 220 ярдов. Липси сказал: «Пит, из тебя ничего путного не выйдет. У тебя не хватает

финишного броска».

Помимо упомянутых увлечений в этот сумасшедший спортивный период я в продолжение трех сезонов играл в первой команде регбистов: полузащитником в 1955 году, нападающим второй линии схватки в 1956-м и затем крайним нападающим в 1957-м.

В последний год моего пребывания в школе я пробежал милю за 4.48,4 и полмили за 2.01,6.

Из-за того, что я был на пансионе, мне было трудно играть в теннис столь же интенсивно, как раньше. Этот вид спорта затмевался по мере того, как я концентрировался на командных школьных играх. Но все же я старался играть в теннис как можно больше, а кроме этого, подготовленный отцом, усовершенствовался в гольфе настолько, что принял участие в нескольких школьных турнирах.

Зимой я играл в бадминтон в Те Арохе, но потом бросил эту игру и не возвращался к ней вплоть до 1960 года, когда перед олимпийскими играми я снова занялся бадминтоном, чтобы переключиться и отдохнуть от напряженной беговой работы.

В 1957 году я вступил в легкоатлетический клуб Те Арохи и теперь мог выступать на новогоднем карнавале клуба. Я выиграл там соревнования для юниоров на милю и полмили, и перспектива завоевать еще несколько прелестных призов соблазнила меня на участие и в следующем году. Однако гандикаперы решили, что мне не следует давать возможность легко повторить достижения 1957 года. В беге на 880 ярдов меня поставили так, что я был всего на 15 ярдов впереди Билла Бейли и бывшего чемпиона страны на полмили Поля Пенлингтона. Мое сердце упало. Никаких видов на прелестные призы на этот раз не было. Все же я решил бежать в полную силу и, концентрируясь на том, чтобы достать участников, бежавших с форой 15 ярдов впереди меня, постоянно ждал, что Бейли и Пенлингтон обойдут меня сзади. Постепенно я вышел в лидеры и, не осмеливаясь взглянуть назад, стал «молотить» до тех пор, пока не сорвал ленточку. Я был изумлен, придя первым. Время было 1.57,0, что, имея в виду мой гандикап, хорошо согласовывалось с моим лучшим предыдущим результатом на эту дистанцию.

Билл и Поль между тем финишировали далеко в хвосте. Я тогда ликовал, думая, что мне удалось побить двух выдающихся бегунов. Мне не приходило в голову, пока я не познакомился с легкой атлетикой поближе, что они выступали в праздник, были на соревнованиях ради развлечения и вовсе не пытались их выиграть.

Благодаря этим соревнованиям мне удалось второй раз

встретиться с Артуром Лидьярдом, который здесь выиграл 17-мильный пробег по шоссе. Во время этой встречи я только и успел сказать ему, что по-настоящему увлекаюсь теннисом, на что Лидьярд небрежно заметил: «О'кей, это игра хорошая».

Первая встреча с Лидьярдом произошла в Окленде. На следующий день после того, как Мюррей Халберг пробежал милю с новозеландским рекордом 4.01,2, Майк Мэки привел меня в дом Артура, и мы все вместе пробежали 15 миль. Вернее, мы собирались пробежать 15 миль все вместе, но у меня не хватило сил добежать до конца.

Похвальная заметка в местной газете после того, как я пробежал полмили за 1.57,0, была достаточным стимулом для моего решения потренироваться немножко больше, чтобы успешно выступить на соревнованиях, которые должны были состояться через две недели. После этих соревнований должна была быть сформирована команда Вайкато для предстоящего матча в конце января против Окленда на оклендском стадионе.

Это были состязания равных по силе спортсменов в Те Арохе, и я показал лучший результат на 880 ярдов — 1.58,0, выиграв у пришедшего к финишу вторым 35 ярдов. Газета «Нью Зилэнд Геральд» поместила похвальную заметку, из-за чего я на некоторое время оставил теннис. Журналист, написавший эту заметку, проследил за ростом моих результатов в течение довольно значительного времени и сделал много, чтобы заинтересовать меня бегом по-настоящему.

Конечно, вкупе с этим ободрением речь шла и о достижениях. Общественная известность вызывает хорошее настроение, и совершенно естественно, если такая известность побуждает спортсмена искать ее в еще большей мере.

В отчете «Геральд» было сказано, что мое достижение «изумительно для того, кто до последних трех недель «тренировался» к бегу на смешанной диете крикета и тенниса. Это подчеркивает потенциальные возможности блестящего, всесторонне развитого спортсмена…» Вполне достаточно, чтобы подхлестнуть любого в этом нежном, впечатлительном возрасте.

Я попал в сборную команду Вайкато. Однако мои надежды на хорошее выступление против полумилевиков в Окленде были грубо растоптаны более опытными бегунами из Вайкато. Они заявили, что я должен быть готовым к избиению. Видимо, я был настолько раздражающе наивен относительно своих возможностей, что это вызвало их досаду. Если мне не изменяет память, я спросил их тогда тоном превосходства, кто в Окленде считается хорошими полумилевиками.

Перед встречей Окленд — Вайкато я переехал в Окленд на

работу в землемерную контору. Я провел там кое-какие тренировки и, пробежав как-то особенно хорошо 660 ярдов, подошел к местному тренеру, чтобы узнать, как готовиться к предстоящей полумиле. Он весьма неопределенно указал, что мне следует побегать трусцой.

Что же касается встречи, то она у меня прошла в борьбе с Джимом Хинтоном, рекордсменом Окленда, имевшим результат 1.52,8, и Пенлингтоном, чемпионом Новой Зеландии 1956 года. Не могу сейчас точно вспомнить, что случилось во время соревнования, кроме того, что вышел на прямую с юношеским задором и с мыслью о том, что мне нечего терять. Я был вне себя от радости, обнаружив, что выиграл бег с великолепным результатом — 1.54,1, на несколько секунд лучше, чем надеялся.

Сразу же после бега Майк Мэки вышел из толпы и отозвал меня. Он спросил, встречался ли я с Артуром Лидьярдом. «Нет», — ответил я, полагая, что два наших коротких свидания вряд ли могли означать встречу. «Ну, — сказал Майк, — теперь ты должен с ним встретиться».

Майк говорил тогда больше всех, что было обычно для него, и в конце концов, не ведя речи о том, хочу ли я тренироваться у Артура или хочет ли Артур тренировать меня, он решил, что я буду учеником Артура.

За учение я взялся с энтузиазмом. Одной из первых тренировок с Артуром было выполнение пробежек по 220 ярдов в группе с Мюрреем и несколькими другими спортсменами. После трех или четырех пробежек я подскочил к Артуру и сказал: «Ну, темп немного слабоват. Могу ли я бежать быстрее, если мне хочется?»

Мюррей заметил это, и его глаза выкатились из орбит. Думаю, такое заявление раздразнило его не на шутку. Он бежал эти 220 ярдов почти в предел. Рей Пакетт, другой спортсмен из группы, чуть не лопнул от смеха. Мюррей тогда был, вполне возможно, самый быстрый из группы Лидьярда и, наверное, смотрел на меня как на хвастуна. Однако по команде Лидьярда «Давай!» я присоединился к группе и регулярно стал заканчивать пробежки первым с отрывом в несколько ярдов.

Я очень уважал Артура. Я обращался к нему почтительно «мистер Лидьярд» до тех пор, пока он не сказал мне коротко и ясно, что его имя Артур. Я был быстро принят как член семьи, что было мне очень приятно, ибо из-за полного отсутствия собственных представлений о тренировке всецело опирался на него и был особенно озабочен тем, чтобы порадовать его моими достижениями.

Я забросил теннис и все остальное после того, как показал

эти 1.54,1, и стал отдавать все время легкой атлетике. Вскоре Артур завоевал мое полное доверие. Он убедительным тоном говорил о славных вещах: о национальных чемпионатах, о возможности поехать на Британские игры и при этом предостерегал, чтобы я не торопился, поскольку из-за недостатка физической подготовленности я могу надеяться вначале лишь на весьма посредственные результаты.

Одним из затруднений в моих ранних тренировках с Артуром были мышечные судороги — следствие многократных скоростных пробежек. Несколько раз, когда я был в кино, я вызывал неодобрение, внезапно вскакивая с ужасающим шумом, потому что то одну, то другую ногу сводило в жесточайшей судороге.

Стоял конец января, и сезон продолжался. Я выиграл первенство Вайкато, бегал в специальных встречах в Иден-парке, а затем наступил день моего первого выступления на чемпионате страны. Здесь был шанс попасть в национальную сборную на Британские игры, и, будучи недостаточно искушенным, я надеялся, что не упущу его. Я не слишком верил в то время, что могу побеждать в беге на 880 ярдов, и довольно далеко отпустил Пенлингтона после первого круга, который он прошел за 53 сек. Майк Ервейкер, обладатель рекорда страны в беге на 440 ярдов, догнал Пенлингтона в начале финишной прямой, и они отчаянно боролись вплоть до финишной ленточки. Ервейкер выиграл грудь, и оба показали результат 1.52,5, но никто из них не пробежал последних 220 ярдов так быстро, как я. Я мог бы обойти их, но спохватился слишком поздно. Я пришел третьим с результатом 1.52,9, и было совершенно ясно, что будь еще 200 м бега, я бы побил их. И вполне возможно, если бы победил, то попал бы на Британские игры.

Наступил конец сезона 1958 года. Я уже не был подающим надежды игроком в теннис, в крикет или в гольф. Я стал бегуном и начиная с этого времени полностью погрузился вместе с Артуром в тренировочную программу по подготовке к сезону кроссов, имея на прицеле одно из важнейших соревнований в моей карьере — 2000 м против Мюррея, который возвратился из своего турне по Европе и Африке после Британских игр.

Взрыв слез

В группе Лидьярда я стал любимцем. Эта роль до меня принадлежала Рею Пакетту, и Артуру, и остальным пришлось по-настоящему поработать, чтобы отправить его в Кардифф на Британские игры. Каждый из учеников Лидьярда был в свое время любимцем, и теперь пришла моя очередь. Я оказался под пристальным контролем Лидьярда.

Я выступил в клубе Оуэйрэйка и вскоре был полностью поглощен новым кругом товарищей, чье отношение к спорту очаровывало. Отдельно от больших, известных фигур в «стойлах» Лидьярда содержалось несколько не блиставших талантами, но преданных спорту парней; хороших результатов они не показывали. Тренировались они вместе с Мюрреем Халбергом и остальной компанией и делали это с тем же напряжением, что и все остальные, несмотря на то, что не были бегунами класса Халберга и, возможно, никогда бы не смогли ими стать.

Я оказался со всех сторон окруженным этими людьми и очень радовался, поскольку было очевидно, что мне придется провести с ними уйму времени и все они могут быть полезны. Чтобы воспринять то количество беговой работы на выносливость, которого требуют артуровские методы тренировки, важно иметь постоянную компанию и поддержку со стороны. То была работа, которую я не смог бы, по крайней мере тогда, выполнить в одиночку.

Глазными действующими лицами в этой дружелюбно настроенной и разнообразной компании были, конечно, Мюррей Халберг, Билл Бейли и Барри Мэги — три фигуры мирового класса, с которыми я впоследствии был тесно связан многие годы.

Мюррея и меня из-за многих турне, в которых мы оба участвовали, часто называли «старая фирма», но у нас были странные взаимоотношения. Мое отношение к Мюррею было отличным от отношения Мюррея ко мне. Этим я хочу сказать, что никогда не знал, что Мюррей думает обо мне. Это стало более очевидным после Рима и после моей ссоры с Артуром. Мюррей — весьма милый человек, но, как мне кажется, легко попадает под влияние других, что я не считаю хорошей чертой характера.

Когда между Артуром и мной возникли разногласия, он принял сторону Артура, которому верил безгранично. Мюррей представляет собой комбинацию самососредоточенности и общительности. В компании он чувствует себя лучше, чем я, может показывать изумительные результаты для публики, и все

же он не менее замкнут, чем я,

В Барри я нашел более надежного товарища. Он принадлежит к типу людей, которым все дается с трудом, хотя внешне он так не выглядит. Приятно смотреть на его бег, но вы никогда не ожидаете, что он покажет что-либо действительно из ряда вон выходящее. Он бежит почти феерически и в марафоне и на дорожке, но маленькое «экстра» — то, что делает бег исключительным, — в нем, кажется, не присутствует. Барри — совершенство как партнер в тренировке. Бегая с ним, я всегда чувствовал, что мы идем именно с той скоростью, которая мне требовалась. Никогда слишком быстро или слишком медленно, и если я хотел соревноваться по ходу бега, он чувствовал и, весьма вероятно, осознавал это. В этом отношении он был полной противоположностью Биллу Бейли.

Подобно мне, Барри позволял нагружать себя выступлениями для публики. Он чувствовал, что это дело нужное. Он никогда не мог сказать «нет» людям, которые требовали от него выступления. Но мне кажется, ему было бы трудно считаться с этими требованиями, если бы он был на самой вершине спортивной славы. Мне нравился характер Барри, и особенно его расположение к клубу и товарищам по тренировке. Если я рыскал повсюду, скрупулезно подыскивая таких партнеров по тренировке, которые могли мне помочь, то Барри оставался с теми, с кем бегал всегда, даже если они были только «кроликами».

Билл — целиком человек общества, и притом такой, которого невозможно не принять хорошо. Я думаю, что если бы его когда-нибудь по-настоящему не поняли, ему бы пришел конец. Он полон доморощенной философии, и ему все равно, кто его слушает. Некоторые из его любимых изречений стали легендарными в кругу друзей. После женитьбы, однако, он радикально переменился, перестал быть затейником для публики, предметом ее насмешек, и, думаю, это для него к лучшему.

Билл мог бы вызывать раздражение, возможно ненамеренно, поскольку он от природы человек прямодушный. Однажды он прогудел: «Что вы делаете? — Шесть по 440.— Ну, вам следует это делать чуточку лучше, иначе это будет напрасная трата времени». В другой раз в Стэнмор-Бэй, в то время как мы в поте лица трудились на тренировке, он заявил: «Боже мой, вы — слабаки».

Мое последнее выступление летом 1957/58 года *(В Новой Зельдии середина лета падает на январь. — Прим. пер.)* показало, как сильно я нуждаюсь в общей выносливости, приобретение которой спланировал для меня Лидьярд. Речь идет о полумиле в

Вайкато против команды австралийских университетов в Седдон-парке Гамильтона, где я впервые соревновался с очень хорошим австралийским бегуном Тони Блю, впоследствии ставшим моим близким другом.

В этот период у меня уже была некоторая известность — я был третьим бегуном Новой Зеландии на полмили, — и, чтобы поддержать свою репутацию, я сразу после старта взял лидерство и вел бег без неприятностей до 660-ярдовой отметки. После этого Тони поставил меня в глуповатое положение, выйдя вперед и победив без особых усилий.

Вплоть до этой встречи я горел желанием непременно выступать в соревнованиях, но теперь, мысленно возвращаясь к тем дням, не могу не видеть, что во время встречи с Тони мое физическое состояние не позволяло больше участвовать в соревнованиях. Если начертить кривую готовности к соревнованиям, то тогда я находился на ниспадающем ее участке. Резервов больше не оставалось.

Артур убеждал меня как можно скорее присоединиться к ребятам и включиться в полную тренировку в беге на выносливость. Однако я нашел это чрезвычайно тяжелым, и мои начальные усилия пройти через программу 100 миль бега в неделю давали сбои. После двух добрых пробежек по 15 миль могли быть хилые четыре мили в день, во время которых я старался отдохнуть от проведенной работы. Не был благоприятен для тренировки и тот факт, что я был вынужден вечерами, дважды в неделю, ходить в школу, для подготовки к экзаменам на звание землемера, которые должен был держать в конце года.

Я ясно понимал свои недостатки благодаря определенной линии, которую Артур настойчиво проводил в своих советах. Эти идеи до сих пор живы во мне. Артур говорил, что я буду готовым ко всему на свете лишь тогда, когда проглочу столько бега на выносливость, что, пробежав один раз по кольцу Вайатаруа, почувствую себя в состоянии сделать еще один круг.

Поскольку Вайатаруа — это 22 мили по сухой почве через холмы, по заросшим кустарником тропам, указанная задача казалась мне невыполнимой. Тем не менее после того, как я побегал несколько недель по 10 и 15 миль, меня как-то склонили присоединиться к пробегу по Вайатаруа. Для этой цели Артур организовал большую группу бегунов, и мы начали бег от дома Мюррея, что сокращало расстояние на милю против обычного, когда старт давался от дома, где жил Артур.

Мне было приятно узнать, что Кейт Скотт взялся сопровождать нас по трассе в своем автомобиле, чтобы подбирать тех, кто свалится по дороге. Я внутренне чувствовал, что мне его

помощь понадобится.

В этой книге вы узнаете еще многое о Кейте Скотте, подобно тому как и я с течением жизни узнавал о нем все больше и больше. Мудрый советчик оклендских спортсменов и врачеватель их болезней и недомоганий, приземистый, коренастый, басовитый Кейт сочетал в себе философа и первоклассного массажиста. Он был человеком, к которому мы, спортсмены, шли со своими проблемами, и Кейт вместе с женой, не менее, чем он, отзывчивой, знал о нашей личной жизни, наверное, больше, чем кто-либо другой в Окленде.

Позднее Кейт познакомил меня с поэмой Киплинга «Если» и подарил мне прекрасно иллюстрированный экземпляр этой книги. Его руки были доступны для нас в любое время дня и ночи, и временами казалось, что они имеют глаза. Отыскивая и излечивая усталый или напряженный мускул, они были настолько проницательны, насколько был таковым его мозг, ободряя и умиротворяя чье-нибудь обеспокоенное или путаное сознание. Кейт был всегда большим поклонником Лидьярда, правда исключая одно. Он никогда не мог понять, почему Артур в высшей степени пренебрежительно относился к его идеям относительно гимнастических упражнений и однако включил их в свою книгу «Бег к вершинам мастерства».

Как бы то ни было, в первые восемь миль моего первого пробега по трассе Вайатаруа через Авондейл и Глен-Эден я чувствовал себя в норме. Но затем пошли холмы, и на этой стадии бега Джефф Джулиан и Брюс Эйвент, которые решили посоревноваться в тренировке, вырвались вперед. Они рассеяли группу, и очень скоро по всей дороге были видны спортсмены, трудившиеся в одиночку.

Я поднажал, и вскоре Артур и Барри Мэги остались позади. В этом не было ничего удивительного, поскольку Барри готовился к Играм в Кардиффе и к этому пробегу относился легко, а Артур оставался рядом с ним для поддержки. На вершине большого холма я перешел на ходьбу, и теперь оставшиеся многие мили стали рисоваться мне в мрачном свете. Артур перегнал меня, спросил коротко, с какой целью иду пешком, и продолжал бег. Повинуясь, я снова перешел на трусцу.

Вблизи Титиранги, после 15 миль бега, мне снова стало плохо и показалось, что все ушли далеко вперед. Внезапно Рей Пакетт догнал меня. В ответ на мой удивленный вопрос, откуда он взялся, он сказал, что некоторые обязанности перед природой задержали его пару раз в пути, но теперь все в порядке, и он готов составить мне компанию на оставшуюся часть пути.

После 18 миль мне показалось, что трассы не одолею. Я

крикнул Кейту, все еще терпеливо рулившему в своей удобной машине, держаться поближе, потому что почувствовал, что он мне скоро понадобится. Через две мили я решил пересесть в его машину, но, обернувшись назад, увидел, что он исчез. Кейт уехал. Позднее он сказал, что принял такое решение, так как считал, что я не умру, если продолжу бег, но если сойду с трассы в первой же пробежке, то мне не удастся одолеть ее никогда.

Хорошенькая философия, сказать нечего, но теперь легкая крутизна холма святого Джуды в Авондейле казалась мне южной стеной пика Эверест, и, когда мне не удавалось идти вверх, я полз на четвереньках.

Я сказал Рею, чтобы он уходил. «Я готов», — сказал я ему. Это не выглядело слишком убедительно, но, поколебавшись немного, он ушел вперед.

Смутно помню, как дошел до Хендон-авеню, совсем рядом и так далеко от дома. Мои ноги отчаянно болели даже при ходьбе, и я повис на заборе. Однако я сказал себе, что должен закончить дистанцию во что бы то ни стало. В такой компании я никому не желал бы упасть духом, и уж, конечно, не самому себе.

Безотчетная, слепая решимость подгоняла меня вперед, и я тащился вдоль улиц до тех пор, пока каким-то образом не очутился рядом с домом Халберга. Все остальные были уже там, одетые в тренировочные костюмы. Я протащился в комнаты, упал на диван и разразился потоком слез. Это было стыдно, почти унизительно, но я ничего не мог с собой поделать.

С тех пор такая вещь случилась со мной еще однажды — это было после того, как я пробежал милю против Джона Дэвиса в Дюнедине на встрече в присутствии королевы; тогда грохнулся в раздевалке и зарыдал. Это не было жалостью к себе, не проистекало от поражения, от утомления или реальной боли. В конце концов в Дюнедине я побил Джона и вышел из четырех минут на влажной дорожке. Мне кажется, дело здесь в том, что эмоциональное напряжение достигало такой силы, что места для самоконтроля уже не оставалось.

Однако теперь ничем, кроме этих отчаянных усилий, Вайатаруа меня уже не пугала. У меня были трудные моменты в беге, но были и удовольствия. Обычно мы в пятки туфель клали деньги и вытаскивали их в Титиранги и в гараже в Нью-Линне, чтобы освежиться мороженым; на вершине большого холма был водопад, и мы забирались туда за чистой проточной водой.

С начальных 3 часов, потребовавшихся мне на преодоление кольца, я в дальнейшем пришел к 2 часам 30 минутам, и это в те дни было хорошим результатом. Теперь признаком настоящей готовности считается результат 2 часа 15 минут.

Ко времени моего первого соревнования в сезоне кроссов я почувствовал, что начинаю приобретать настоящую подготовленность. В это время третий результат вслед за Мюрреем и Барри в юбилейной эстафете вокруг Авондейла был хорошим стимулом в моей тренировке.

Я вошел в колею тренировочной программы, которая предусматривала два дня довольно легкой работы перед нашими воскресными пробежками по трассе Вайатаруа, где меня вначале сопровождали Мюррей Дорин, Джефф Джулиан, Дэйв Госс и Джон Моррис. Обычно мы начинали бег от моего дома в школе на горе Альберта.

Позднее, по мере того как моя подготовленность улучшалась, я стал тренироваться с более быстрой группой. Я всегда старался тренироваться с бегунами, лучшими, чем я сам, поскольку не только охотно отвечал на элемент соревнования, но и нуждался в нем. В свое время я учился таким образом и теннису, играя против более сильных игроков. Что же касается подготовки в беге на средние дистанции, то нахожу идеальным тренироваться вместе со спринтерами, выполняя скоростную тренировку, и вместе с бегунами на длинные дистанции — при работе на выносливость.

Не считая Джеффа Джулиана, который имел заметное превосходство в состязаниях по кроссу, в Окленде было много равных по силе соперников, поэтому я был весьма доволен, войдя последним в команду провинциального округа на национальный чемпионат по кроссу в Инверкаргилле.

В этих соревнованиях превзошел всех Керри Уильямс. Я не был готов к длительному кроссовому бегу. Такой бег сильно отличается от бега на небольшие расстояния, который был основным типом соревнований, где я участвовал до этого. Конечно, мне и в голову не приходило, что я смогу выиграть каким-то образом титул чемпиона Новой Зеландии, и я, по существу, совершил легкую прогулку по трассе. После этого я еще выступил в подвернувшемся соревновании на шоссе и затем продолжал тренировку в беге на средние дистанции, ориентируясь на сезон 1959/60 года.

Мне доставляло большое удовольствие участвовать в командных состязаниях по кроссу, потому что Оуэйрэйка имела хорошую команду. Мы провели много яростных дуэлей с сильным Линдейльским клубом, который гордился своей звездой Биллом Бейли.

Рождество 1959 года мы провели на горе Мангануи вместе с Джеффом, Мюрреем, Дорином, Малькольмом Мередитом и Джони Робинсоном. Это был мой первый опыт — жить всецело

спортом. По утрам мы тренировались, весь день загорали и занимались серфингом, а вечером приступали к скоростной работе, всегда вместе, помогая один другому. То были счастливые дни. Мы невероятно серьезно относились к тренировке, но никто из нас не нес бремени международной репутации и ни у кого не возникало неприятного чувства, если мы выпускали какой-то кусок нашей тренировочной программы.

Сезон на дорожке для меня начался состязанием на 2000 м с Мюрреем Халбергом. Сейчас я уже не помню, каким образом был вовлечен в него. Думаю, что соревнования были организованы для Халберга. После длительного заморского турне ему нужно было выступить для своего клуба, показать себя публике. Однако из-за потери спортивной формы он не был в состоянии пробежать милю так, как от него ждали после того, как он вышел из четырех минут в Дублине. Выбор этой странной дистанции диктовался необходимостью скорее продемонстрировать свою манеру бега, чем показать действительно хороший результат. Я понял это, когда мне самому пришлось участвовать в бездне таких соревнований, что было подобно наказанию.

Тем не менее это все же было состязание — состязание между победоносным мастером Мюрреем Халбергом, показывавшим себя публике, и мной, жаждущим пробиться в большой спорт. Мне нечего было терять, зато выиграть мог многое, вот почему я прилип к Халбергу. За круг до финиша Мюррей обнаружил, что я еще не отстал, и увеличил темп бега. За 220 ярдов до финиша он опять увидел, что я еще рядом с ним. На этот раз он по-настоящему поднажал. Я прижался к его плечу, протянул в этой позиции последний поворот и оттуда сделал финишный рывок, который привел меня к победе. В этой встрече я превзошел самого себя и показал 5.15,8, что было на несколько секунд лучше австралийского рекорда Халберга на этой дистанции.

С этого момента все пошло как по маслу. Я выиграл чемпионат Окленда в беге на полмили и на милю, показав соответственно 1.51,6 и 4.12,4. Это был период, когда уровень бега на средние дистанции в Окленде снизился. Главные претенденты — Мюррей и Билл Бейли были озабочены тем, чтобы показать результаты мирового класса на две и три мили, и поэтому не участвовали на средних дистанциях. Они широко распахнули дверь перед всяким, кто желал войти в нее. В результате мой успех привлек большое внимание.

Мой результат на полмили был третьим результатом, показанным новозеландцем в Новой Зеландии, и при этом довольно необычно я стал обладателем своего первого рекорда Новой Зеландии. Рекорд страны в беге на полмили принадлежал

Дугу Харрису и равнялся 1.49,4, но Харрис показал его в те дни, когда рекорды на 800 м специально не регистрировались (на самом деле его рекорд был равен 1.49,3, но тогда десятые доли секунды не фиксировались). Рекорд же на 800 м до Харриса был равен 1.52,0, поэтому мой результат на 880 ярдов 1.51,6 шел в счет и был признан в качестве рекорда на 800 м. *(880 ярдов составляет приблизительно 804 м. В ряде случаев в забеге на 880 ярдов фиксируется время бега на 800 м установкой дополнительной ленточки. Таким образом, бегун, пробежавший 880 ярдов, имеет два результата, один на 800 м, а другой на 880 ярдов. — Прим. ред.)*

Я выиграл обе дистанции, применяя одну и ту же тактику: быстро начинал, а затем отсиживался за лидером. В беге на милю первую половину дистанции прошел за 2.02,0, а затем сидел на пятках у лидера до тех пор, пока не смог начать спринтовать. Такой метод преследования лидера до финишного спринта составил мне репутацию отсиживающегося, но я на это не обращал внимания. Я был один из немногих, которые стали чемпионами Окленда в двух видах, и мне еще было только 20 лет. Все пришло, пожалуй, несколько быстро.

Перед первенством Новой Зеландии я получил легкую травму, выступая за клуб в прыжках в высоту, но все же встречал эти соревнования с уверенностью, что у меня хорошие шансы завоевать два еще более почетных титула.

Вместо бега — на костыли

Во время первенства Новой Зеландии на одну милю я встретился с Дэйвом Бьючэмпом из Веллингтона, который иногда применял ту же тактику, что и я. Он внес в состязание дух серьезного соперничества. Во время бега я ограничился позицией в хвосте группы и первую половину мили прошел за 2.10,0.

Темп бега оставался низким и на протяжении всего третьего круга, но после гонга Бьючэмп вышел вперед и обострил состязание. Я следовал за ним до следующего виража, но в спринте на прямой оказался сильнее его.

Через 55 минут мне предстояло бежать полмили, в которых участвовали Бьючэмп, фаворит из Кентербери Джерри-Хэк и Тони Эстон, тот самый Тони Эстон, который постоянно выигрывал у меня в школе. Все они были серьезными конкурентами. Исход состязания снова был решен на последней прямой. Я вышел вперед, обошел Хэка и Эстона и показал 1.52,4 — рекордное время чемпионата. Бьючэмп, очевидно сильно уставший после мили, закончил бег в хвосте.

С этих состязаний у меня началась серия хороших дублей, из которых особенно примечательны достижения в Дублине — лучший результат в мире на полмили в 1961 году и заключительный этап в эстафете 4 по 1 миле с новым рекордом мира, лучшие полмили и миля в Перте в 1962 году, 800 и 1500 м в Токио в 1964 году.

Спустя неделю после чемпионата в Окленд приехал Дон Боуден, американский бегун, имевший результат менее четырех минут на милю; встреча с ним стала для меня первым участием в большом международном состязании.

Соревнования ничем волнующим отмечены не были, если не считать того, что проводились в отвратительный вечер, когда ураганный ветер гнал по дорожкам Олимпийского стадиона мусор с соседней свалки.

Я сделал ошибку, сконцентрировав все свое внимание только на Доне Боудене и ни на ком другом. Следуя этой тактике, я вышел вперед за 300 ярдов до финиша и повел бег. Казалось, никакой угрозы извне не было. Внезапно Билл Бейли обошел меня. Я сделал все возможное, чтобы догнать его. Но у ленточки, выиграв грудь, все же первым был он.

В то время Билл переживал важный период в своей жизни — он выступал на всех дистанциях, и ему везде везло. Он был чемпионом Новой Зеландии на шесть миль, был вторым в беге на

три мили, где уступил Мюррею всего несколько дюймов, побил меня на милю, а Рея Пакетта на 30 миль по марафонской трассе.

Он не мог, естественно, не похвалиться своей победой над так называемыми специалистами. Однажды вечером у Кейта Скотта, где собрались легкоатлеты, его похвальба весьма сильно расстроила Пакета. Я не был сильно обижен, однако позиция превосходства Билла над всеми остальными бегунами вряд ли внушала к нему расположение.

В следующий сезон кроссов я обнаружил удивительный прогресс. В оклендском кроссе я был на финише в числе трех первых, а на чемпионате страны, где еще в прошлом году был лишь 55-м, мне удалось занять четвертое место. Этот успех стимулировал мое участие в нескольких важных соревнованиях на шоссе. Я выиграл бег вокруг мостов в Гамильтоне, был вторым после Рея Пакетта в Грейт-Истерн и собирался показать в сентябре хороший результат в эстафете по трассе, опоясывающей порт.

Во время разминки к соревнованиям в эстафете мою ногу пронзила острая боль. Я и раньше чувствовал некоторую боль и не придал этому большого значения и теперь, полагая, что хорошая разминка решит все дело. Когда я начал последний этап от Авондейла до Грей Линн-парка, в течение первых двух миль моя нога слегка побаливала. Пробежав две с половиной мили, я уже хромал, а спустя еще полмили перешел на ходьбу. Прошло еще немного времени, и я не мог даже идти. Я вскарабкался в сопровождающую машину, чувствуя себя чертовски удрученным из-за того, что подвел команду, которая шла довольно прилично. Со стороны все это выглядело так, как будто бы я сошел с дистанции не в силах продолжать соревнование из-за неподготовленности.

Как оказалось, я бегал и ходил с болью слишком долгое время и поэтому сильно навредил себе. На следующий день я пошел в местную больницу и попросил костыли, Только таким образом я и мог теперь передвигаться.

Спустя несколько дней я все еще продолжал хромать. Врач, который меня обследовал, поставил диагноз «мышечная травма» и назначил глубокое прогревание. Прошла неделя, улучшение не наступило, и я обратился еще к одному специалисту. Он сделал рентгеновский снимок и обнаружил трещинку в большой берцовой кости. Его приговор — три месяца покоя. Травма оставалась без лечения столь долгое время, что началось воспаление, и ногу нельзя было положить в гипс.

Прошли два месяца полного бездействия, и у меня появились мрачные мысли о перспективах на приближающийся сезон. Для

новозеландцев это был сезон отбора в олимпийскую команду. В это время один из моих близких друзей, узнав о моем отчаянном положении, рассказал о присутствии в Окленде доктора Кристофера Вударда из Лондона. Тот разъезжал по Новой Зеландии с лекциями, но мы знали, что он также один из виднейших в мире специалистов в области лечения спортивных травм.

Я отправил доктору Вударду письмо и получил любезный ответ. Казалось, ему точно известно, в чем состоит моя травма и каким образом ее вылечить. Суть его советов заключалась в следующем: не терять времени понапрасну, выходить на улицу в туфлях на толстой подошве, начинать бегать и, кроме этого, как можно больше купаться в морской воде.

Я последовал его советам и немедленно обнаружил, что с ногой стало значительно лучше.

К рождеству я уже боролся за то, чтобы восстановить свою прежнюю форму, и в это время мой товарищ по спорту Дон Мак Фаркухар пригласил меня погостить в Мараэтан-Бич, где я мог поправить свои дела.

Дела действительно поправились. Каждое утро, в 6 часов, мы выходили на 10-мильную пробежку трусцой, проходя одну милю со скоростью 7,5–8 минут, затем отдыхали примерно час в ожидании завтрака, а вечером обязательно выполняли скоростную работу. Когда я вернулся из Мараэтан-Бич, рентгеновский снимок показал, что трещина полностью заросла, и я доложил Артуру, что готов следовать его тренировочной программе. Он запустил меня в пробную пробежку, и я преодолел 17 миль, прежде чем сказал: «Хватит». Следующий день я целиком провел в постели, отдыхая от этого бега.

Артур позднее признавался, что этот бег доконал и его тоже.

Я возвратился вновь к соревнованиям, но из этого не вышло ничего хорошего. Многообещающий Гарри Филпотт, обладатель рекорда страны в беге на полмили для юниоров, стартовал с одной отметки со мной в гандикапированном беге на полмили, выиграл у меня 15 ярдов, показав 1.51,5 против моих 1.53,5. Правда, в этот же вечер я пробежал четверть мили без 10 ярдов за 47,3, что послужило мне некоторым утешением. Однако сравнивая себя с Гарри, окрыленным новыми успехами, я еще не чувствовал уверенности в своем быстром возвращении к старой форме и нуждался в уроках Артура по части психологического настроя, а также в напряженной скоростной работе.

В Стенмор-Бэй я сделал несколько пробежек вместе с Биллом Бейли на глинистой трассе длиной в полмили. Билл предлагал во время бега убийственный темп, однако, как всегда в таких

случаях, я был рад, что кто-то другой берет лидерство на себя.

Не обращая внимания на успехи Гарри, я возложил свои надежды на чемпионат Окленда. В этом чемпионате именно Гарри обострил борьбу в беге на полмили. Он пролетел первую половину дистанции за 53 секунды и был после гонга впереди всех на три ярда. Он увеличил скорость перед выходом на предпоследнюю прямую, и мне стоило большого труда достать его на последнем вираже. По-видимому, я обошел его при выходе на прямую, когда почувствовал, что он начинает вянуть от своего невероятно быстрого начала.

Мой результат был для меня совершенно неожиданным. Я не только впервые вышел из 1.50,0, но и побил национальный рекорд Дуга Харриса, показав 1.49,2. Я был настолько счастлив, установив рекорд после тяжелого периода травмы, что проявил меньше участия, чем мог бы, когда мне сказали, что Гарри сошел с дистанции от резкой боли в желудке.

Я соревновался и на милю и показал в забеге 4.22,0. Мне это далось не слишком легко, однако Артур сказал, что ожидает от меня победы в финале, несмотря на присутствие Мюррея.

Финал должен был состояться в субботу. Из-за дождя соревнования перенесли на понедельник, а затем с понедельника на вечер в среду. Я не мог справиться с тяжелой, сырой дорожкой, и соревнования прошли для меня неудачно.

Мюррей был первым, показав 4.13,0, а я притащился значительно позже с результатом 4.24,0.

В начале марта я прибыл в Инверкаргилл. Моей единственной целью было удержать за собой звание чемпиона страны на полмили. Время здесь значения не имело. У меня уже были шансы пройти отбор в сборную благодаря хорошему результату, показанному на чемпионате Окленда. Далее я планировал закрепить успех на фестивале в Мумбе, который должен был состояться вскоре после чемпионата страны. По этой причине решил не перенапрягаться в Инверкаргилле.

Дорожка, приготовленная для соревнований, выглядела странновато. Она была выложена в Регби-парке и имела четыре прямых. Мы прибыли в Инверкаргилл в четверг, и я пошел посмотреть дорожку вместе с Питером Хитченсом и двумя другими оклендцами. Мы решили, что будет неплохо пробежаться, но не покрыли и 100 ярдов, как с противоположной стороны площадки раздался грубый окрик. Это кричал президент южных провинциальных округов Джек Метисон, который, стоя в шортах, окапывал яму с водой для стипль-чеза.

Мы не обратили внимания на окрик и продолжали бежать. Мы еще не знали, что за характер у местного президента. Джек

заорал снова: «Вы, чертовы оклендцы! Что вы, лучше всех, что ли? Убирайтесь с дорожки!» Он, очевидно, не знал, кто мы, или ему было все равно. Но мы убрались восвояси.

Первенство в беге на полмили в Инверкаргилле было одним из самых тяжелых, проводившихся в Новой Зеландии. К счастью, мне удалось избежать неприятных переживаний.

Гарри Филпотт, хотя и выглядел несколько истощенным, — вероятно, из-за своей неудачи на чемпионате Окленда, — как обычно, повел бег, однако на этот раз он не пытался оторваться от остальных участников. Я следовал за ним вплотную и сразу после первого круга вышел вперед и обошел его без особых хлопот. Гарри почти сошел с дорожки, и Джерри Уэйд и Джерри Хэк были заблокированы. Хэк вышел из затруднительного положения и принялся меня преследовать, но чтобы удержать его сзади, мне даже не пришлось напрягаться. Я просто немного увеличил длину шага, затем спринтовал на прямой и был на финише первым.

К 100 милям в неделю

Следующими соревнованиями для меня и для большой новозеландской команды был Мумба — фестиваль в Мельбурне. Вплоть до этого все мои выступления были, по существу, соперничеством с одним спортсменом — либо с Биллом Бейли, либо с Мюрреем Халбергом, с Гарри Филпоттом или с Джерри Хэком. Но в Мумбе я выступал против ряда сильных бегунов, и среди них были Тони Блю, который приумножил свою славу победой над Гербом Эллиотом в спринте на финише, сам Герб Эллиот, который, правда, страдал от гриппа и которого буквально силой заставили выступать в этих соревнованиях, Хэк и подвижный Майк Ервейкер с Южного острова.

Я победил в этих соревнованиях, показав на полмили 1.51,3, что было сравнительно слабым результатом. Однако это выступление доказало, что я могу тактически успешно планировать бег в состязаниях международного класса. Думаю также, что эти соревнования вместе с моим новозеландским рекордом послужили тому, чтобы окончательно включить меня в команду страны для участия в Олимпийских играх.

Тем не менее тогда я не мог не почувствовать, что уровень моей спортивной формы снова понизился. Я прилагал отчаянные усилия, чтобы выиграть, и не думаю, что это удалось бы мне, не пробеги Тони Блю быстрее 880 ярдов в одиночку за два дня до соревнования. Он был тогда в отличной форме, и я уверен, что он мог бы побить меня, если бы эта предшествующая пробежка не ослабила его.

В течение двух с половиной недель после фестиваля на тренировках я развлекался, но не работал. Это был конец весьма долгого сезона соревнований, в котором мне пришлось в довольно сжатые сроки напряженно тренироваться, чтобы попасть в олимпийскую команду, и я чувствовал, что дошел до предела своих возможностей.

Состав команды еще объявлен не был, но я решил действовать так, как будто команду составили и я оказался в ней. Поэтому хотелось как можно быстрее перейти к зимней подготовке с прицелом на Олимпийские игры.

Я получил хороший моральный заряд, посещая демонстрации фильмов, снятых во время Олимпийских игр 1956 года в Мельбурне. Это был период, когда чувствовал я себя не особенно хорошо, но после просмотров ко мне пришла решимость сделать все возможное на Олимпиаде в Риме, если я туда попаду.

Я начал тренировки 2 марта пробежкой от Пьюкекоу до трассы для игры в гольф и обратно — всего в общей сложности 11,5 мили. Это была моя первая пробежка на длинные дистанции после долгого перерыва, и в конце ее я перешел на ходьбу. Я закончил бег с резью в желудке. Все же я был настолько полон энтузиазма, что на следующий день снова пробежал по этой трассе и в течение первой недели покрыл 73,5 мили.

Каждый вечер от понедельника до пятницы я забегал за Артуром, и он выходил на тренировку вместе со мной.

Во вторую неделю я пробежал 63 мили, а в третью покрыл свои первые 100 миль. Я вступил также в клуб бадминтона, чтобы обеспечить себе отдых от напряженного бега и чтобы быстрыми движениями развить в себе реакцию. Я чувствовал в этом необходимость.

Рвение подстегивало мою работу на всем протяжении этих первых трех недель, а затем оно внезапно оставило меня, наподобие того, как прекращается действие алкоголя и наступает похмелье. В третью субботу я пробежал 12 миль утром и 4 мили после обеда в компании товарищей по клубу, затем сел в автобус до Пьюкекоу, и там меня скрючило от сильной боли в желудке.

Мой брат Джек устроил поездку моей семьи в Те Эйвемуту, но я с ними не поехал. Я провел весь день на диване в столовой моей матери, где спал или мучился от сильной боли, точно на смертном одре.

За всю следующую неделю в истощенном состоянии я умудрился наскрести лишь 50 миль, заработанных тяжелым трудом. В конце апреля записал в своем дневнике тренировок обещание «обязательно набегать нужный километраж» в мае.

Я совершенно сознательно не ставил себе на прицел Олимпийские игры, а стремился в своей тренировке лишь к промежуточным целям; этому методу я с тех пор всегда следовал, находя его весьма удобным. В то время моей промежуточной целью было набегать в мае 450 миль, в среднем по 15 миль в день.

1 мая я в первый раз пробежал по трассе Вайатаруа и закончил ее за 2,5 часа, что меня сильно обнадежило. Тем не менее на том этапе тренировки я еще не включился полностью в лидьярдовскую систему совершенствования физической подготовленности. Несмотря на то, что воля у меня была крепка, а сам был бодр, я еще не мог в полной мере следовать этой системе чисто физически.

В первую неделю моего прицельного месяца была преодолена 101 миля, однако затем общий объем бега сократился. Я тренировался с разными людьми — с Барри Мэги, марафонцами

Верном Уокером, Реем Пакеттом и редко один.

В это же время я проводил работу в клубе по сбору олимпийского фонда, был связан с делами кроссовой секции и марафонского клуба, но даже в этой достаточно насыщенной спортом атмосфере мне никак не удавалось удержаться на уровне требуемого недельного объема бега. Во вторую неделю мая этот объем сократился до 91 мили, в третью — до 76, в связи с тем, что у меня вдруг разболелась нога. В это время был объявлен состав олимпийской команды. Я ждал, что буду выбран без особых хлопот, однако у меня и в мыслях не было, что попаду в группу «А». Такой выбор мог быть сделан только на основе большого числа еще не исполнившихся обещаний. Тем не менее ко мне снова пришла решимость не сдавать своих позиций.

После объявления состава команды началась обычная критика. Особенно прошлись насчет выбора Барри как марафонца № 1. Его оценили на два места впереди Джеффа Джулиана, показывавшего хорошие результаты.

Так как Мариз Чемберлейн, звезда в беге на четверть мили и на полмили и бывшая обладательница мирового рекорда в беге на 440 ярдов, в команду включена не была, я попал под обстрел со стороны ее тренера Вэла Брэдиса, главным образом потому, что бегал ту же самую дистанцию, что и Чемберлейн. Однако такое сравнение, думаю, вряд ли справедливо. Бег на 800 м в наши дни для мужчин — это скорее спринт, а для женщин — бег на выносливость. «Но, — спрашивал Брэдис, — чьи потенциальные возможности выше?» И он козырял тем, что я попал в команду страны впервые и никогда не выступал в таких состязаниях, в которых участвовала Мариз, дважды выполнявшая олимпийские нормативы.

Я еще находился в таком возрасте, когда люди с обидой воспринимают критику со стороны спортивных обозревателей, однако всякие неприятные замечания, сделанные на мой счет, были уничтожены комментариями Чарли Дженкинса из веллингтонской газеты «Спорт Пост», где он писал, что меня следует ценить еще выше, чем восьмым в команде, и далее делал смелое предсказание: «У него истинная душа спортсмена, и ему предназначено в свое время быть героем сотни блестящих побед». Он сделал далеко идущие выводы из тех результатов, которые я в то время показывал.

Дополнительное ободрение пришло от Мюррея, с которым я в те дни довольно часто бегал по трассе Вайатаруа. Мюррей, главный фаворит в Риме на 5000 и 10 000 м, сказал мне неожиданно, когда мы взобрались на первый из больших холмов, расположенных на дистанции: «Не думай, что я завидую тебе, но

ты чертовски хорошо подготовлен». Когда такие слова исходят от Мюррея — это награда. И, поскольку я всегда очень чувствителен к ободрению, я взялся за тренировку с новой энергией.

Включение в состав олимпийской команды было отмечено пивом в праздничной атмосфере в одном из отелей. Это был один из редких случаев, когда я появлялся в баре. Я обнаружил тогда, что не смогу тренироваться, если усвою обычную среди моих товарищей привычку собираться по пятницам ради выпивки.

Теперь, с обновленной решимостью заставлять себя бегать до предела, если это потребуется, я включился в дальнейшую после злосчастной третьей недели тренировку. В конце недели я решил провести две пробежки по трассе Вайатаруа. И был ошеломлен, когда во второй попытке вместе с Реем Пакеттом, который протянул меня всю дорогу, я показал личный рекорд 2:12,45.

23 мая с этой относительно небольшой подготовкой я начал циклическую тренировку. Первой наградой было рекордное время в эстафете, посвященной столетию Саутленда, а затем на следующий день в пробежке по трассе Вайатаруа я сбросил со своего лучшего результата еще пять минут.

Три недели я провел в тренировке по холмам и обнаружил, что результаты этого наконец проявляются. Моя тренировка в то время была нерегулярной, и тем не менее я был в состоянии каждый раз в конце недели показывать хорошее время на трассе Вайатаруа.

Тренировка на дорожке должна была следовать по расписанию с 13 июня, однако за 10 дней до этого мне сделали прививку от оспы и у меня поднялась температура до 38 градусов. Прошло около недели, прежде чем я смог опять начать легкий бег трусцой.

В это время для Артура и его команды возникла проблема — где тренироваться в сырую холодную погоду.

Мы попытались использовать дорожку ипподрома в Авондейле (там имелся навес), но нашли ее поверхность, изрытую копытами, слишком мягкой и неудовлетворительной. Мы протрусили все места до Вестерн-Спрингз и увидели, что слой глины всего в несколько дюймах под гаревым покрытием превратился в совершенную кашу. Джо Мак Мэйнемин, который впоследствии в Риме стал менеджером легкоатлетической команды, предложил короткую гаревую дорожку в Маркет-роуд, но и она оказалась неподходящей. Для выполнения огромного объема повторной работы надо было выходить теперь на шоссе. Тем не менее проблема тренировок в холодные вечера разрешилась сама собой, когда фирма дала мне разрешение на дополнительные полчаса для ленча и я смог бегать с Мюрреем в

Домейне в середине дня.

Для спортсмена, проходящего суровую тренировку, представляется почти невозможным встречаться с девушкой. Мне для этого нельзя было использовать даже субботние вечера из-за требований, которые предъявляла воскресная пробежка по трассе Вайатаруа, но тем не менее когда олимпийские приготовления достигли своего максимума, я приложил все силы, чтобы нарушить правило и доказать возможность исключения.

Уже некоторое время мое внимание привлекала симпатичная девушка, которая высаживалась из автобуса на одной остановке со мной, когда я ехал домой с работы. Познакомившись с хозяином молочного бара, где эта девушка работала, я получил кое-какие сведения о ней и решил, что наступило время действовать.

Мой связной из молочного бара дал ей понять, что она вызывает большой интерес у некоего молодого человека, и когда эта мысль проросла как следует, я обратился к ней и пригласил ее погулять. Она заколебалась. Возможно, она совсем не обращала на меня внимания в то время, когда я наблюдал за ней. В конце концов мы перестали пить кофе, и тут обнаружилось, что она хорошо сохранившаяся женщина за тридцать. Пришлось сказать, что мне 26 лет, но и при этом она чувствовала, что слишком стара для меня или я слишком молод для нее. На этом дело и кончилось, если не считать, что, победив в Риме, я послал ей с Капри письмо. С тех пор, когда мы случайно встречались на улице, мы здоровались и этим все и ограничивалось.

Тогда я еще не представлял себе в действительности, что значит для нас обоих эта разница в возрасте, но сейчас часто спрашиваю себя, что она подумала, когда однажды в конце года раскрыла газету и увидела портрет своего «двадцатишестилетнего» друга с надписью над ним: «Юноша в 21 год, ставший олимпийским чемпионом!»

В остальном в моей тренировке все шло нормально. В ней всегда присутствовало волнение предстоящего большого путешествия. Хлопоты со сбором денег, с получением паспортов, с заказом спортивной одежды постоянно напоминали об Играх и постоянно подстегивали в работе.

После первого месяца тренировки на дорожке мои скоростные качества стали проявляться по-настоящему. 25 июля в Домейне я пробежал поздно вечером по шоссе в тапочках с резиновой подошвой три раза по 440 ярдов за 51,0, 51,5 и 51,2. Время засекал Билл Бейли: он нажимал на секундомер на старте, прыгал в свою машину и дожидался меня на финише.

В тренировке бывали, и довольно часто, относительные

неудачи, например не удавалась серия по 300 ярдов, где темп бега снижался после каждой второй пробежки. Но по крайней мере каждое второе тренировочное занятие можно было считать удачным.

Одной из таких хорошо проведенных тренировок было занятие на полумилевом отрезке в Пьюкекоу, рядом с домом моей матери, где я провел серию пробежек по 20 по 440 ярдов в среднем за 62 секунды. Время я засекал по секундной стрелке часов, которые во время бега были у меня на запястье. Помню, как после пятой пробежки один садовник, который, очевидно, наблюдал за происходящим из окна, вышел на веранду и стоял там до тех пор, пока я не пробежал все двадцать отрезков. Я не думаю, чтобы он знал, кто я такой или какова моя цель, однако он, казалось, был весьма поражен, наблюдая, какое количество физической работы выставляется напоказ. Его присутствие в качестве беспристрастного зрителя, конечно, помогло мне выполнить программу.

Как важно иметь Артура

К этому времени имя Артура Лидьярда стало появляться в заголовках газет.

Имея в виду, что Лидьярд воспитал пять спортсменов, попавших в класс «А» олимпийской команды, оклендцы сознавали, что вклад Лидьярда должен быть упрочен фактом его присутствия в Риме. Оклендский центр послал письмо в Новозеландскую легкоатлетическую ассоциацию с требованием включить Лидьярда в команду в качестве официального тренера.

Легкоатлетическая ассоциация в обычной для далеких от жизни административных столпов манере быстро свалила все дело на плечи Ассоциации по Олимпийским и Британским играм и, предложив последней высказать свою точку зрения на требование включить Лидьярда в команду, не определила своего отношения к этому письму и ограничилась уклончивой припиской, сделанной председателем Гарольдом Остэдом. Там говорилось, что «тренер может быть включен в команду, если этого требует представительство. Если легкоатлетическая команда пошлет одного, то и другим командам следует разрешить делать то же самое».

С этого места дело дальше не сдвинулось. Был Артур Лидьярд, человек, который собственноручно подготовил пять бегунов высокого класса, и была ситуация, беспримерная в истории олимпийских команд Новой Зеландии. И все же казалось, что Лидьярду воспрепятствуют из-за боязни создать прецедент.

Холодный ответ на предложение оклендского центра не остался незамеченным в самом Окленде, и председатель кроссовой секции Фрэнк Шарп, сознавая, что высшие чиновники собираются задавить почин на корню, немедленно организовал подписку для поездки Артура в Рим.

Я не могу не вспомнить высказывание бывшего ученика Лидьярда Майка Мэки, умного бегуна, первого, кто познакомил меня с Лидьярдом. Это высказывание было сделано после того, как на Олимпийских играх 1956 года Мюррей Халберг разочаровал всех, выступая в финале бега на 1500 м, где он применил необычную тактику лидирования на первых 400 м. Мюррей на Играх был в одиночестве. Майк сказал: «Мюррей мог победить, если бы Артур был вместе с ним».

Все дело, конечно, в том, что люди, которым поручено решать такие вопросы, настолько удалены от практической стороны

спорта, особенно в современном его понимании, что они просто не могут оценить значение моральных факторов в соревнованиях такого уровня, как олимпийские игры.

Мы, бегуны, были настолько озабочены проблемой быть вместе с Артуром, что каждый из нас вложил по пять фунтов, чтобы ускорить сбор. Сбор закончился быстро, потому что в отличие от администраторов общественность верила в Артура и его учеников. Артур получил возможность, путешествуя независимо, стать нашим неофициальным тренером в Риме. Для нас этого было достаточно.

По дороге в Рим мы пробыли два дня в Сингапуре. Я никогда не думал, что могу настолько быть привередлив в пище, до тех пор пока не попробовал необычно пахнущие блюда, которыми нас здесь угощали. Есть я мог очень немногие из них.

Мы не проводили тренировок, и я таскался вместе с другими из одного места в другое, чрезвычайно озабоченный проблемой, как избежать дизентерии. Большинство из нас принимало участие в несчастной поездке на Британские игры, в Кардифф, во время которой почти каждый перенес это заболевание.

На каждой остановке во время путешествия из Новой Зеландии в Рим я вел себя как традиционный турист-новичок, бегая поминутно на почту и отправляя открытку в Новую Зеландию. Даже в крайне неудобное время в таких местах, как Бахрейн или Каир, я выскакивал, чтобы взглянуть на них.

Погода в момент нашего прибытия в Рим была как нельзя более подходящей. Олимпийская деревня, расположенная вблизи Тибра, как раз за известной Виа Фламиниа, только что отстроенная и красочная, выглядела особенно привлекательной.

Наши квартиры оказались расположенными в самом удаленном месте деревни, в двухэтажном доме. Я разделил комнату с Барри Робинсоном. Напротив поместился Дальтон, а Лес Миллз, Дэйв Норрис и Дон Оливер заняли последнюю комнату на нашем этаже.

В первый же день мы провели легкий бег трусцой и быстро взяли себе за правило бегать в легком темпе каждое утро по полчаса. Я бегал вместе с Мюрреем, в присутствии которого чувствовал себя более уверенным.

Мюррей, наверное, был самым уважаемым спортсменом в деревне, поскольку ему приходилось нести бремя первого бегуна в сезоне как на 5000, так и на 10 000 м. Я совершенно убежден, что тренировки с ним морально поддерживали меня, еще не искушенного в подобных соревнованиях.

Тренируясь вместе с Халбергом, я быстро познакомился со многими всемирно известными спортсменами, которых до сего

времени знал лишь по газетным отчетам и фотографиям. Они дружески приветствовали Мюррея, останавливались с ним поболтать. Из-за Мюррея все они, по крайней мере внешне, считались с моим присутствием, исключая, пожалуй, Гордона Пири, который, вяло пожав мою руку, совершенно не обращал на меня внимания в дальнейшем. Его отношение ко мне существенно изменилось только после того, как я выиграл золотую медаль.

Никогда не забуду мою первую тренировку на дорожке. Артур спланировал 6 по 300 ярдов размашистым шагом, чтобы приспособить мои ноги к гаревой дорожке и снять напряжение после долгого перелета.

Великолепное окружение нашей тренировочной дорожки на стадионе Трех Фонтанов плюс приподнятое настроение ожидания Олимпийских игр, плюс тот факт, что с тех пор, как я провел скоростную работу, прошло время, в течение которого я чувствовал себя как борзая на привязи, возможно, заставили меня несколько перебрать в тренировке, и после пятых 300 ярдов я подтрусил к Артуру и сказал: «Артур, если я пробегу еще, меня стошнит». Я был довольно-таки ошарашен, когда Артур спокойно сказал, что мне лучше всего так и сделать, чтобы освободиться от всякой дряни в желудке. Повинуясь ему, я пробежал еще 300 ярдов и после этого едва успел добежать до раздевалки, где меня вырвало.

Стадион Трех Фонтанов представлял собой чудесную, обсаженную деревьями дорожку, в углу которой были расположены три бетонные вазы с цветами, окружавшие скульптурную группу из двух бронзовых бегунов, передающих друг другу эстафетную палочку. Здесь имелась 100-метровая беговая дорожка и яма для прыжков с шестом, покрытая узорчатой крышей на стальных опорах. Мы были здесь счастливы… до тех пор, пока не прибыли американцы. Они изгнали нас из этого маленького рая.

С тяжелым чувством двинулись к Аква-Ацетоза. Мы опасались, что там будет самая занятая дорожка в Риме. Однако мы были приятно удивлены, обнаружив, что ею пользовались лишь сравнительно небольшое число спортсменов.

Перед началом Игр я провел три прикидки на время. Первая была соревнованием с Мюрреем на три четверти мили. Мы решили разделить лидерство: я должен был вести первый круг, Мюррей — второй, а затем, как этого потребовал Артур, нам обоим следовало спринтовать за 300 м до финиша.

Я чувствовал себя по-настоящему в форме и за 300 м до финиша пошел вперед с большой мощью. Я показал 2.57,0,

пройдя первые полмили за 2.02,0. Мюррей закончил бег с результатом 3.02,0.

В Новой Зеландии газеты вышли под заголовками: «Великолепный результат Халберга в прикидке на 3/4 мили». Где-то в конце рассказа добавлялось: «Снелл тоже показал превосходный результат — 2.57,0». Все внимание было устремлено на Мюррея, но это уже было в последний раз.

Примерно за десять дней до начала состязаний Барри Робинсон любезно согласился провести меня первые 400 м в прикидке на 800 м и попытаться оставаться рядом по крайней мере до 660-ярдовой отметки. Мы планировали пройти первый круг примерно за 53 секунды и в целом показать результат около 1.50,0.

Барри совершенно не имел чувства темпа в беге на средние дистанции, проскочив первый круг за 51,5. Чтобы использовать его как лидера, мне пришлось следовать вплотную за ним. В результате второй круг я бежал стараясь удержать прежний темп и был очень доволен, показав на финише 1.48,0. В то время я, конечно, и не мог догадываться, что этот Барри восемнадцать месяцев спустя выкинет тот же номер и вытащит меня на мировой рекорд на эту дистанцию.

Я понемногу приходил к мысли, что являюсь вполне подготовленным, чтобы показать результат порядка 1.48,0 в предварительных забегах на 800 м. Изучая результаты, с которыми бегуны выходили в финал на предыдущих Олимпийских играх, я чувствовал, что несмотря на естественный прогресс в этом деле, все же со своим прикидочным результатом смогу рассчитывать на участие в финале. Я был готов загнать себя на дорожке, но пробиться в финал.

Эта мысль создавала чувство уверенности. Я знал, что теперь прийти где-то в числе первых мне вполне по силам. Если бы сказали тогда, что для того только, чтобы пройти полуфинал, мне придется побить олимпийский рекорд, я, наверное, пришел бы в отчаяние.

Последней прикидкой был бег на 400 м. Цель — показать свой наилучший результат. Я бежал в одиночество и достиг финиша через 48 секунд.

Теперь я был твердо убежден, что попаду в финал. Артур часто говорил мне о том, чего я могу добиться, но сейчас и у меня было на этот счет свое мнение. Я знал, какие результаты потребовалось показать бегунам, чтобы пробиться в финал в Мельбурне, и верил, что смогу показать лучшие. Я понимал, что большинство начинало бег очень медленно и вопрос о месте решался рывком на финише.

Это было нужно бегунам для того, чтобы сохранить силы для последующих состязаний. Я был вполне подготовлен, чтобы противостоять этой тактике, выйти вперед и обострить борьбу самому. Конечно, на самом деле все оказалось по-другому.

За несколько дней до стартов мы наблюдали, как канадский полумилевик сделал в тренировке шесть четвертей мили по 53 секунды. Он выглядел чрезвычайно впечатляющим, но Артур подвел итог таким образом: «Этот остолоп все оставит на тренировочной дорожке. Пожалуй, ему не пройти и первого предварительного забега». Так оно и случилось.

К этому времени выяснилось, что в беге на 800 м устраивают начало забегов не с четвертьфинала, а с одной восьмой. Программа требовала проведения одной восьмой и четвертьфинала в первый день соревнований, полуфиналов — во второй и финала — в третий. Это нововведение предусматривало, таким образом, проведение одной восьмой финала в утро первого дня — два состязания в один день и четыре в три дня, последнее, разумеется, для тех, кто не выйдет из игры.

Эти новости Артур встретил с восторгом. «Это, — сказал он, — не что иное, как тест на выносливость, и ты, пожалуй, единственный из всех, кто достаточно подготовлен, чтобы выдержать за три дня четыре состязания».

Кто победил?

Моя уверенность росла, но в отношении первого забега всегда остается некоторая неопределенность. Как у меня получится, когда я в конце концов встану на старт? Даже в Токио, когда у меня было гораздо больше оснований не сомневаться в себе, я испытывал все же подобное ощущение.

Наконец большой день настал. Вычеркнутые из списка спортсмены ограничили весь забег до четырех бегунов, из которых в четвертьфинал могли войти лишь трое. Кроме меня в забеге были бегуны мирового класса — Эрни Канлифф (США), имевший третий результат в мире в 1960 году, Христиан Вэгли (Швейцария), бывший пятым в списке, и Иштван Рожевельди (Венгрия), в 1960 году бегун высшего класса на 1500 м. Для него бег на 800 м был пробой перед бегом на 1500 м.

Говорят, что перед стартом комментатор Би-би-си в своей будке вещал: «Это смешно. Забег из четырех человек, и вы можете назвать сразу трех первых прежде, чем дадут старт».

Нечего и говорить, что я у него не попадал в число этих трех.

Вэгли, известный как бегун, предпочитающий лидировать, вел всю дистанцию. Я сделал рывок на последней прямой и обошел его. Я не мог осознать, насколько быстро мы бежали. Я был увлечен атмосферой борьбы и совсем забыл, что у меня еще один старт вечером. Результат, который я показал, был 1.48,1, что примерно соответствует 1.48,6 на полмили и констатирует факт, что я сбросил четыре десятых со своего лучшего результата на этой дистанции. Я просто не мог бежать медленнее.

Рожевельди пришел последним; ему не повезло, потому что его 1.49,4, не прошедшие в нашем забеге, могли бы ему принести победу в большинстве других забегов.

Я чувствовал необыкновенное удовлетворение. Я чувствовал, что мне ни в коем случае не придется по-настоящему выкладываться. Артур, который по стратегическим соображениям стоял на 200-метровой отметке, был, очевидно, тоже вовсю доволен. «Потрясающий бег, — сказал он. — Теперь давай-ка подготовимся к вечеру». На весь остаток дня он повесил на моей двери надпись: «Не беспокоить».

Я увидел, что среди наших спортсменов моя победа была главной сенсацией дня. Внезапно я стал представлять большую ценность.

Четвертьфиналы должны были начаться в половине пятого этого жаркого дня, и когда Джо Мак Мэйнемин раздобыл копию

списка забегов, мы все были взволнованы, обнаружив, что мне выпало бежать с худощавым бельгийцем Роже Мунсом, обладателем мирового рекорда на 800 м и главным претендентом на золотую медаль в этом виде. Тут было над чем подумать.

Само собой разумеется, мой подход к этому состязанию несколько отличался от утреннего. Я имел уже большую, чем раньше, уверенность в своих силах и, следуя тактическому плану, разработанному у меня в комнате, довольствовался тем, что весь первый круг бежал в конце забега, откуда мог следить за происходящим. К началу предпоследней прямой я подтянулся, почувствовав легкое утомление. За 300 м до финиша сделал рывок и вошел в лидирующую группу. В энергичном темпе мы вышли на прямую. Здесь Роже сделал вызов и оставил меня сзади. Взгляд, брошенный назад, сказал мне, что остальные участники забега далеко. Не было смысла тратить дополнительную энергию, чтобы достать Роже, и я был вполне счастлив, придя вторым со временем 1.48,6, проиграв Мунсу 0,1 секунды.

Тем временем Гарольд Остэд заинтересовался моим видом и пришел посмотреть забег. Он и Джо Мак Мэйнемин выразили неодобрение той тактике бегуна на длинные дистанции, которой я следовал во время бега. «О чем ты думаешь, болтаясь так долго в хвосте забега?» — спрашивали они. «Ты у меня чуть-чуть не вызвал сердечного припадка», — сказал Гарольд. Они, очевидно, не могли осознать, что цель заключалась в том, чтобы бежать всю дистанцию в равномерном темпе.

Теперь пришла пора настоящей тактической борьбы. Приближалось новое состязание. До нас с Артуром еще раньше дошли слухи о том, что Мунс никак не преодолеет психологического барьера, и на самом деле, он ни разу не выигрывал ни одного крупного состязания. Имея в виду главным образом это обстоятельство, мы решили, что в полуфинале, где жребий снова свел меня с Мунсом, я попытаюсь выиграть бег. Это должно было бы повлиять на психику Мунса. Мне достали первый полуфинальный забег, и мы с Артуром были рады вдвойне, что Джордж Керр из Ямайки вытянул место в другом забеге и притом против любителя лидировать Вэгли.

В моем полуфинале темп бега был довольно высок на первых 400 м, а на предпоследней прямой он резко возрос. Но состязания накануне не прошли даром и начали давать знать о себе. Роже вышел вперед, оставив сзади лидера бега Канлиффа. Я немедленно последовал за ним и, пробегая мимо Канлиффа, слышал, как он отчаянно кричал своему товарищу по команде Зиберту: «Давай, Джерри!». Но бедный Джерри уже все, что мог, дал.

Я преследовал Мунса вплоть до выхода на финишную прямую, затем увеличил скорость. Во что бы то ни стало хотел я побить его у ленточки и чувствовал, что еще оставался некоторый запас сил. Это было приятно. Я показал 1.47,2, что было рекордом Игр до тех пор, пока Вэгли не подтвердил свою репутацию фронтального бегуна и не заставил Керра показать 1.47,1 и отобрать рекорд. Керр вплоть до этой стадии выглядел особенно мощно, подстерегая участников забега, а затем вырываясь на последней прямой к победе своим испепеляющим финишным спуртом. Он вычеркнул из списка лучшего американского бегуна Мерфи.

В моем забеге Канлифф и Зиберт также не заняли квалификационного места, и таким образом впервые в истории Игр, начиная с 1896 года, в финале не оказалось ни одного американца. Кстати говоря, история показывает, что 800 м выигрывались на Играх всегда спортсменами из стран, где говорят по-английски; список этих стран ограничивался Австралией, Англией, США, и так было до тех пор, пока не наступил 1960 год.

Все эти три забега я провел в туфлях, которые Артур, занимавшийся тогда обувным делом, специально сшил для меня. Эти туфли имели черно-белую отделку. После моего третьего успеха представители фирмы «Адидас» не стали терять время и предложили мне образцы их последней модели.

Безусловно, туфли фирмы «Адидас» превосходили те, что носил я, однако был еще не тот момент, чтобы мне взбрело в голову послушаться совета переменить прежние. Я уже привязался к лидьярдовским шиповкам.

Третий успех привел также к тому, что некоторые члены новозеландской команды весьма занятным образом вдруг оказались специалистами по тактике бега на 800 м. Наиболее выделялся Лес Миллз, толкавший ядро и метавший диск, который в тот вечер с серьезным видом поучал меня, каким образом я должен выиграть финал. Опять-таки я отвергал всякую мысль слушать чьи-либо советы, кроме тех, которые исходили от Артура.

Артур заверил меня, что как Мунс, так и Керр, последний в особенности, обнаружили явные признаки напряжения, когда они пробегали мимо него на 200-метровой отметке. Не знаю, хотел ли он этим дать мне психологический стимул или нет, но он добавил, что я, пробегая мимо него, выглядел «свежим».

Я удивился, на следующий день увидев, как долго разминались остальные финалисты на площадке стадиона Героев. Казалось, что они тратили теперь гораздо больше времени, чем

когда проходили забеги.

Но наконец нас провели через соединительный тоннель на главный стадион, и мы двинулись, подобно гладиаторам, по последней дорожке к месту старта. Мне досталось стартовать с внешней дорожки. По команде «На старт!» Керр, Вэгли и я подготовились принять низкий старт. Все трое хотели быстро начать и захватить лидерство. Остальные трое стояли балансируя и ожидая выстрела.

После выстрела я начал напряженный спринт по своей внешней дорожке к той точке первой прямой, где разделение дорожек кончалось. Там я огляделся и нашел себя на четвертом месте. Мы продолжали бег в темпе, который казался быстрым для первой половины дистанции.

Толпа шумела так сильно, что я не услышал ни своего времени, ни удара гонга. Мы выбежали на предпоследнюю прямую. Моя позиция была бы довольно хорошей, но бегуны, бывшие впереди, теперь рассыпались и заняли несколько дорожек.

Мунс вышел вперед, сделав рывок. Мой предварительный план заключался в том, чтобы начать спринт с 200 м до финиша, но теперь стало ясно, что скорость в целом слишком высока, чтобы я мог занять удобную позицию преследования, с которой можно было бы сделать рывок на финише. Я совсем начал терять надежду.

Когда мы достигли 200-метровой отметки, впереди меня были три бегуна, рассыпавшиеся по всему фронту и входящие в последний вираж. Передо мной стоял выбор — продолжать бежать внутри группы или пытаться бежать справа, по внешней части поворота.

Имея в виду темп бега, с которым мы двигались, я выбрал более легкий путь. И остался бежать внутри группы. Я чувствовал, что этим шанс выиграть бег может быть потерян, однако все же оставалась надежда, что фронт бегунов распадется, появится брешь и я смогу проскочить в нее.

Роже взял лидерство, а Керр занял позицию преследования. Мы выскочили на прямую. Бегуны рассыпались, стремясь к ленточке. Я нашел брешь впереди себя, обошел Вэгли, который вел всю дистанцию, и поравнялся с остальными.

Теперь появился шанс быть третьим. Только Мунс и Керр были впереди меня, но у меня был свободный путь к ленточке. Я понял, что мое дело поправилось, что смогу быть вторым, и вложил все в финишный рывок.

Мунс, казалось, замедлял бег. Примерно за 20 м до финиша я внезапно почувствовал, что могу выиграть. Все, что я помню,

начиная с этого момента, состоит в том, что я швырял все, что у меня осталось, в финишный спурт и подстегивал себя вперед. Финишная линия стремительно была пройдена. Я протрусил около 10 м и обхватил руками подвернувшийся столб, изнемогая от утомления.

Я не знал, каким я пришел. Я был настолько в восторге от того, как провел бег, что мне было все равно, был ли я первым или вторым.

Я стоял, обхватив столб, на внешней части дорожки до тех пор, пока не начал «отходить». Я повернулся и пошел назад к линии финиша, разглядывая по дороге бегунов, которых победил. Мне пришло в голову тогда, что я победил некоторых величайших полумилевиков в мире.

Теперь я вспоминаю, что люди суетились вокруг меня, поздравляли, но их слова ничего не значили, и я еще оставался в неведении относительно своего места на финише. И не видел, как Роже Мунс свалился на колени в отчаянии, иначе я все бы понял.

Роже подошел ко мне. Он выглядел утомленным. Он поздравил меня, и я спросил его: «Кто победил?» Роже сказал: «Ты».

Ошеломление победой

Это был удивительный момент. Что я должен делать теперь? В моей памяти мгновенно пронеслись фильмы об олимпийских играх прошлых лет, и в них я видел чемпионов, скачущих на дорожках, дающих, по-видимому, волю переполнявшим их радостным эмоциям. Но я чувствовал себя оглушенным, отчасти из-за усталости, отчасти из-за неверия, что такая вещь теперь случилась со мной.

Что такое эмоции и было ли это чувство моими эмоциями? Всякий из нас чувствовал себя усталым, а я еще к тому же недостаточно освоился с олимпийской ареной, чтобы мне захотелось поиграть в самоуверенного аса, прыгать от радости и посылать приветы в толпу.

Теперь, познав очень многое, я проделываю то, что, по моему мнению, общепринято — круг почета, но бывают случаи, когда вы делаете нечто такое, чтобы удовлетворить себя, и не заботитесь о том, что подумают о вашей реакции другие. Это мгновения вашего триумфа.

В Риме все это мне в голову не приходило. Я подумал: «Вот так здорово, я выиграл». Но все же не собирался сходить с ума по этому поводу. Возможно, это означало, что я представил свою победу в ее настоящем виде. В конце концов, все могло легко обернуться иначе.

Я думаю, это довольно тошнотворное зрелище, когда некоторые победители представляются публике в ущерб своим товарищам по борьбе, которых они только что побили. Это необычное поведение у некоторых спортсменов, конечно, проявляется естественно и неосознанно (у Отиса Дэвиса, например, когда он выиграл 400 м), но для меня такая вещь была бы искусственной игрой. Исполнить танец победы естественно я не могу.

Я отвечаю на победу широкой улыбкой, и это, пожалуй, было все, чем я выразил свою радость в Риме. Улыбка не сходила с моего лица в течение нескольких дней. Но вот итальянский диктор на английском языке подтвердил то, что сказал мне Мунс на финише. Победил я. Я узнал, что побил также и олимпийский рекорд. Успех был полный.

Довольно забавно вспомнить, что в день финала по пути на стадион в джипе, где ехали Артур, Мюррей, Вэл Слоупер и я, Вэл призналась, что ощущает чрезвычайную нервозность. Она спросила меня, как я себя чувствую. Я сказал: «Надеюсь, что

остальные ребята будут бежать достаточно быстро, чтобы я мог установить рекорд». Это не было хвастовством. Единственное, почему я сказал так, была уверенность в том, что я заслуживал рекорда. Я уже побил его в своем полуфинале, показав 1.47,2, если не считать того факта, что Джордж отобрал его у меня спустя несколько минут, пробежав на десятую лучше. Поэтому, рассчитывая выиграть финал, я, естественно, рассчитывал и установить новый рекорд. Однако когда на предпоследней прямой я оказался в «коробочке», мысли о рекорде в голову мне уже не приходили.

Мое замешательство постепенно улеглось, и я направился к месту старта, чтобы собрать свою одежду.

На трибунах у ограждения на вираже группа новозеландцев пробивалась к самому рву, чтобы покричать мне. Они проявляли гораздо больше эмоций, чем я. Я прошел перед трибуной и обменялся с ними несколькими фразами. Из того, что говорил, я теперь не могу вспомнить ни единого слова.

Когда я снимал лидьярдовские шиповки, услышал, что церемония награждения победителей состоится после следующего финала. Я еще парил в облаках и не обратил на это известие особого внимания, пока не прозвучал выстрел и я не увидел дюжину бегунов, уходивших со старта в начале предпоследней прямой. И только тогда осознал, что это финал бега на 5000 м, где бежит Мюррей.

Я знал тактический план Мюррея и с восторгом информировал моих соперников по финалу, что за три круга до финиша Мюррей будет иметь разрыв, обеспечивающий победу. Я надеюсь, что эти ребята простили мне мои речи, которые тогда выглядели как бред сумасшедшего.

Но вскоре подошло время, когда Мюррей должен был сделать разрыв, и я подумал: «Ну вот, теперь все кончено».

Но что такое? Мюррей, бегущий впереди, вдруг напрягается, оглядывается назад, и теперь кажется, что немец Ганс Гродоцки выигрывает. Я вскакиваю с земли, Мюррей тяжело бежит мимо меня, и я кричу ему слова ободрения.

Ему осталось бежать последний тяжелый круг.

Я отчаянно желал ему победы, но во время этого последнего круга был убежден, что он ее не добьется. Это оказалось вздором. Мюррей был мастер, я — только подмастерье. Я уже подзадорил его тем, что получил медаль первым. Конечно, он не мог упустить своего.

Во время последних 400 м я напряженно переживал за Мюррея. Возможно, лучше, чем кто-либо другой, я понимал, что он должен был чувствовать, когда силы убывают, а путь впереди

невообразимо растягивается.

Но я мог только лишь кричать ему: «Давай, Мюррей!» — и при этом знал, что он даже не услышит меня.

Кажется, я был первым, кто подбежал к Мюррею после того, как он, сорвав ленточку, прошел несколько ярдов пешком, сошел с дорожки и свалился на траву лицом вниз. Пожимая его вялую руку, я знал, что он вряд ли осознает, кто перед ним. Он продолжал лежать. В течение нескольких мгновений он был почти без сознания. Но когда он «отошел» и пробежал полкруга по дорожке к тому месту, где его ждал Артур, я вдруг почувствовал себя необыкновенно гордым оттого, что теперь, после двух последовательных побед на дорожке, стадион принадлежит Новой Зеландии. Это были минуты, которые нельзя забыть.

Мюррей и я получили свои медали из рук новозеландца сэра Артура Порритта. Не помню, что он сказал тогда, вручая медаль. Я не мог еще ни контролировать свои ощущения, ни замечать, что происходит вокруг меня.

Я нашел Артура, и мы вместе отправились в раздевалку. Раздался стук в дверь, и на пороге появился Перси Черутти. Черт меня подери, если я помню, что он сказал! Было только очевидно, что присутствие Артура ему мешало, потому что, высказав несколько своих философских суждений, он удалился, как мне показалось, удрученным.

Я снова встретил Мюррея и теперь уже мог поздравлять вполне живого человека. В течение следующих 12 часов мы были неразлучны. Пошли в олимпийскую деревню, сжимая в руках свои медали. Встретили менеджера английской команды Сайди Дункана, который угостил нас шампанским из двухлитровой бутыли. Болтались по олимпийской деревне, еще не пришедшие в себя после победы, думали о том, как ее воспримут на родине, строили планы на будущее.

В доме, где разместилась новозеландская команда, сновали представители прессы, радио и телевидения, требовавшие без конца интервью. Я скоро нашел эти притязания утомительными и был рад избавиться от них. Артур сказал, что он встретил у себя в отеле одного знакомого австралийца, который завтра собирается на Капри и будет рад, если я составлю ему компанию. Я немедленно согласился.

В его автомобиле мы проехали до побережья в Неаполь и далее последовали в наступивших сумерках вокруг залива мимо Помпеи и Санта-Лючии в Сорренто, где остановились и стали искать ночлег, чтобы, переночевав, отправиться на Капри катером.

Мы нашли приют в гостинице, живописно расположенной,

как большинство домов в Сорренто, на утесе. Женщина-портье, говорившая по-английски, — по-видимому, жена хозяина гостиницы, — сказала нам, что для нас найдется дешевая комната, и, после того, как мы заполнили бланки и отдали свои паспорта, провела нас вниз по ступеням в убогую полуподвальную комнату, откуда открывался «очаровательный» вид на блеклую подпорную стену в нескольких футах от окна. Но нас это не огорчило. Мы хотели одного — спать.

Мы свалили в кучу багаж и поднялись наверх за паспортами. Теперь нас приняли совсем по-другому. Портье смотрела на нас с интересом. Очевидно, она сумела связать имя и фотографию на моем паспорте со своими наблюдениями во время телевизионной передачи днем раньше.

В результате нам была предоставлена одна из лучших комнат в гостинице с изумительным видом на залив и при этом за те же самые деньги, которые мы должны были отдать за полуподвал. «Таковы, — сказал я себе, — первые плоды успеха». Это было очень приятно.

Потом мы отправились на Капри, где, счастливый, я бродил в шортах и с фотоаппаратом. Одной из достопримечательностей острова является знаменитый Голубой Грот. Этот грот я считаю настоящим мошенничеством. Это просто большая пещера, в которой свет отражается от голубой воды снизу вверх. Это зрелище ничто по сравнению с нашим Вайтомо.

В погоне за результатом

Там, в Риме, Игры, кажется, уже подходили к концу. Я видел совсем немного: марафон и финал бега на 1500 м, транслируемые по телевидению. Теперь наш путь лежал в Лондон на соревнования между Соединенными Штатами и странами Британского содружества. Из числа новозеландцев были выбраны лишь Мюррей, Вэл Слоупер и я.

В Лондоне я почувствовал себя как дома. Я был рад оставить Италию и прибыть в страну, где люди говорят по-английски и пьют чай. Нас поместили в комфортабельном фешенебельном районе Кенсингтон вблизи Гайд-парка.

Моими соревнованиями была эстафета 4 по 880 ярдов, где я пробежал последний этап. В команде стран Британского содружества кроме меня бежали Том Фаррелл (Англия), Тони Блю (Австралия) и Джордж Керр (Ямайка). Я принял палочку примерно в 10 ярдах за Джерри Зибертом, который, очевидно, желая искупить свое бледное выступление в Риме, предложил убийственный темп. Мне ничего не оставалось, как следовать за ним. Мне удалось сократить разрыв перед концом первого круга, но для этого пришлось пробежать первые 440 ярдов за 50 секунд. Затем какое-то глухое чувство побудило меня обойти Джерри на предпоследней прямой, несмотря на то, что я изрядно выдохся из-за большой скорости на первой половине дистанции. Когда я пробежал мимо Джерри, я слышал, как американский тренер, стоявший у самого края дорожки, заорал: «Следуй за ним, Джерри, и достань его на прямой!».

Выдохся или не выдохся, но я был уверен, что никто меня не достанет. И здесь, впервые за свою практику, я обернулся, чтобы посмотреть, что творится сзади меня, и с тех пор это вошло у меня в привычку.

Я оглядывался не меньше трех раз, пока не вышел на прямую. Джерри был достаточно далеко, и я выиграл у ленточки около 10 ярдов.

На своем этапе, как было официально объявлено, я показал замечательный результат — 1.44,9. Если прибавить сюда полсекунды за счет того, что я стартовал с хода, получался результат, эквивалентный 1.45,4 с места, что было лучше мирового рекорда на 1,4 сек.

Результат американцев в эстафете на финише оказался выше мирового рекорда в эстафете 4 по 880 ярдов. Наш результат, более высокий, в расчет не принимался, потому что мы были

сборной командой из разных стран.

Этот бег принес мне громадное удовлетворение. Мой личный успех был достаточен, чтобы принести команде стран Британского содружества убедительную победу. Мюррей добавил к этому первое место в беге на две мили, которые он выиграл без борьбы.

Артур, оставаясь с нами, не меньше меня радовался успеху. Бег в эстафете подтвердил его заявление, сделанное в Риме, когда он сказал, что в финале на Играх я мог бы показать очень высокий результат, если бы не попал неудачным образом в «коробочку» на предпоследней прямой.

В то время я не согласился с Лидьярдом, твердившим, что я мог бы побить мировой рекорд. Однако теперь я не мог не признать, что в его словах был смысл. Я больше не мог спорить с Артуром, поскольку сам доказал его правоту. Мне стало ясно, что если бы я не смотрел на свое положение в финальном забеге так мрачно, не оставался бы внутри группы, не надеясь уже занять первое место, а решительно бы обошел лидеров по внешней части дорожки, то и тогда бы я победил. В Риме я не оценил в должной мере своих возможностей.

Как бы то ни было, жалко было не использовать отличную спортивную форму, в которой я находился. Поэтому Артур и я в последний момент приняли решение остаться в Англии и провести еще два состязания с попыткой побить рекорд мира на полмили.

Официальные лица заколебались, оставить нас или нет, но наконец Гарольд Остэд сделал широкий жест и после долгих уговоров дал свое согласие в связи с особыми «обстоятельствами». Я представляю, как ему пришлось поволноваться, раздумывая, что лучше: сказать нам «нет» и с триумфом возвратиться домой вместе с нами или сказать «да» и оставить нас для возможных новых успехов?

Мы получили возможность остаться благодаря действиям восхитительного ирландского организатора Билла Мортона. Он быстро устроил международные соревнования в Дублине на знаменитом стадионе Сэнтри, где Герберт Эллиот установил свой мировой рекорд на милю, а Альби Томас — рекорды на две и три мили.

Соревнования проходили два дня, и я должен был бежать 880 ярдов в первый день и милю во второй.

Нежелание кого-либо из моих соперников поддерживать темп разбило все шансы побить рекорд на полмили. Я достиг большого разрыва и спринтовал за 300 ярдов, однако на финише все участники были довольно близки ко мне. Я показал 1.47,9,

оставив позади Рона Деланея, Тони Блю и Герба Эллиота.

Результат был выше ирландского рекорда, но до мирового рекорда Тома Куртнея оставались 1,1 сек.

В беге на милю я не участвовал с тех пор, как в марте 1959 года показал 4.10,2 (лучшее мое время) на чемпионате Новой Зеландии. Я смог оставаться в группе лидеров вплоть до последнего круга, пока не почувствовал, что совсем выдохся, и сбавил темп. Финиш я пересек пятым, вплотную за великим венгерским бегуном Ласло Табори, однако очень далеко от Эллиота, который «накормил» всех участников забега и показал 3.57,0. Мой результат был 4.01,5.

Гордон Пири в этом забеге увенчал свою спортивную карьеру и впервые вышел из четырех минут. Он пришел третьим. Для меня же утешением, по крайней мере, был тот факт, что я сбросил со своего лучшего результата 8,7 секунды.

В то время я просто не был подготовлен для дубля высокого класса; возможно, напряжение предшествующих дней также отразилось на моей способности к спринту на финише.

В Дублине мы с Артуром остановились в семье Дойлов, которые столь энергично ухаживали за нами, что ничего не хотели знать и приходили в совершенное замешательство, когда мы должны были отказываться от огромных порций яблочного пирога и других вкусных вещей, которые они готовили непрерывно на протяжении целого дня.

Несмотря на решительные отказы, уезжая в Англию для следующих выступлений, я чувствовал, что прибавил в весе несколько лишних фунтов.

Теперь соревнования проходили в Лондоне, на стадионе «Уайт-сити». Атмосфера выступлений на дорожке «Уайт-сити» волнует, пожалуй, как нигде больше. Поле окружено трибунами, и в центре стоит невообразимый шум.

Соревнования были названы «встречей олимпийских звезд», но, в сущности, это была битва между Лондоном и панамериканскими городами, финансируемая «Ивнинг Ньюз» и организованная местными клубами.

Я был одним из двух спортсменов из стран Британского содружества, которых выбрали для состязаний против панамериканских представителей в беге на 880 ярдов. Другим был мой старый соперник Джордж Керр, с которым мы бежали за лондонские клубы против Сиднея Перкинса и Джона Венка. Том Фарелл, Карл Хейнцкрузе из Западной Германии и Тони Блю были включены в забег, чтобы придать ему дополнительную остроту.

В Дублине моя попытка побить рекорд не удалась: в

соревнованиях отсутствовал спортсмен, который бы пожелал взять на себя лидерство в быстром темпе. Но здесь мне сказали, что приняты меры к тому, чтобы первый круг был пройден за 52 секунды. И действительно, когда я занял свое место на линии старта и взглянул на противников, я увидел незнакомого мне бегуна, не включенного в списки. Это и есть, предположил я, бегун, которому надлежит вести бег на первом круге. Кроме того, я надеялся на Джорджа, который, по слухам, собирался изменить своей обычной тактике преследования. Как заявил его представитель олимпийский чемпион 1952 года в беге на 400 м Герб Мак-Кинлей *(Снелл допускает здесь неточность. Чемпионом Олимпиады 1952 г. в беге на 400 м был Д. Роден (Ямайка), а Г. Мак-Кинлей, хотя и показал одинаковое с Роденом время, завоевал серебряную медаль этой Олимпиады. — Прим. ред.)*, Джордж жаждет сжечь меня энергично пройденным первым кругом. Возможно, думал я, эти двое будут достаточной компенсацией против холода и сильного ветра.

Однако не Керр, а именно тот неизвестный бегун повел бег сразу после виража. Я пристроился к нему и, как только это сделал, почувствовал, что Джордж занял место сразу же за мной.

На темп бега я внимания не обращал. Он казался достаточно быстрым, и это не беспокоило меня; я оставил следить за ним лидеру, а сам сконцентрировался на расслаблении, намереваясь выскочить где-то за 300 ярдов до финиша, в зависимости от того, как быстро будет пройден первый круг.

Первый круг мы прошли чуть медленнее, чем нужно, — за 53 секунды. Это осложняло дело. Я не хотел выйти вперед слишком рано из-за Джорджа, который занимал угрожающую позицию. Мне не хотелось идти на рекорд, а затем быть съеденным им на последней прямой.

Но Джордж не набросился на меня. Я приберег свои силы до последнего виража, а затем финишировал с разрывом в 15 ярдов. 1.47,5. Опять неудача.

После этого бега я впервые за несколько месяцев смог по-настоящему отдохнуть.

Долгое время я интенсивно посвящал себя бегу и теперь начал испытывать последствия этого. Для меня было роскошной передышкой пойти вместе с Артуром на банкет в Дорчестере, потому что я знал, что все соревнования уже позади. Я устроился за столом с австралийцами Тони Блю, Бэтти Катберт, Колином Риджуэем, и, когда официант подошел к столу с коробкой сигар, мы с Тони взяли по одной и принялись смаковать их, сознавая себя грешниками.

Сделав несколько затяжек, я увидел, как Артур встал из-за

стола, где он сидел вместе с группой тренеров, и подошел к нам.

Держа сигару в зубах, я смотрел на него и глуповато улыбался, не догадываясь, что именно он сейчас скажет, но зная наверняка, что он сделает какое-нибудь замечание.

Он просто сказал: «Я думал, ты следишь за собой лучше».

Но на следующее утро, когда мы отправились в Лондонский аэропорт, чтобы улететь в Новую Зеландию, ему тоже пришлось сконфузиться.

Мы были настолько перегружены подарками и трофеями, что нам предложили уплатить 50 фунтов за излишек багажа. Не имея таких денег, мы вступили в пререкания и в конце концов улетели домой, оставив официальным лондонским представителям улаживать это дело.

Лететь домой через Америку для нас было приятнее, чем через Индию, однако полет с востока на запад на самолете, делающем свыше 500 миль в час, также имеет свои проблемы. Полет в западном направлении делает день значительно длиннее, а это значит, что проголодавшиеся спортсмены получают пищу через большие интервалы. Компании, которые ведают перевозкой, устанавливают часы в самолете по-местному времени после каждой остановки по ходу полета. Это значит, например, что, если мы вылетели из Нью-Йорка в 10 часов утра, время немедленно ставится таким, какое оно есть в данный момент на Западном побережье, т. е. 6 часов утра. Таким образом, время до ближайшего приема пищи сразу растягивается до шести часов.

Артур пытался разрешить указанную проблему, попросив у официанта одно из аппетитных яблок, которые он нес на подносе. Тот довольно холодно ответил, что яблоки предназначаются только для пассажиров первого класса.

Встреча в Венуапаи напомнила нам снова о том, что значит наш золотой дубль в Риме для Новой Зеландии. В жарких схватках после Римской олимпиады я уже стал забывать об этом, но шумная встреча в Окленде была чудесным напоминанием. Под прожекторы на посадочную полосу выкатили трап, и оттуда я произнес свою первую речь.

Впоследствии мне пришлось говорить очень много, потому что к этому теперь обязывало меня мое новое положение.

Больной вопрос

Впервые несколько недель после приезда я был очень занят. Хлопоты по сбору средств на строительство гаревой дорожки, подготовка выступлений на собраниях с речами, две недели непрерывного труда по сортировке множества писем и телеграмм, наконец, заполнение бесчисленных автографов — это отнимало почти все мое время.

В разгар всего этого я переселился в новую квартиру на Грейт Саут-роуд, которую стал снимать вместе с четырьмя другими спортсменами.

Бросая взгляд в прошлое, я рассказываю о моей жизни на квартирах в продолжение шести месяцев под горестным заголовком «Жизненный опыт». Моя скитальческая жизнь, вдали от домашнего комфорта, началась у вдовы, для которой я подстригал лужайки, когда был еще учеником горной школы.

Я перешел к ней на пансион, когда переехал работать в Окленд. Она очень рьяно относилась к моим землемерным занятиям и настаивала на том, чтобы я каждое утро прочитывал передовицы в «Нью Зилэнд Геральд». Когда же я стал проявлять интерес к одной девушке и та начала вовлекать меня в длительные телефонные разговоры, моя хозяйка принялась читать мне таинственные сентенции о том, что «порох следует держать сухим».

С течением времени мое поведение стало раздражать ее. Я не усердствовал в изучении землемерного дела, а отдавал все свое время спорту и другим приятным вещам. В конце концов я понял, что мое дальнейшее пребывание в этом доме не особенно желательно, и обратился с объявлением в газету.

На мое объявление «молодому ученику-землемеру нужен полный пансион» вскоре откликнулась одна вдова католичка. Она жила с дочерью примерно моего возраста и более юным сыном. Я жил у них вплоть до поездки в Рим.

Я не хочу долго распространяться о квартирных делах, но замечу, что всякий, кто желает чего-то добиться в спорте, должен дважды продумать дело, прежде чем поместить себя в окружение, характерное для наших жилищ на Грейт Саут-роуд. Спортсмен тренируется регулярно, и поэтому самое раннее, когда он может прийти к обеду, это около половины восьмого вечера. Когда он вымоет посуду, будет уже полдесятого или десять, довольно поздновато, если учесть, что нужно еще заниматься для продвижения по службе.

Не заблуждайтесь на этот счет. У нас много времени, и мы рады собраться с друзьями, когда с делами все в порядке. Но, к несчастью, жить на квартире и отдать себя целиком напряженной тренировке или учебе — вещи несовместимые. Меня обычно нагружали обязанностью мыть посуду, потому что по утрам, когда другие готовили завтрак, я проводил свои пробежки. По вечерам я тренировался дольше, чем остальные, и поэтому мне приходилось очень мало заниматься приготовлением пищи.

Снимая квартиру, я приумножил свое скудное имущество покупкой разбитого мотоцикла. Эта сумасбродная машина как нельзя лучше отвечала моей склонности передвигаться без платы за проезд. Очарование быстрой езды навстречу свежему ветру было сильнее, чем соображения безопасности, хотя в это время я уже был олимпийским чемпионом и мне было что терять в жизни. К счастью, я не изувечил себя, однако эта машина, прежде чем я сбыл ее еще одному простаку, вытрясла из меня кучу денег.

Позднее я начал встречаться с моей будущей женой Салли, и она обнаружила больше здравого смысла, чем я сам. У нее был скутер, и она часто отвозила меня домой после уикэнда в Пьюкекоу. Она настаивала при этом, чтобы я носил защитный шлем.

Однако квартирная жизнь окончилась, и я переселился в настоящий рай в порту Шевалье, где хозяйничала миссис Уоррен. Этот переезд совершился благодаря Артуру. Однажды он пожаловался одному человеку на трудности с квартирой, которые мне приходилось испытывать. Знакомый Артура сообщил об этом семье Уоррен, в которой младший сын Русс знал меня еще со времен учебы в горной школе, где мы играли в крикет в одной команде.

Условия жизни у Уорренов не могли быть более благоприятными. Казалось, все в доме кружится вокруг моих спортивных дел, и, конечно, мои занятия бегом процветали. Миссис Уоррен обладала неисчислимыми достоинствами как хозяйка, и я был счастлив быть, по существу, членом ее семьи вплоть до самой женитьбы в 1963 году.

Тренировка к наступающему летнему сезону протекала довольно успешно вплоть до середины ноября. В это время я должен был выступать в состязаниях «Король гор», проводимых на горе Веллингтон. Эти состязания устраивались с целью сбора средств на строительство гаревой дорожки в Окленде.

Половина трассы шла в гору, а затем следовал спуск вниз. До самой вершины я бежал впереди Билла Бейли и остальных. Правилами соревнований допускался спуск вниз по произвольной трассе. Полный решимости удержать свое положение, я выбрал

очень крутой спуск и повредил ногу. Билл выиграл эти соревнования без труда.

На следующий день, не обращая внимания на травму, я пробежал 22 мили по трассе Вайатаруа. Я надеялся, что синяки излечатся сами собой во время бега. Это была пустая надежда. Утром, в день, когда по плану должна была начаться работа на дорожке, я едва протащился восемь миль. Вечером вполсилы пробежал в Домейне милю за 4.26 и после этого вынужден был на несколько недель прекратить тренировки. Я провел это время в беспрерывных хождениях от дома доктора к дому Кейта Скотта, получая в одном месте проникающее облучение, в другом массаж.

Лишь перед Новым годом мне удалось снова привести себя в порядок. Новозеландская легкоатлетическая ассоциация, желая извлечь скорейшие выгоды из наших выступлений в Риме, организовала для остальных медалистов в беге на 800 м, Роже Мунса и Джорджа Керра, турне по Новой Зеландии. К ним присоединился и американский бегун на милю Дайрол Берлесон. До начала этого турне оставалось менее месяца, и Артур вовлек меня в тренировочную программу, благодаря которой я смог бы поддержать свою репутацию.

Желая узнать, какое влияние оказали на мою работоспособность выступления в Риме и каковы будут результаты этой удачной тренировки, я принял приглашение участвовать в соревнованиях в Нельсоне 7 января. Я рассматривал их как проверку своей готовности. Мой результат должен был определить, буду ли я бежать против Роже и Джорджа.

Во время разминки нога еще побаливала, и Артур сказал мне, что результат 4.12,0, или лучше будет вполне удовлетворителен.

Перед соревнованиями я пробежал в тренировке три раза по 880 ярдов за 2.05, 2.07,0 и 2.09,0, потом был вынужден прекратить бег, а далее, отдохнув, провел несколько пробежек по 220 ярдов и эту серию тоже не смог закончить.

В день соревнований я был настолько взволнован и не уверен в себе, что провел все время в покое, хотя соревнования были всего лишь приятным времяпрепровождением.

Из-за такой нервозности я прошел половину дистанции за 2.09,0, но последующие круги проскочил за 62 и 57 секунд. Результат на финише оказался 4.08,4 — удивительное достижение, если принять во внимание отсутствие должной тренировки. Конечно, после такого бега я принял решение выступать против своих римских соперников.

Урок тактики

Роже Мунс прибыл в Окленд 18 января. После безостановочного перелета из Бельгии он выглядел утомленным. Его также беспокоила мысль, что он у себя дома из-за неблагоприятных условий недостаточно тренировался. Я был счастлив возобновить знакомство с этим интересным человеком. Несмотря на свою победу над ним в Риме, я чувствовал себя еще на положении младшего. Это турне заложило основы дружбы, которая впоследствии развилась во время моих заморских выступлений в 1961 году и стала еще крепче, когда мы снова встретились в Токио, на Олимпиаде 1964 года. На эти Игры я приехал как спортсмен, а Роже как комментатор бельгийского телевидения.

Забавно, что только в Токио Роже наконец признался в том, что длительное время считал мою победу в Риме счастливой случайностью. Он сделал это признание после того, как я пробежал на прикидке 800 за 1.47,1. После этого на своем замечательном ломаном английском он добавил: «Просмотрев твое достижение, я знаю, что ты можешь выиграть обе медали. У меня нет ни малейшего сомнения на этот счет». Вот таков человек Роже Мунс, и надо сказать, что его поддержка подействовала на меня очень ободряюще.

Роже, по профессии сыскной инспектор, говорил по-английски вполне прилично, однако считал, что из пяти языков, которыми он владел, этот он знал хуже всего. Он бегло говорил на фламандском, на русском, на французском и немецком. При всякой встрече он, подобно всем европейцам, обменивался рукопожатием. Я не был осведомлен об этом обычае и долгое время думал, что этим он хочет мне показать, что не сердится на меня за исход состязаний в Риме.

К тому времени, когда он и Джордж Керр прибыли в Окленд для участия в турне, ко мне стала возвращаться быстрота. Подтверждением этому был результат 50 секунд в пробежке на 440 ярдов по мягкой дорожке в Онехунга.

Состязания в Оклендском Иден-парке, на площадке для регби, открывшие турне, впервые дали отведать новозеландцам блюдо большого международного спорта. В легкоатлетической жизни страны наступила новая эра. Теперь положение дел было более славным, чем даже во времена знаменитого Дуга Харриса, когда Новая Зеландия впервые достигла международной известности в спорте.

Наш первый забег проходил на дистанцию 880 ярдов, и я пробежал ее в ровном темпе, установив рекорд Новой Зеландии — 1.49,0. Я оторвался от соперников за 300 ярдов до финиша и держал еще не отдохнувших от переезда Джорджа и Роже далеко сзади вплоть до самой ленточки. Этот успех дал мне уверенность, что в следующем соревновании, в Нейпире, где мы должны были бежать в среду, я смогу показать результат по крайней мере на секунду выше.

Однако в Нейпире Джордж преподнес мне хороший урок тактики, и это стоило мне соревнования. Он использовал тактический план, который я быстро включил в свой репертуар и с тех пор успешно применял его несколько раз.

В течение первого круга лидером был Гарри Филпотт, и на предпоследней прямой второго круга я вышел вперед. Я вел бег очень уверенно, как вдруг внезапно Джордж сделал спринтерский рывок и в мгновение ока оставил меня позади. Он прошел мимо меня с таким ускорением, что я до определенной степени потерял контроль над собой. Когда я пришел в себя, он был уже на пять ярдов впереди, и даже взяв себя в руки, я смог преследовать его весьма вяло. Мы пробежали половину финишной прямой, прежде чем я заметил, что он начинает терять скорость и у меня, следовательно, появляется возможность спасти положение. Однако я среагировал на это слишком поздно, и Джордж выиграл бег, сбросив с моего национального рекорда, простоявшего всего три дня, одну десятую секунды. Роже заметно улучшил свое состояние и пришел третьим вплотную за нами с результатом 1.49,2.

Джордж показал мне в Нейпире, что такого рода спринтерский взрыв, проведенный в одно мгновение, полностью расхолаживает противника. Психологически тот попадает в ловушку из-за чувства безнадежности от скорости, которую на его глазах развивает противник.

В 1961 году в Дублине Джордж применил этот трюк со мной снова, но теперь я был уже поумнее и, оценив его намерения, прихватил его прежде, чем он смог создать сколько-нибудь существенный отрыв.

С Джорджем я встречался всего девять раз, и эта победа в Нейпире была его единственной победой надо мной,

Дайрол Берлесон показал себя звездой турне. В первой встрече он, обыграв Мюррея и Билла, пробежал 1500 м за 3.47,4. В Нейпире он выиграл милю у Билла, Алана Паркинсона и Невилла Скотта и показал 4.04,4. Мюррей и Барри Мэги выступали здесь также в гандикапе на три мили и продемонстрировали собравшимся интересную тактическую

борьбу. Сначала они обошли остальных участников забега. Это было на протяжении первых двух миль. Затем Мюррей несколько раз выходил вперед, а Барри доставал его, потом они поменялись ролями, и Барри начал уходить, а Мюррей догонять, и, наконец, Мюррей включился в мощный финишный рывок и был первым с отрывом в 15 ярдов.

На третье состязание турне мы поехали обратно в Окленд. Здесь всем средневикам пришлось участвовать в широко разрекламированной миле. Как ожидалось, впервые в Новой Зеландии победитель бега должен был «выйти» из четырех минут. Очень вероятно, что эти надежды были обоснованны, но я был счастлив, что ответственность за этот аванс лежала на плечах Мюррея и Берлесона. Биллу и Невиллу надлежало установить быстрый темп с самого начала, а мое участие рассматривали как дополнительную гарантию против медленного бега по дистанции.

Однако, вопреки предварительным расчетам, состязания оказались совершенно удивительными. Я не знаю, понравились ли они зрителям, но пресса о них писала много.

После того как был дан старт, пятнадцать тысяч зрителей почти в ужасе увидели, как Невилл и Билл сразу же установили высокий темп и за короткое время оторвались от остальных участников забега почти на 60 ярдов. Первую половину дистанции они прошли за 1.58,0, и теперь дело шло к победному концу и результату меньше четырех минут на милю. Берлесон, очевидно, не особенно верил, что эти двое долго продержатся, и шел своим темпом, а мы с Мюрреем, считая Берлесона наиболее опасным конкурентом, держались к нему как можно ближе.

После первого круга, когда открылась огромная брешь, в моем сознании промелькнула мысль последовать за Биллом и Невиллом, однако я не решился и остался на своем месте. У меня не было уверенности, готов ли я к другой тактике.

Когда мы проходили полумилевую отметку, я бросил взгляд вперед и увидел, как Билл и Невилл выходят с виража на прямую. Мне пришло в голову, что, пока они работают вместе, эту брошь закрыть нам не удастся. Они бежали легко, и было очевидно, что в своем стремлении задушить забег они помогают друг другу.

Внезапно… толпа закричала, и я снова посмотрел вперед. Невилл, распростертый, лежал на середине задней прямой. Он наткнулся на один из колышков, размечавших дистанцию. Билл беспокойно оглядывался, как кролик, который внезапно увидел стаю подлетающих коршунов и не находит места, где спрятаться. Без Невилла он, если продолжать сравнение, был подобен гребцу в лодке без весел.

Берлесон, Мюррей и я тотчас сообразили, что Билл теперь и

впрямь затравленный кролик. Мы поняли, что поймаем его на открытом месте, наш темп возрос, и началось безжалостное преследование.

Билл сражался до конца, однако за 200 ярдов до финиша сник, и мы настигли его. Он затерялся в толпе, мы все обошли его и двинулись по виражу — впереди Берлесон, за ним вплотную Мюррей и на плечах у Мюррея я. Все намеревались усилить темп на прямой. В своей позиции я решил подождать с финишным рывком до тех пор, пока мы окончательно не выйдем на прямую.

К несчастью, тот же план созрел и в голове Мюррея. Едва мы вышли из поворота, он двинулся вправо и стал настигать Берлесона. Я двинулся туда же, но Мюррей загородил мне намеченный путь к ленточке. Я понимал, что у Мюррея уже не оставалось сил, чтобы бороться с Берлесоном, который бежал исключительно легко и поэтому вышел на третью дорожку, намереваясь обойти Мюррея. Пройдя это препятствие, я пробился к плечу Берлесоне, но дальше мне продвинуться не удалось, и Берлесон к финишу пришел первым с результатом 4.05,6. Мюррей отстал от нас на пять ярдов.

Это состязание мне понравилось. Пусть я здесь, как и в предыдущих соревнованиях на 880 ярдов, был побит, пусть я не финишировал так быстро, как мне хотелось бы, все же это был хороший бег для спортсмена, который еще не подготовлен на 100 процентов.

Джордж стал героем дня, пробежав ужасающе быстрые 440 ярдов за 47,2 сек. Он оставил позади себя Джона Тейлора и Гарри Филпотта. Оба они «вышли» из 48 секунд. Роже Мунс, хотя эта дистанция была для него весьма коротка, пришел четвертым и умудрился показать 48,6.

Главным событием четвертой встречи в Данедине (в этих соревнованиях я не участвовал) была очередная победа Берлесона над Мюрреем. Американец показал на миле 4.01,2, что было на несколько десятых выше новозеландского рекорда Мюррея.

Во время пятой встречи в Крайстчерче явственно обнаружилась нужда новозеландцев в одной-двух хороших гаревых дорожках. И хотя соревнования проводились на той самой дорожке, где я впоследствии установил два мировых рекорда, бежать было трудно, потому что дорожка была мягкой и сырой после прошедшего в день соревнований ливня, большинство из нас делало по два шага там, где в нормальных условиях было достаточно одного. Роже, Джордж и я состязались против Берлесона в беге на полмили, и мы трое прошли на финише в том же порядке, что и на Олимпийских играх в Риме. Берлесон, который справился с неудобствами дорожки лучше нас

всех, был на финише первым, что значительно увеличивало его триумф в этом турне. Еще за 200 ярдов до финиша лидировали Гарри Филпотт и я, но на последнем повороте Берлесон очень быстро вышел вперед и выиграл у меня ярд, показав 1.50,0.

Турне закончилось в ветреный вечер в Веллингтоне, где Мюррей, который в Крайстчерче не выступал, вышел на старт достаточно свежим и победил Берлесона на милю. Американец сетовал потом на то, что ему пришлось в отличие от Мюррея бегать в турне слишком много. Было совершенно ясно, что Берлесон не достанет Мюррея, когда тот сделал отрыв. Результат на финише 4.04,2.

Турне не принесло мне удовлетворительных результатов, и на предстоящий чемпионат страны я смотрел без особой радости. В это время мне предложили выступать на Хайлендских играх в Окленде. Организаторы встречи говорили мне, что это будет сравнительно легкое состязание — всего лишь гандикап без выдающихся бегунов против меня. Однако в среду, накануне встречи, я узнал, что главный гандикапер Лес Баркер, бывший также и тренером Гарри Филпотта, заявил последнего на участие, и Гарри был поставлен на ту же отметку, что и я.

На предпоследней прямой Гарри буквально удрал от меня и выиграл на финише 12 ярдов с результатом 1.50,4. Я пришел вторым и выглядел настолько уставшим, что Артур, не колеблясь, посоветовал мне воздержаться от участия в чемпионате Новой Зеландии.

И действительно, я чувствовал, что очень выдохся. Недостаток подготовленности и тяжелая работа во время турне вселили в меня отвращение к бегу, и мне казалось, что я не захочу смотреть на беговую дорожку бесконечно долгое время.

Дома я сел за стол и стал планировать программу длительной подготовки к отборочным соревнованиям на Британские игры. Никаким другим промежуточным целям в этой программе места не отводилось. В следующий понедельник я пустил эту программу в ход и пробежал полчаса легкой трусцой. Я чувствовал моральное облегчение от того, что теперь в перспективе соревнования не предвиделись, и впервые за много недель получил настоящее удовольствие от бега.

В субботу, в день открытия чемпионата Новой Зеландии, упиваясь своей свободой, я растянулся на палубе катера в Хаурэки-Галф и, свесив удочку за борт, слушал о результатах чемпионата по транзисторному приемнику. Стояла прекрасная погода, я вытаскивал из воды одну рыбу больше другой, как вдруг диктор объявил, что Гарри побил мой рекорд в беге на полмили в великолепном соло за 1.48,8. От неожиданности я чуть было не

утопил все свое снаряжение.

В то время такая мысль не приходила мне в голову, однако сейчас я думаю, что это сообщение было, наверное, лучшим средством освежить мой дух в то время, как я уже начинал радоваться облегчению. Вокруг меня всегда находились люди вроде Гарри, или, позднее, Джона Дэвиса, которые держали меня в постоянной готовности и не позволяли предаваться благодушию. Я думаю, это очень важная вещь в соревнованиях. Особенно для такого человека, как я.

Включившись снова в тренировки, я провел три недели перед пасхой в беге по траве продолжительностью до полутора часов каждый вечер. За неделю я пробегал от 60 до 70 миль. На пасху я нашел время освободиться от торжеств и принял приглашение Дика Мак Гилла провести несколько дней в Юреверасе на оленьей охоте неподалеку от их фермы.

Я не подстрелил ни одного оленя, хотя они довольно часто появлялись на тропе, которая вела к люцерновым пастбищам. Мы с Диком радостно топали по крутым холмам, и я сделал несколько выстрелов, продемонстрировав, что меткость моей стрельбы не содержит ничего эффектного. Я быстро нашел, что оленья охота нагружает много таких мышц, которые совсем не напрягаются во время бега.

В последний день, насытившись досыта преследованием оленя, который так и остался необнаруженным, мы принялись играть в теннис с двумя соседними фермерами и наигрались до изнеможения. Возвращаясь в Окленд, я чувствовал себя усталым, но психически я отдохнул настолько, что уже по дороге строил планы новых беговых занятий. Как показывают мои записи в дневнике, это обстоятельство обнаружилось в первой же тренировке, проведенной по возвращении в Окленд. В беге я почувствовал, как отталкивание стало пружинистым и упругим.

В первую субботу после пасхи я приступил к выполнению тренировочной программы бега 100 миль в неделю, которая включала пробежки по 22-мильной трассе вокруг Пьюкекоу, Бомбея и Рансимена. Большая часть последующей работы осуществлялась мною в сумерки на авондейльской соревновательной трассе. Однако, в конце концов, бесконечный бег по траве, которая на протяжении всей дистанции выглядела одинаково, среди тоскливо тянущихся оград, порядочно надоел, и я вышел на шоссе. Я быстро приспособился к твердому покрову и справился с тренировками без заметных неудобств и волнений. Я часто бегал в компании с Барри Мэги и иногда с Доном Мак Фаркухаром и Верном Уокером.

В мае, когда я переключился на пробежки по тщательно

размеченной трассе, чтобы приобрести полную готовность, мы получили приглашение из Хельсинки выступить в соревнованиях «Уорлд Геймз» и совершить турне по Европе. Халберг, Мэги и я были приглашены лично. Менеджером и тренером просили назначить Лидьярда.

С четвертым бегуном вышел конфуз. Билл Бейли думал, что его также упомянули в приглашении, но оказалось, что вопрос о четвертом участнике команды был оставлен на разрешение новозеландской ассоциации и там выбрали Гарри Филпотта, вероятно из-за его блестящего выступления в национальном чемпионате.

Естественно, Билл был разочарован, и, к несчастью, его досада благодаря энергии молодого оклендского спортивного журналиста стала известной публике. Тот, на мой взгляд, поступил довольно непорядочно. Узнав об избрании Гарри в команду, он тут же сообщил эту неприятную для Билла новость ему по телефону, записал с хода выражения, которыми Билл реагировал на это известие, и предал их гласности. Вполне понятно, что комментарии Билла были необдуманными, и в течение определенного времени вся эта история выглядела отнюдь не привлекательно.

Имея перед собой ясную цель — турне по Европе, я включился в новую программу ударной тренировки. Эта тренировка не была вполне последовательной, однако мне удалось все же провести несколько солидных пробежек по трассе Вайатаруа, и теперь я чувствовал себя физически и морально намного лучше, чем два-три месяца назад.

Две недели я бегал по холмам, главным образом вдоль Буллок-Трэк, одной из самых крутых улиц в Окленде, и по участку шоссе. На этом участке восемнадцать месяцев спустя я чуть было не расстроил свою спортивную форму. После бега по холмам я в течение четырех недель проводил интенсивную тренировку на скорость. В Европу мы выехали полные надежд, хотя и не без некоторых опасений за свою подготовку.

Игры и развлечения

Войдя в контакт с американским тренером Форрестом Джемисоном (он был у нас в 1959 году), Лидьярд весьма кстати устроил нам остановку в Пало-Альто, расположенном в бухте недалеко от Сан-Франциско. Это было просто замечательно. У нас, улетевших от жалкой осени и зимы в Новой Зеландии в солнечную Калифорнию, было то же самое чувство, что у медведя, вылезающего после долгой спячки под весеннее солнце.

В Калифорнии живет много энтузиастов легкой атлетики, и некоторые из них были знакомы нам по Римской олимпиаде. Они сделали нашу остановку в Пало-Альто чрезвычайно приятной.

Я остановился в семье Раблов, девятнадцатилетний сын которых, Робин, занимался бегом на средние дистанции и выступал за Стэнфордский университет. Еще будучи учеником средней школы, он показал 1.52,0 на полмили и 4.10,0 на милю. Университетский тренер Пэтон Джордан немедленно ухватился за него. К несчастью, как это бывает с большинством молодых многообещающих спортсменов на Западном побережье, спортивная жизнь Робина требовала от него бесчисленных выступлений за Стэнфорд, в которые обычно включались изматывающие дубли. Нередко ему приходилось бежать 880 ярдов и почти одновременно заключительный этап 880 ярдов в смешанной эстафете. Не было ничего удивительного в том, что Робин, вовлеченный в такую тяжелую работу по защите университетской чести, так и не смог улучшить результаты, показанные им в средней школе. Беспрестанные требования приносить своей команде очки в межуниверситетских состязаниях лишают Соединенные Штаты хороших бегунов в большем числе, нежели создают их.

Одна из моих первых ошибок в Калифорнии заключалась в том, что я совершенно потерял чувство меры в потреблении абрикосов. Эти плоды росли в Калифорнии прямо по обочинам дорог, где мы тренировались, и я не мог удержать себя и срывал их прямо во время бега. Это немедленно укорачивало мои тренировочные пробежки.

Мне нравилась наша жизнь в Пало-Альто. Рано утром мы проводили пробежку, в середине дня купались и загорали или осматривали достопримечательности Сан-Франциско, после полудня снова включались в бег и заканчивали день за столом, поглощая консервированные соки, кусочки жареного картофеля и другую полезную для тренировок пищу.

Клуб «Трэк Натс» организовал пробные выступления, которые для нас прошли успешно. Гарри победил на дистанции 440 ярдов, я — на полмили (1.52,5). Мюррей выиграл милю, а Барри — две мили. Конечно, с нами бежали довольно слабые соперники, но тем не менее результаты показывали, что мы потихоньку входим в форму.

Через Северный полюс мы перелетели в Лондон, и теперь в сравнении с Пало-Альто картина была иной. Вместо калифорнийского тепла типично серый лондонский день, что сразу сделало воспоминание о Пало-Альто похожим на сон. Те же официальные лица, которые встречали нас во время визита после окончания Римской олимпиады, были на аэродроме и на этот раз. Они повезли нас в отель «Ланкастер-Гэйт». До часу дня мы спали, а потом после ленча нас проводили на Флит-стрит на пресс-конференцию. Пресс-конференция прошла в изысканной клубной атмосфере. Мы пили пиво и отвечали на вежливые вопросы. День мы закончили 45-минутной трусцой вокруг Гайд-парка.

В первые же дни после прибытия в Лондон Мюррей почувствовал себя плохо. То были последствия противостолбнячной прививки, сделанной ему в Окленде около двух недель назад, и теперь стало очевидно, что Мюррей не сможет выступить в первом соревновании в Лондоне.

Организаторы выступлений, естественно, были этим очень озабочены, потому что планировали забег на три мили, в котором Мюррею следовало состязаться со своим старым соперником поляком Зимны и с английской надеждой Брюсом Талло. Однако беспокойство было напрасным. Зимны, узнав, что Мюррей побежит три мили, срочно протелеграфировал, что будет стартовать в забеге на милю.

Итак, у организаторов теперь не стало ни Мюррея, ни Зимны. Мюррей делал все возможное, чтобы встать в строй, но мы все же решили выставить Барри. Я ехал на стадион «Уайт-сити» и чувствовал себя одиноким — с Мюрреем мы провели вместе столько дублей, что теперь без него атмосфера казалась совсем иной.

Против меня в забеге выступал немец Пауль Шмидт, финалист Римской олимпиады на 800 м; в его присутствии я должен был строить тактику на выигрыш. Темп бега установил Гарри, бежавший в своей обычной манере; на последнем повороте я повис у него на плече и перед самым выходом на прямую сделал рывок, чтобы взять лидерство. Здесь Гарри встал, и все его обошли. Я выиграл забег и был удовлетворен, показав 1.48,3.

Выступление Барри на три мили принесло нам сильнейшие переживания со времен Олимпиады в Риме, когда мы выиграли

три медали. Мы плясали от радости, видя, что он применил тактику Мюррея и вышел вперед за два круга до финиша. Перед забегом Талло, не зная, куда девать избыток самоуверенности, столь свойственной английским бегунам, заявил, что сделает попытку побить мировой рекорд. Это заявление оказалось чересчур смелым и теперь выглядело дурацким, потому что Барри, задушив Талло совершенно, выиграл забег с результатом 13.18,0.

Его лучший результат на эту дистанцию был равен 13.31,0, поэтому, когда объявили время, мы в первый момент отказывались верить своим ушам: результат Барри был всего на семь секунд с десятыми ниже мирового рекорда.

Мое пребывание в Лондоне закончилось встречей с бывшей новозеландской звездой по теннису Марком Отуэем, который взял меня на денек в Уимблдон, где в это время работа была на полном ходу. Мы зашли на площадку к игрокам, и я имел удовольствие познакомиться с некоторыми теннисистами высшего класса.

На следующий день мы двинулись в Ньюкасл на небольшое состязание в окрестностях Гейтсхеда. К тому времени каждый из нас успел почувствовать последствия перелета из Америки, хотя Мюррей начал поправляться от своей болезни. Мы с Гарри выступали в забеге на полмили. Забег был слабый, но я плохо переносил погоду и, пробежав первую половину за 55,5, оказался на предпоследней прямой в 30 ярдах позади Гарри. Однако на финише он сильно сбавил темп и я, дотащившись до него на прямой, выиграл четыре ярда. Я показал 1.50,4.

Мюррей и Барри бежали милю, Мюррей великолепно финишировал и победил с результатом 4.03,4, весьма приличным для человека, только что оправившегося от болезни. Барри, совсем не милевик, остался далеко позади.

Когда мы возвратились в Лондон, к нам присоединился австралиец Пэт Клохесси и вместе с ним мы отправились в Финляндию через Париж. Специальный самолет доставил нас из Парижа в Хельсинки. Впервые в своей жизни увидел я, что значит встреча спортсменов в стране, где понимают легкую атлетику. В аэропорту нас шумно приветствовал духовой оркестр и многочисленная толпа зрителей. Нас долго фотографировали, и прежде, чем отпустили в город, было произнесено много приветственных речей и взято интервью.

Наша компания пополнилась переводчиком Юхани, коротко подстриженным, веселым блондином. Он должен был сопровождать нас на все время поездки.

Разместили нас в специальном легкоатлетическом лагере в

Отаниеми, под Хельсинки. Окружение было восхитительным. Окна общей спальни на верхнем этаже выходили на великолепную четырехсотметровую гаревую дорожку; там был закрытый стадион, закрытые теннисные корты и гимнастический зал; в соседний лес уходили, извиваясь, живописные тренировочные дорожки.

В день приезда я начал тренировку в 9 часов вечера и провел в одиночестве прикидку на 400 м, показав 49,2 секунды. Однако заснуть было проблемой. Долгие сумерки сменились полной темнотой лишь на пару часов, и мы никак не могли убрать свет из нашей спальни в должной степени.

Нигде я не раздавал автографы в таком количестве, как в Финляндии. Финские дети настоящие профессионалы по этой части! Они не только собирают автографы, но составляют альбомы газетных вырезок с фотографиями и на каждой из них требуют подписи. В хельсинские магазины мы заходили редко: цены были явно нам не по карману.

Соревнования «Уорлд Геймз» были рассчитаны на два дня и высоко котировались в международном легкоатлетическом календаре. Для нас с Мюрреем это были, кроме того, соревнования, где мы чувствовали себя обязанными победить, чтобы доказать, что наши победы в Риме не были счастливой случайностью.

Юхани привел нас на Олимпийский стадион. У входа мы остановились, чтобы осмотреть статую бессмертного олимпийского и мирового рекордсмена Пааво Нурми. В то время он был уже преуспевающим хельсинским бизнесменом, не проявляющим большого интереса к легкой атлетике.

Как обычно, соревнования на мою дистанцию проходили в начале программы, и я должен был первым представлять Новую Зеландию.

Филпотта в моем забеге не было. Этот забег ограничивался бегунами с высокими результатами, и Гарри был огорчен, найдя себя в соревнованиях на 800 м в списках группы «Б».

Моими соперниками были четверо из остальных пяти финалистов в Риме, Не хватало только одного Кристиана Вэгли, так как он к тому времени бросил бег. На линии старта выстроились Роже Мунс, Джим Дюпре, Джордж Керр, Олави Салонен, Балке, Матушевски, Шмидт и я.

Салонен, обладавший в свое время мировым рекордом в беге на 1500 м, провел нас на первых 400 м, показав 55 секунд. Я устроился вторым и пробежал первый круг за 55,5. Я чувствовал себя хорошо, но не хотел выходить вперед раньше времени, хотя и сознавал, что с таким медленным темпом мне придется

предпринять что-то решительное, чтобы не быть настигнутым более быстрыми бегунами на финише. Однако никакого особенного вызова не последовало, я энергично спринтовал. За 300 м до финиша я резко ускорил бег и выиграл его с удивительно быстрым для такого начала временем — 1.47,6. Матушевски был вторым — 1.48,4, а третьим, к радости финнов, пришел Салонен — 1.48,7. Мунс и Керр были далеко сзади.

Я присоединился к Лидьярду на трибунах и стал наблюдать остальную часть соревнования. Сначала мы посмотрели забег на 800 м группы «Б», где Гарри, огорченный своим изгнанием, бежал вяло и был на финише вторым. После этого начался один из самых впечатляющих забегов, которые я когда-либо видел.

В забеге на 5000 м тактически одержал верх Халберг. Начиная последний круг, он шел со значительным отрывом от остальной группы бегунов, возглавляемой Гордоном Пири. За 300 м до финиша он сделал свой финишный спурт, и стадион не переставал шуметь до тех пор, пока он не сорвал ленточку, установленную по его просьбе на отметке три мили для фиксации возможного мирового рекорда. Мы буквально онемели, когда увидели, что Мюррей не намерен бежать дальше, а замедляет бег, останавливается и радостно машет руками зрителям — за 200 м до финишной черты.

С трибун, естественно, начали ему махать руками, кричать и указывать. Мюррей, казалось, понял — что-то не в порядке, оглянулся назад и увидел Пири, быстро наступавшего на него с мрачной решимостью на лице. Отсутствие фотографов и судей на финише, по-видимому, вразумило Мюррея, и он внезапно сорвался с места, как поднятый олень. К счастью, у него было настолько большое преимущество, что он победил еще с запасом.

Позднее Артур сказал, что он чуть не запустил в Мюррея секундомером. Это был эпизод, который мы долгое время не позволяли ему забыть.

И хотя то, что произошло, не представляется вполне понятным, мне помнится, что Мюррей говорил, что он часто бежит в полубессознательном состоянии и до него не доходит ничего, кроме физического и психического ощущения бега. В таком состоянии, по-видимому, почувствовать ленточку, поставленную на трехмилевой отметке, было единственным внешним раздражителем для него, на который он мог реагировать. К несчастью, он понял этот раздражитель неправильно.

Теперь, когда у меня не было никаких обязанностей в соревнованиях и я был просто зрителем, я позволил себе провести все следующее утро на поле для гольфа в Хельсинки в компании с

Юхани. Как всегда, игра была для меня приятным отдыхом и одновременно напоминанием в ощущении все нарастающей усталости, что гольф, подобно охоте на оленей, дает работу совершенно иным группам мышц, нежели тем, что участвуют в беге, и притом таким, которые я не вовлекаю в тренировку подолгу. После игры Юхани пригласил меня посетить его квартиру. Я был представлен его жене и не без удовольствия ознакомился с жизнью типичной финской семьи.

Мюррей, Артур и я проводили Барри на стадион, где он должен был бежать 10 000 м, и прибыли как раз во время, чтобы посмотреть захватывающий забег на 1500 м. Здесь маленький американец Джим Битти одержал великолепную победу над Рожевельди, показав 3.42,4.

Битти не удалось попасть в финал бега на 5000 м в Риме, и он был относительно неизвестен. Конечно, даже в Хельсинки я не считал его бегуном, который начнет угрожать мне в моей дальнейшей беговой практике.

Мы были уверены, что Барри, несмотря на свои побитые ноги, с которыми он нянчился после своего выдающегося выступления в Лондоне, находится в достаточно хорошей форме, чтобы показать нечто действительно зрелищное. Барри не разочаровал нас. Он оторвался от Дэйва Пауэра, бывшего год назад бронзовым медалистом на этой дистанции, и стал вторым новозеландцем после Халберга, вышедшим из 29 минут на 10 000 м. Он одержал победу с результатом 28.50,8.

Американская звезда легкой атлетики Джей Сильвестр показал второй выдающийся результат последнего дня. Он выиграл великолепный дубль — метание диска и толкание ядра и был награжден специальным призом за лучшие результаты в соревновании. После того как ему вручили тяжелый, высотой в два фута красивый приз, выполненный в виде бумеранга, он едва не свалился от усталости, совершая круг почета вокруг стадиона, который он бежал, размахивая трофеем в загорелой руке. И в самом деле, здесь ему пришлось поработать больше, чем в круге для метаний.

Всех нас пригласили на восхитительный банкет, начавшийся около полуночи и продолжавшийся до глубокой ночи; отличная еда комбинировалась с прекрасными винами. Этот банкет совпал также с празднованием дней рождения Лидьярда и Халберга. На стол был поставлен поднос с мартини, что выглядело несколько необычно на пиру спортсменов. Артур разрешил эту проблему быстро и ловко. «Пройдите мимо этого вот сюда», — скомандовал он. Он сидел в более подходящем месте — возле цветочного горшка.

Барри и я были приятно удивлены, получив небольшие серебряные копии стадиона в знак того, что наши результаты на 800 и 10 000 м были рекордами соревнований «Уорлд Геймз».

Мы возвратились в Отаниеми и позднее, тем же утром, разделились на две группы.

Мюррей, Барри и Артур поехали в Юваскилу, а мы с Гарри остались до 10 часов утра в ожидании 150-мильного автобусного рейса в Турку.

Я чувствовал себя усталым после банкета, но меня подогревало желание поскорее увидеть стадион в Турку и пробежаться по той самой дорожке, которую избрал в 1954 году Джон Лэнди для своей попытки побить мировой рекорд на милю.

Оглушающая тишина

В Турку мы с Гарри ничем особенным не отличились, а не следующее утро, когда узнали, что Мюррей побил в Юваскиле мировой рекорд на две мили с результатом 8.30,0, наши результаты показались нам еще более ничтожными.

С чувством вины мы ждали, как будет реагировать триумфальная половина команды на наши посредственные усилия.

Мы вылетели назад в Отаниеми для ленча, в течение часа бегали там трусцой перед путешествием в военный городок Коувола, в 90 милях от Отаниеми и рядом с советской границей. К этому времени мы пришли к заключению, что требовать от нас столь частых выступлений в совокупности с переездами на расстояния до 200 миль несколько неразумно. По этой причине мы согласились бежать в Коуволе лишь на более коротких дистанциях, чем обычно.

Это было весьма кстати. Я еще пытался войти в наилучшую спортивную форму, бегая трусцой каждое утро, по крайней мере полчаса, и в Коуволе, пробежав с Барри 35 минут перед завтраком, почувствовал себя определенно вялым. Спасение пришло с предложением посетить настоящую финскую баню-сауну в доме одного из официальных лиц.

Мы столько слышали о предрасположении финнов к сауне (по требованию финнов сауна была организована даже на олимпийских играх), что немедленно согласились на предложение.

Мы нашли баню чудесной. В сухом и жарком воздухе сауны пот льется струями, но при этом не возникает неудовольствия — только прибавляется бодрости. Процедура после жаркой сауны составляет с ней резкий контраст — нужно окунуться в расположенное поблизости озерцо и охладить свое тело как можно скорее. Зимой финны разрешают эту проблему выбегая из парной прямо на улицу и катаясь в снегу.

Выступая в соревнованиях после полудня, мы все чувствовали себя более свежими. Мюррей финишировал вторым, вслед за Олави Салоненом, на 1500 м; оба показали 3.48,8. Я пробежал 400 м за 49 секунд ровно и попал в финал, где протащился за 49,4 и был далеко позади победителя Джорджа Керра.

После соревнований мы возвратились в нашу гостиницу, приняли душ, пообедали и двинулись на автомобиле в Отаниеми.

Нужно было спешить. Наше лихорадочное расписание

включало на следующее утро перелет из Хельсинки в Дюссельдорф через Копенгаген.

Мы отправились туда после раннего завтрака.

В Копенгагене я купил салатницу и несколько подносов, и когда предъявил их в немецкой таможне, возникла неприятность. Мне сказали, чтобы я заплатил за них пару немецких марок, но после короткой перебранки было разрешено продолжать путь.

Нас встретили официальные представители, мы сели в автобус, и он понес нас по шоссе в Кельн. Там нас поместили в отель рядом со знаменитым собором. Мы не стали тратить времени даром и быстро погрузились в нашу обычную процедуру во время турне: натянули тренировочные костюмы и произвели первый осмотр достопримечательностей в тренировке, с интересом и радостью бегая вокруг мостов через Рейн.

Перед соревнованиями в Кельне у нас оставался один свободный день, поэтому Артур решил, что нам всем будет полезно пробежать 12 раз по 220 ярдов в хорошем темпе. Гарри отдыхал, но все остальные, включая и Пэта Клохесси — он теперь стал настоящим членом нашей команды, — провели тренировку на отличной дорожке из красного кирпичного крошева, проложенной среди дубов на площадке, напоминавшей типичный состоятельный клуб для гольфа в Новой Зеландии.

Был прекрасный день, и тренировка прошла отлично. Мы пробежали широким шагом 6 по 220 ярдов, затем Пэт, Мюррей, Барри и я побегали еще полминуты, и я дал им 20-ярдовый старт. После этого мы по-настоящему «проработали» следующие 6 по 220.

На следующий день представители фирмы «Адидас» помогли привести в порядок нашу обувь и после 30-минутной трусцы и ленча мы на пару часов прилегли заснуть.

Пока мы спали, прекрасная погода сменилась штормом. Мы проснулись, и все вокруг было мокро и продолжало намокать вплоть до 7 часов вечера.

В результате 500-метровая дорожка стадиона стала чрезвычайно мягкой. Во время разминки за три четверти часа до начала программы мы видели, как тройник сделал скачок, затем шаг и закончил попытку проехав совсем не изящным образом на спине, когда старался выполнить прыжок на коварной поверхности.

На этой большой дорожке старт в моем виде устроили с середины прямой, противоположной финишной, а гонг раздавался за финишным столбом. Это могло бы осложнить определение темпа, но я подверг себя гораздо большим неприятностям, поленившись выучить немецкую стартовую

команду. Я рассуждал очень просто: первая фраза будет означать «На старт!», вторая — «Внимание!», а затем последует выстрел.

На старте нас было человек двенадцать, и я опять сделал ошибку, не заметив, что я единственный, кто бежит с низкого старта. Я стоял опираясь коленом о дорожку, ожидая команды «Внимание!», как вдруг раздался выстрел.

Все ринулись вперед, стараясь занять выгодную позицию перед выходом в первый длинный вираж. Несколько ошарашенный тем, что происходит, я оказался в самом хвосте и смешался с второразрядными бегунами, занимавшими позицию преследования. Я совершенно не мог пробиться, и когда лидеры бега входили в поворот, я был в 20 ярдах сзади. Войдя в вираж, я отчаянно пытался определить, где же Пауль Шмидт, рекордсмен Западной Германии (1.46,2) и четвертый в финале на Римской олимпиаде. Увы, я увидел его: он бежал в прекрасной позиции, позади лидера. Шмидт был хороший парень, кое-как говорил по-английски, и мы с ним обменялись любезностями во время разминки. И вот теперь он был в 20 ярдах впереди, и мне было уже не до любезностей.

Я преследовал забег, когда раздался удар гонга. Я хотел выйти вперед, и единственным выходом было бежать по крайним дорожкам длинного виража, пробивать себе дорогу через кучу преследующих бегунов и следить за тем, чтобы избежать столкновений. Это означало, что мне придется пробежать порядочную дополнительную дистанцию.

К тому времени, когда я достиг фронта преследующей группы, Шмидт и еще три немца сделали отрыв в 10–15 ярдов. К концу предпоследней прямой отчаянными усилиями я покрыл этот разрыв, но в это время Шмидт сделал рывок. На последнем вираже и на выходе на прямую, когда до ленточки оставались долгие 150 ярдов, Шмидт был еще на 10 ярдов впереди меня. Я мог слышать, как оглушительно ревела толпа, — наверное, казалось, что местному чемпиону осталось несложное дело, — но вот Шмидт оглянулся, я увидел его лицо и понял, что его ранний спурт начинает давать себя знать. Я вложил все в последнюю попытку достать его.

За 20 ярдов до финиша я дотянулся до плеча Шмидта. Он применил тактику, обычную для многих европейских бегунов, попытавшись вытеснить меня на середину дорожки, чтобы я не смог обойти его. Однако моя инерция к этому времени была так велика, что я обошел его и вырвал на финише один ярд.

Исход дела, казалось, ошеломил толпу. Наступило гробовое молчание, и это было самым странным из того, что мне приходилось видеть на стадионах. Лишь только тогда, когда я

поднялся на пьедестал почета, публика разразилась аплодисментами.

Мое время не было исключительным — всего 1.48,2 и, помимо невыразимого облегчения от того, что я сумел выпутаться из трудной ситуации и прихватить Шмидта, я не испытывал ничего до тех пор, пока не встретил Мюррея и Артура, обрушивших на меня шквал поздравлений. Артур оценил это состязание как самое мое великое выступление, которое он видел.

Они наблюдали бег рядом с группой немецких официальных лиц, которые вместе с остальными зрителями в полной мере и, не без оснований, предвкушали победу Шмидта. И после того, как Шмидт, войдя в прямую с запасом, при обычных обстоятельствах вполне достаточным для победы, был все же побит, те не только лишились языка, но были полностью парализованы.

Возвращаясь в памяти к этому состязанию, я вспоминаю, что, оказавшись так далеко, я сохранял над собой полный контроль, убеждая себя не терять головы и не пытаться быстро покрыть брешь за счет спринта. Я применил тактику, очень похожую на ту, что обычна в гандикапе, и хотя у меня не было времени, чтобы собраться с мыслями, когда я пробивался через хвост забега, я должен был крепко держать себя в руках, чтобы избежать паники. Это могло бы случиться в тот момент, когда я настиг преследующую группу и затем увидел, как Шмидт оторвался от нее и оказался далеко впереди меня незадолго до финиша.

Благодаря нашим связям с фирмой «Агфа», возникшим в Новой Зеландии, мы получили приглашение посетить штаб-квартиру фирмы в Леверкузене. Здесь мы впервые узнали, что «Агфа» финансируется гигантской химической корпорацией Байера. Мы были приняты управляющим, посмотрели весьма любопытный фильм о деятельности корпорации и затем с удовольствием провели тренировку на гаревой дорожке, которая обычно предоставляется служащим — членам легкоатлетического клуба Байера. Этот клуб имеет даже своего собственного тренера. После приятной автомобильной прогулки по окрестностям состоялся обед на даче Байера, на котором присутствовали некоторые из руководителей фирмы.

На следующий день, рано утром, мы провели бег трусцой, упаковались, двинулись в Бонн и затем перелетели в Амстердам. В Амстердаме мы пересели на другой самолет и через Манчестер прилетели в Дублин. Было приятно снова оказаться в Ирландии, среди ее маленького народа, снова пойти в Сэнтри и пробежать там три мили в легком темпе за 15 минут, чтобы привести себя в порядок после перелета.

Барри и Гарри, которые были в Ирландии впервые, никак не

могли поверить, что стадион в Сэнтри и есть тот самый, который воодушевил спортсменов на многие фантастические результаты в недавние годы. Поле стадиона заросло травой, и ее следовало бы подстричь. Перед трибуной неуклюже маячил теннисный корт, построенный организатором Билли Мортоном для профессиональной группы Крамера. Возле финиша были воздвигнуты новые трибуны малопривлекательного вида, покрытые искривленной ржавой крышей. Общий вид стадиона восторга не вызывал.

Но дорожка была, как всегда, легкой.

Неожиданный успех

Перед началом соревнований в Сэнтри у нас было целых два свободных дня, и в один из них мы наняли автомобиль и двинулись в Голвей по Ирландии мимо каменных домиков с соломенными крышами, населенных людьми, говорящими до сих пор по-галльски и, кажется, ничем не занятыми, мимо выгонов, на которых до самого горизонта разбросаны валуны, среди домашних птиц, которые носятся в дом и из дома, как постоянные его обитатели.

Утром в первый день соревнований мы не тренировались, потому что были слишком заняты сдачей избытка нашего багажа и покупкой билетов на остальную часть турне. Наш ленч состоял из овощей, одной картофелины и маленького кусочка мяса. В половине шестого мы заказали чай с гренками, затем взяли такси и отправились на стадион.

Единственным настоящим соперником для меня в беге на 880 ярдов был все тот же Джордж Керр, но после его выступления в Хельсинки я не считал, что он может угрожать мне, и поэтому решил идти не только на победу, но и на рекорд.

Со старта Филпотт сразу попал в «коробочку» и не смог установить нужный темп, однако вперед решительно вышел ирландец Мак Лин, и я весь первый круг следовал за ним по пятам. Мак Лин прошел круг за 52 секунды и затем резко сдал. Я оказался лидером, вовсе не желая вести бег. Возможно, я подумал тогда о предстоящей в тот же вечер эстафете 4 по 1 миле, сбавил темп. Я мирно дрейфовал вдоль предпоследней прямой, как вдруг Джордж пролетел мимо.

В мозгу молнией вспыхнуло воспоминание о Нейпире. Ну нет, это снова не повторится. С отчаянной решимостью я принялся преследовать Джорджа на последнем вираже. Когда мы вышли на прямую, я был на ярд сзади. Джордж бежал в полную силу, и я пядь за пядью продвигался к нему в неожиданно отчаянной битве. Мы прошли 800-метровую отметку грудь в грудь и здесь в самой яростной схватке, которая когда-либо была у меня с Джорджем, я наконец сорвал ленточку на грудь впереди. Обоим нам дали результат 1.47,2, что было самым лучшим временем на полмили в сезоне и хорошей ценой за медленные третьи 220 ярдов, которые начисто лишили меня мирового рекорда.

На 800-метровой отметке мы оба показали 1.46,4, и позднее, когда в том же году были опубликованы списки лучших

результатов в мире, я был взбешен, увидя, что Джордж начинает список на этой дистанции. Хотя это я считал совершенным абсурдом, в примечании разъяснялось, что мы миновали 800-метровую отметку «одновременно».

То, что Джордж лидировал, сказано не было, но ведь только это обстоятельство и могло помочь понять, почему промежуточный результат проигравшего лучше промежуточного результата победителя.

Забег на 880 ярдов подтвердил репутацию Сэнтри в отношении рекордов. Первые пять бегунов показали свои лучшие результаты в году. Ирландец Рон Деланей был третьим — 1.47,8, Гарри — четвертым — 1.48,1 (личный рекорд) и 19-летний Ноель Кэролл, надежда Ирландии, называемый там вторым Деланеем (позднее он хорошо выступил в Токио), — пятым — 1.48,5. Результат Гарри позволил ему занять восьмое место в списке лучших бегунов мира в 1961 году.

Я точно не помню, каким образом нас втянули в эстафету 4 по 1 миле. Знаю только то, что Артур и Билли Мортон договорились между собой, и мы были заявлены, чтобы подстегнуть англичан в их попытке побить мировой рекорд (16.25,2), который принадлежал венграм с 1959 года. Время старта было назначено примерно часом позже забега на 880 ярдов.

Тактика, которую мы разработали для этого случая, заключалась в том, что Гарри побежит первый этап. Это позволит ему спокойно следовать за английским бегуном, который, раз Гарри не милевик, и установит темп. Номером вторым пойдет Мюррей, чтобы покрыть брешь, которая, мы ожидали, появится в результате дебюта Гарри. Далее Мюррея сменит Барри и попытается удержать преимущество, которое даст ему Мюррей. Наконец, на мою долю останется пробежать последний этап и сделать все возможное.

Помнится, я сказал Барри, что хотел бы иметь только 20 ярдов сзади на своем этапе. Конечно, мы не считали себя возможными победителями соревнований. Эта цель, имея в виду, что никто из нас настоящим милевиком не был, казалась нам безнадежной. В конце концов, мастерами на этой дистанции были англичане, и именно они хотели побить мировой рекорд. Наше дело — по крайней мере придать их попытке черты соревнования.

Все мы приняли отеческую позицию в отношении Гарри, убеждали его, что ему не следует слишком волноваться, и заверяли, что его 4.20,0 или что-нибудь в этом роде все же не заставят нас отказаться от дальнейшей борьбы.

Прикинув его тренировочные результаты, мы подсчитали, что

указанное время — лучшее, что можно ожидать от него. Мюррей, надеялись мы, принимая во внимание его милю в Гейтсхеде, должен управиться с делом за 4.03,0, Барри, показавший в том же Гейтсхеде 4.11,0, даст что-нибудь около 4.12,0, а мне нужно пробежать свою милю за 4.05,0. Последнее представлялось некоторым прожектерством, учитывая тяжелые полмили перед эстафетой. По нашим подсчетам в сумме получалось 16.40,0 — примерно на 15 секунд медленнее, чем рекорд, которого жаждали англичане. Они уже один раз пытались побить рекорд, в среднем показали около 4.06,0 и приблизились вплотную к нему.

Стэн Тэйлор вывел англичан вперед, и немедленно Гарри прилепился к нему. Остальные из нас распределились по всему кругу, чтобы непрерывно поддерживать в Гарри боевой дух. В течение целой полумили он еще держался за англичанином. Он немного сдал на третьем круге, и Тэйлор ушел вперед ярдов на 30. В ожидании неотвратимого последнего круга мы затаили дыхание. Было очевидно, что нам предстояло начать вторую милю далеко позади англичан.

Внезапно я осознал: «Черт побери, он выигрывает!» Так и было. Перед предпоследней прямой их разделяло только 15 ярдов, но все мы были поражены, увидя, что Гарри начинает финишный спурт. В этот момент мне пришло в голову, что если бы можно было предвидеть такое эффективное начало, мы могли бы рассчитывать на победу и сами.

Гарри великолепно закончил бег и был лишь на 10 ярдов позади Тэйлора. Он показал 4.12,9. Мюррей, бежавший на этапе с Джоном Андерсоном, у которого он выиграл только что в Гейтсхеде, смог сократить разрыв до трех ярдов. Экспансивная ирландская толпа, также начавшая понимать, что мы получили шанс на победу, стала поддерживать нас чрезвычайно шумно.

Однако, когда Мюррею не удалось взять лидерство, хотя он и закрыл брешь, наши надежды после бега Гарри сменились отчаянием. Андерсон пробежал лидером в неожиданно хорошее время — 4.05,0 против 4.02,5 у Мюррея, и это означало, что Барри будет бежать без всякого преимущества перед хорошо подготовленным Аланом Симпсоном.

Внезапно Барри пошел прекрасным размашистым шагом и на первых 220 ярдах полностью ликвидировал разрыв. На третьем круге он выглядел так, как будто я хотел передать палочку первым. Мы снова воспрянули духом, но здесь Симпсон сделал сильный финишный спурт и до передачи эстафеты Бриану Холлу выиграл пять ярдов.

Он пробежал свой этап за 4.05,0, Барри — за 4.07,2.

Атмосфера на стадионе накалилась до предела. Я совершенно

забыл о том, что час назад пробежал полмили, полностью растворился в гуле непрерывного одобрения, взял энергичный старт и настиг англичанина, чтобы иметь выгоду преследования с близкой дистанции. Холл, пытаясь извлечь из своих пяти ярдов все, что только возможно, подстегнул темп бега и заставил меня пробежать первый круг за 58 секунд.

Но теперь он ослабил темп, и следующие два круга мы пробежали за 63,2 и 62,9. Это дало мне передышку, в которой я нуждался после быстрого старта.

Пробегая под гонгом, я увидел, как Пэт Клохесси взволнованно суетится на внутреннем крае дорожки. Я смутно помню, что до меня дошло какое-то упоминание о рекорде. Я испытывал громадное напряжение. «Когда Холл начнет свой спринт? Сумею ли я удержаться за ним?» Но, опьяненный атмосферой соревнования, я чувствовал себя не усталым, а воодушевленным. Держать Холла было легче, чем это представлялось.

Перед последним поворотом я вложил все силы в финишный спурт. Сражаясь на прямой, я не думал ни о чем, кроме надвигающейся ленточки. Я почти потерял сознание и, очевидно пробежав финишный столб, упал прямо в чьи-то руки. Я не помню этого.

Мое время было 4.01,2, у Холла — 4.04,8. Это была самая быстрая миля в моей жизни, и это позволило нам побить рекорд на 1,6 секунды.

Я был крайне утомлен, но присоединился к своим товарищам в триумфальной пробежке вокруг стадиона.

Я не мог не чувствовать иронии ситуации. После столь тяжких трудов в попытках побить мировые рекорды на 800 м и 880 ярдов я стал обладателем рекорда, о котором в то время даже не помышлял.

Думаю, придет день, и притом весьма скоро, когда рекорд в эстафете 4 по 1 миле будет меньше 16 минут, потому что теперь много спортсменов высшего класса имеют обоснованные притязания на четырехминутный барьер, — все же эта эстафета в Сэнтри всегда останется для меня одним из памятных событий в моей жизни. У каждого из нас были большие личные победы, но этот триумф был достигнут усилиями всей команды. Пусть мой этап был самый быстрый, однако это не значит, что я выступил лучше других. Каждый член команды выступал в необычных условиях.

Гарри никогда по-настоящему не боролся в соревнованиях на милю, и все же он замечательно пробежал ее. И притом всего 75 минут спустя после самых быстрых 880 ярдов в своей карьере.

Мюррей, который, кроме олимпийской победы, мечтал пробежать три мили и 5000 м с мировыми рекордами, бежал в этой эстафете, зная, что для него наилучший шанс побить первый из этих рекордов, возможно, наступит на следующий вечер на этой же дорожке. Он не мог не думать об этом во время эстафеты, но, несмотря на то, что он так долго готовился к рекордному результату, он «промолотил» милю за 4.02,5. Это следует рассматривать как великую жертву в защиту спортивной чести Новой Зеландии, ибо чего больше можно ожидать от спортсмена накануне его попытки побить высокий мировой рекорд!

Барри, если не считать его выдающиеся выступления в последнее время в Лондоне и Хельсинки на дистанциях три мили и 10 000 м, пользовался, в основном, репутацией марафонца международного класса. Эта миля в Дублине, можно сказать, квалифицировала его как самого быстрого марафонца на свете. Это было столь же неожиданно и столь же на него не похоже, как и его замечательный результат на три мили в Лондоне.

Мой собственный результат показал мне, на что способен спортсмен, испытывающий воодушевление, и, возможно, впервые в жизни я стал серьезно подумывать о том, чтобы в большей степени сосредоточить усилия на миле.

В ту ночь я принял две снотворные таблетки, чтобы снять возбуждение и как можно лучше отдохнуть перед милей во второй день соревнований в Сэнтри.

Эти таблетки принесли большую пользу. Я проснулся бодрым и отдохнувшим. Наутро мы бесстыдно рыскали по городу и скупали все газеты, включая английские, уже доставленные самолетом. Местная пресса комментировала событие огромными шапками: «Могущественные новозеландцы входят в элиту», «Великолепная новозеландская четверка в Сэнтри». И в том же духе на восемь колонок текста. Ирландцы были очарованы тем, что притягательный для рекордов дух Сэнтри еще живет.

Представительный Рон Деланей заехал за мной и повез меня в своей машине на ближайшую площадку для игры в поло. Там мы побегали трусцой и поболтали минут двадцать. Я нашел его очень милым парнем.

В этот день Билли Мортон, не теряя времени, расписывал мои шансы на милю, делая прогнозы по дублю в субботний вечер. На самом деле никто за кулисами не мог от меня ожидать многого. Мои ноги были «забиты», и я с трудом пришел на финише третьим, вслед за двумя английскими бегунами, участниками эстафеты. Я показал 4.10,0, чем в сложившихся обстоятельствах должен был быть доволен.

Бег Мюррея на три мили был для него необычен. Первые две

мили он бежал примерно в рамках мирового рекорда и выглядел хорошо. Затем вперед вышел Дэйв Пауэр. Темп бега упал, но Мюррей против этого не возражал и продолжал отсиживаться. В тот момент, когда уже мы подумали, что миля накануне взяла свое и он бежит уже только на выигрыш, он вышел вперед, прибавил ходу и, к нашему всеобщему изумлению, за 500 ярдов до финиша понесся вперед, как спущенная борзая. Никогда еще я не видел, чтобы в трех милях последний круг бежали так быстро, как Мюррей в тот вечер. Он пролетел его за 53,4 секунды — примерно на секунду быстрее, чем второй круг в моей полумиле. На финише ему недостало всего 0,8 секунды до мирового рекорда — 13.11,6.

Было очевидно, что за два-три круга перед последним он упустил замечательную возможность. Мы спросили его, в чем причина, и он ответил, что во время бега почувствовал несильную боль в ступне и решил, что Пауэр может побить его. Вот почему он не решался выйти вперед и увеличить темп. Когда же осталось бежать один круг, он снова почувствовал себя хорошо, махнул рукой на все предосторожности и показал все что мог.

Барри, который в отличие от Мюррея не был склонен к постоянству и хорошие выступления перемежал с плохими, финишировал в этом беге совершенно незамеченным.

Газет в этот вечер мы не покупали.

Изматывающий отдых

Мы простились с Ирландией на следующее утро и в 4.45 вылетели из аэропорта. Когда человек возвращается домой из путешествий, подобных этому, требуются недели, чтобы прийти в себя. Через Лондон мы прилетели в Стокгольм и, переночевав там, двинулись в Кристинехамн, городок размерами с Гамильтон.

Большую часть пути я дремал. Последствия дублинских соревнований еще сказывались, ноги были уставшими и вялыми.

Вечером на следующий день я впервые состязался на европейской дистанции 1000 м и впервые схватился с шведским героем Даном Вэрном. Дорожка была несколько рыхлой, и я ограничился преследованием Вэрна, пока не осталось 200 м до финиша. Тогда я спринтовал и без труда выиграл 10 ярдов. Мое время 2.20,4 было не особенно хорошим, и все же это был третий результат в мире в сезоне 1961 года. Рекорд 2.16,7 оставался непобитым, и я разделался с ним лишь в 1965 году в Окленде.

Артур вытянул нас из постели в 7 утра на трусцу. Во время этой пробежки я почувствовал, что мое состояние ухудшилось: вместе с Гарри я смог пробежать лишь полчаса, в то время как другие бегали целый час, как и предписывал Артур.

На следующее утро мне стало еще хуже. К этому времени мы были уже в Стокгольме для новой встречи.

Когда Барри стал будить меня, я почувствовал себя настолько усталым, что повернулся на другой бок и продолжал спать, а Барри и Мэги вышли одни.

Стокгольм часто называют Венецией Севера, и в самом деле — это обворожительный город. Мы провели несколько часов на его прекрасных каналах, посетили королевский дворец и много других достопримечательностей.

Мы состязались во вторник, 25 июля, на том самом стадионе, где в 1958 году состоялся европейский чемпионат. Я снова должен был бежать с Даном Вэрном. Как обычно, полмили предшествовали забегу на 5000 м, а в этом забеге Мюррей предпринимал последнюю попытку побить мировой рекорд, которого он постоянно жаждал. Из моего же бега к этому времени жизнь ушла почти полностью. Сначала я бежал в хвосте забега, впрочем недалеко от Вэрна, а затем с середины предпоследней прямой перешел на спринт и выиграл с результатом 1.48,0.

Для меня, таким образом, турне закончилось. Огромная тяжесть свалилась с моих плеч, и я наслаждался свободой, отдыхая на поле в ожидании старта на 5000 м. К этому забегу

была приставлена дополнительная группа судей на трехмилевой отметке для фиксации промежуточного времени Мюррея.

Это было одно из самых напряженных соревнований на 5000 м из тех, что мне довелось видеть. Барри и Мюррей сильно оторвались от остальных участников, и Барри бежал как никогда хорошо. Он вовсе не был похож на спортсмена, которого столь долгое время гипнотизировал авторитет и способности Халберга.

И все же он не сделал решающего усилия, чтобы оторваться от Мюррея. Даже в той точке дистанции, где Мюррей проходит через свою обычную боль в ступне, Барри не попытался создать брешь. Пожалуй, это была та стадия бега, когда Мюррей, возможно, мог быть поражен атакующим выпадом.

За круг до финиша Мюррей решил судьбу бега бесповоротно: развил свой спринт и оторвался от Барри. Трехмилевую отметку он прошел с мировым рекордом — 13.10,0 и выиграл у Барри 1,2 секунды. С этой отметки Мюррей понесся с ужасающей быстротой и оставшиеся 188 ярдов покрыл за 25,2 секунды.

Но до рекорда Владимира Куца — 13.35,0, которого он столь жаждал, ему не хватило двух десятых.

Барри прошел 5000 м за 13.39,2, показав пятый результат за всю историю бега на 5000 м, и занял свое место за Куцем, Халбергом, Пири и Болотниковым, впереди таких прославленных бегунов, как Ихарош, Янке, Зимны, Гродоцки, Чатауэй и Затопек.

Этот бег был триумфом Мюррея. Шведы, которые, так же как и финны, наверное, самые большие в мире ценители бега на средние и длинные дистанции, подарили ему огромный букет гвоздик, и Мюррей пробежал круг почета, срывая головки цветов и бросая их в толпу. Его удача завершила, без сомнения, самое успешное турне, какое когда-либо предпринималось новозеландской командой, большой или маленькой — все равно.

В моем дневнике содержится запись, что в эту ночь я спал три часа. Я уже не помню сколько-нибудь точно, почему это произошло. В 8 часов утра с тяжелой головой я по крутому трапу забрался в реактивную «Каравеллу». Мы вылетели в Копенгаген, а оттуда в Рим и затем в Тегеран. Полет, проходивший в общем без приключений, под конец доставил нам несколько минут настоящего страха.

Из своего окна в середине салона туристского класса я вдруг увидел, что конец посадочной дорожки появился внизу под нами, когда мы были еще в нескольких футах над землей.

Самолет резко опустился, с дребезжащим стуком ударился о дорожку и дважды подпрыгнул. Тормоза были включены в полную силу, двигатели реверсировали, и мы с визгом намертво встали перед самым концом посадочной дорожки с такой внезапностью,

что нас швырнуло вперед из кресел. Инцидент довершился еще и тем, что мы едва-едва безопасно взлетели, когда полет возобновился. Наши испытания продолжались до самого Карачи — все время в салоне сверкали какие-то раздражающие вспышки света.

В Бангкоке была 24-часовая остановка, а другая остановка — в Гонконге была спланирована таким образом, что мы могли потешить себя покупками. Это был мой первый визит в интригующий Гонконг, фокальную точку Востока, но проведенный день оказался совершенно перегруженным и измотал нас всех.

Короткий перелет в Манилу, и снова 24 часа беспокойной жизни. На этот раз мы попали в руки Лоу Брунетти, служившего здесь преподавателем. Привлекательность Манилы и хорошее знакомство Лоу с городом создали у меня впечатление, что он радостно переживает этот период своей службы. Конечно, он жаждал использовать каждое мгновение нашей остановки.

Его программа включала поездку по стране через ананасные плантации в поселке, где в тростниковых домах живут филиппинцы. Во время этой поездки Мюррей настаивал, чтобы ему показывали районы трущоб. Как и в других местах этой части света, у меня возникло чувство, что все либо продается, либо покупается.

Светлой стороной нашего пребывания в Маниле было посещение одного из респектабельных массажных кабинетов. Мюррей там уже один раз побывал, и его хорошо знала привлекательная девушка по имени Лизетта. Она была столь очарована рыжими волосами на груди у Мюррея, что позвала посмотреть на диво других девушек, и те стайкой окружили его. Они дали ему прозвище «Рыжий».

Мои покупки в Маниле ограничились пребыванием на гигантском крытом базаре, где местные товары продаются по весьма низким ценам. Мюррея и Барри, отцов молодых семейств, нельзя было оторвать от столов, где была разложена детская одежда. Я купил два прелестных детских платья для своих племянниц. Последним моим приобретением была бутылка рома — ее я купил в аэропорту.

Теперь в Дарвин и оттуда домой. Приземляясь в Венуапаи, я, наверное, никогда еще не чувствовал себя более усталым. По прибытии мы выглядели не как триумфальная команда бегунов, а, скорее, как труппа ловцов и танцоров под руководством Артура Лидьярда. У каждого из нас на голове была тирольская шляпа (мы купили их в Кельне), а в руках трость-табурет, трофей за эстафету 4 по 1 миле. Должно быть, вид у нас был довольно-таки

жалкий. На следующий день одна из местных газет решила поместить фотографии, рассказывающие о нашей трудовой деятельности. Барри рисовался в своей овощной лавке, Мюррей — в пивной лаборатории. Гарри — за чертежной доской в конторе. Я был изображен в постели с газетой и чашкой чая.

Как я уже говорил, я был крайне истощен, но чувствовал себя удовлетворенным. Я сознавал, что моя международная репутация наконец упрочена. Единственным крупным бегуном, с которым я не встречался во время турне, был Мишель Жази, однако я состязался с каждым из доблестных полумилевиков и вышел из этой борьбы непобитым, с хорошими результатами.

Я подтвердил свой римский успех.

Отличная форма

Из европейского турне я возвратился растренированным, больше думая о предстоящих экзаменах на звание землемера, чем о беге. Однако мне постоянно не давала покоя мысль о том, что летом предстоит отбор в команду на Британские игры и что на этих Играх, возможно, мне придется встретиться с Гербом Эллиотом.

Время текло, и возвращение к напряженной тренировке делалось все более необходимым. Однако до 17 сентября дело с места не сдвинулось. 17 сентября, пробежав по авондейльской трассе шесть кругов и возвратившись домой, я впервые почувствовал себя хорошо и пришел наконец в подходящее расположение духа, чтобы начать большую подготовку к Британским играм.

Первый мой крупный шаг заключался в том, чтобы начать регулярный бег с работы и на работу.

Сторож здания на Квин-стрит, где помещалось наше учреждение, любезно разрешил мне пользоваться душем и проходить в дом с черного хода. Таким образом, мне, во-первых, не приходилось выставлять себя напоказ, бегая по главной улице города, а во-вторых, я мог освежиться перед началом работы.

Этот план имел много преимуществ. Я мог спать до 7 часов утра и использовать полчаса, обычно затрачиваемые на поездку в автобусе, на утренние пробежки в четыре мили. Эти пробежки я совершал после легких, но питательных завтраков миссис Уоррен. Вечернюю тренировку я мог начинать в 5.10 вечера, на полчаса раньше, чем обычно. Кроме того, я сохранял деньги, требуемые на проезд в автобусе. Для ученика, получающего несчастные 13 фунтов в неделю (к тому же мне не платили, когда я был за границей), это было немаловажное соображение.

Так я и бегал, размахивая сумкой, где у меня лежал завтрак, а каждую пятницу вечером садился в автобус и привозил домой три смены белья, которые я доставлял на работу в предыдущий понедельник.

Единственным неудобством было то, что иногда, возможно подсознательно, желая сделать систему сбережения денег еще более эффективной, я стремился соревноваться с автобусом.

Однако была проделана огромная работа, и 21 октября я это убедительно показал. В этот день я бежал милю в Вестерн-Спрингз против Мюррея и Билла и выиграл ее с результатом 4.13,0.

Уже в середине октября я занес в свой актив первые 100 миль в неделю, но только в ноябре мне удалось совершить первую пробежку по трассе Вайатаруа. Тогда я сначала пробежал четыре мили до дома Артура и оттуда прошел дистанцию за 2 часа 11 минут. Это было время даже лучшее, чем то, что было у меня перед Римом. Кроме того, это была, наверное, первая пробежка на расстояние больше 22 миль.

На следующий день я начал тренировку по кругу, но длилась она всего две недели, и притом я пропускал среды из-за соревнований в клубе.

В первую неделю тренировки по кругу Алан Мак Найт, Джонни Робинсон, спринтер Джон Третен и я наняли автомобиль, чтобы добраться в Охакуну, где должны были проходить соревнования. Никто из нас до отъезда не позаботился о том, чтобы ознакомиться с маршрутом по дорожной карте. Алан вел машину, когда мы проскочили поворот как раз южнее Те Куити. Мы жизнерадостно двигались вперед до тех пор, пока с правой стороны от нас не возникла вода. Откуда, спрашивается, здесь, в середине острова Северный, море? Алан настаивал, что это не море, а большое озеро; он сообщил нам доверительно, что одно такое существует в этих местах. Когда мы сделали другой поворот и стало очевидно, что это не большое озеро, он уже больше не убеждал нас. Мы были в Авакино.

Мы доехали до Мокау, остановились, чтобы поразмыслить о нашем затруднительном положении, и в конце концов обратились к местному шоферу. Он объяснил нам, что если ехать через Охуру и Таупарунуи, то можно сократить путь вдвое. Этот совет вверг нас в кошмарную тряску. Обычно я нахожу, что сидеть за рулем — действенное средство против автомобильной тошноты, но на этот раз я был вынужден четыре раза останавливать машину…

Ничего удивительного не было в том, что мой результат 4.14,7 на твердой школьной дорожке в Охакуне (мы все-таки туда попали) достался мне тяжелым трудом.

В следующую неделю перед марафоном, назначенным на субботу, мне удалось провести лишь два дня тренировки по кругу. Это был первый и последний марафон в моей спортивной практике. Он ежегодно проводился в Оуэйрейке по кольцу улиц вокруг горы Альберта. Я был полон желания показать приличное время, но поскольку я проводил подготовку на трассе Вайатаруа, где было всего 22 мили, у меня были сомнения, сумею ли я пробежать 26 миль.

Иван Китс, который после нескольких лет выступлений на полмили стал ведущим марафонцем (впоследствии он был отобран для Токио), быстро взял лидерство, а я поместился в

следующей за ним группе, где были Мюррей, Невилл Скотт, Мерв Хеллиер и другие.

15 миль я чувствовал себя прекрасно, и когда было пройдено 20, я шел четвертым за Китсом, Халбергом и Хеллиером. Помню, я обошол отца Мюррея — Джока, бежавшего в 58 лет так же, как я, свой первый в жизни марафон. Спустя полмили мои ноги сдали, я был вынужден сбавить темп и перейти на ходьбу. В это время Джок на всех парусах проплыл мимо меня. Его лицо светилось от радости. Позднее он говорил мне, что в его запоздалой спортивной практике одним из самых волнующих событий был момент, когда он обошел олимпийского чемпиона.

Оставалось бежать четыре мили. Я снова сумел перейти на бег и двигался без перерывов вплоть до ближайшего питательного пункта. Здесь я остановился и долго утолял свою жажду. Мимо меня пробежало несколько спортсменов. Я продолжал этот душераздирающий бег, все более перемещаясь в хвост забега. Когда были пройдены 24 мили, я почувствовал, что ноги уже больше не могут нести меня. Я остановился и сел на обочине. Каким-то образом во время этой передышки у меня появились новые силы. Я решил не поддаваться.

В конце концов я финишировал и показал 2 часа 41 минуту. Принимая во внимание сложившиеся обстоятельства, я считаю этот результат вполне хорошим.

В порыве энтузиазма я согласился выступать в этот же день за команду Оуэйрейка в крикет. Это доставило мне несколько часов терзании. Я хромал вокруг поля на стертых ступнях и с ноющими ногами.

От утренних усилий я видел еще смутно, и, когда нужно было отреагировать на быстро движущийся крикетный шар, координации вовсе не было.

В довершение этого сумбурного дня я отправился на маленькую вечеринку к старому школьному товарищу. Пригласить кого-либо я не мог и пришел один, рассчитывая провести вечер в кресле. С таким самочувствием я считал себя не способным внести свой вклад в общее веселье.

В этот вечер я впервые встретил Салли Тернер, и полтора года спустя она стала моей женой.

Большую часть следующей недели я провел отдыхая от марафона. Я смог управиться с трассой Вайатаруа примерно на полчаса медленнее, чем обычно. Теперь начиналась скоростная работа на дорожке.

В первый понедельник я бежал милю в Пьюкекоу — теперь там жили мои родители — в соревнованиях, которые сам же предложил и помог организовать, надеясь стимулировать интерес

к легкой атлетике. Я был очень доволен, показав 4.10,6 и пройдя последний круг за 58,6 секунды.

В этот период велись переговоры о турне американских спортсменов по Новой Зеландии. Войти в наивысшую форму к этому турне значило сократить программу подготовки на полмили, составленную Артуром, Этого мне делать не хотелось. Я еще ни разу не проходил программу в течение полных трех месяцев, и мне было очень любопытно знать, что будет, когда я ее пройду. Я поговорил с Артуром, и он согласился, что мне следует пройти программу, имея целью хорошие результаты не раньше конца февраля. Что же касается турне, то в нем я приму участие по ходу дела.

Моя скоростная тренировка шла неплохо. В первую неделю я пробежал свои самые быстрые две мили — 9.18,5, а три дня спустя — три четверти мили за 3.04,5. Учитывая, какие малые усилия при этом вкладывались, результаты казались невероятными.

В рождество я выехал из Окленда в турне по острову Южный вместе с Мюрреем, Дорином Портером и Дэйвом Норрисом. Мы состязались в Уаймейте, и, к своему удовольствию, я показал там на 880 ярдов 1.52,0 и на милю, всего два часа спустя, 4.15,0.

В этот период в дополнение к своей скоростной работе по вечерам я каждое утро пробегал по 10 миль. Этот распорядок не был нарушен даже тогда, когда мы путешествовали по таким экзотическим местам, как Бенмор, гора Кука и т. п.

За два дня до новогодней встречи в Тимару я участвовал в легком соревновании на две мили по пересеченной местности в Стейшн-Эндрьюс. Хотя я чувствовал вялость от тяжелых тренировок и переездов, мне удалось показать 9.16,0.

На следующий день в Тимару я пробежал 10 миль. В тот же день обнаружилось, что в городе есть гаревая дорожка, и я немало подивился этому. Эту дорожку выложили еще в дни знаменитого Сиза Метьюза, и мне сказали, что ее забегали до непригодности. Тем не менее, зная преимущества гаревого покрытия, я решился попробовать. Дорожка оказалась чудесной, несмотря на то, что кое-где она заросла травой.

Я использовал ее для тренировки 10 по 880 ярдов через 880 ярдов восстановительной трусцы после каждой пробежки, и эта серия оказалась одной из самых быстрых, которые я когда-либо проводил в тренировке. Средний результат для этой уймы пробежек был 2.10,0. Я не мог не думать о том, как досадно, что местные спортсмены не ценят эту дорожку и запустили ее до такой степени,

Полный решимости не допустить нарушения тренировочной

программы из-за дополнительных соревнований, на следующее утро я проскакал свои обычные 10 миль, чувствуя себя немного уставшим от предыдущей вечерней работы.

На фоне этого напряжения результат, который я показал на соревнованиях позднее, в тот же день, был просто поразителен.

Это был гандикап на милю, и на финише я проиграл несколько дюймов, но время было замечательным — 4.01,3 с последним кругом за 56,3 секунды. Это была самая быстрая миля в моей жизни, а ведь только месяц я следовал своей программе и ничего не предпринимал, чтобы отдохнуть перед соревнованиями. Я чувствовал себя прекрасно, и это было еще более значительно.

Слегка изумленный формой, которую я обнаружил, и своей способностью «поглощать» работу, я на следующий день отправился в Крайстчерч. Там я поддержал напряжение, пробежав 20 миль с группой местных кроссменов. Мы бежали по холмам Кашмер-Хилз, далее вниз и через Бридл-Пат в Литтлтон, а затем назад по дороге через Такахи.

Переезды и напряженная тренировка, наверное, и были причиной простуды, которую я подцепил почти сразу после бега.

В течение трех дней я ограничивался очень легкой работой. Однако в уикенд я был снова в пути, отправившись вместе с Джоном Робинсоном, Джоном Тейлором и Барри Голтом в Греймаут. Еще чувствуя последствия простуды, я показал 1.54,4 на полмили и 52 секунды на 440 ярдах. Я был еще совсем слабым.

Но мое общее настроение было настолько хорошим, что во время бега на 18 миль по кустам вблизи Греймаута я почувствовал, как в меня вливаются новые силы, и понял, что болезнь прошла.

В понедельник, по возвращении в Окленд, я повысил свой тренировочный результат на две мили до 9.12,5, а в следующий вечер — в Домейне проскочил десять четвертей мили в среднем по 59,8 секунды. В следующий уикенд я вместе с Уорренами отправился в Веллингтон на свадьбу их сына, моего приятеля Русса, однако, возвращаясь домой, все же умудрился провести тренировочную пробежку в Пальмерстон-Норте.

Мои обычные соревнования на полмили перед началом сезона в Онехунге прошли в среду. Я не мог огорчаться, пробежав дистанцию за 1.51,0. Эффективность моей тренировки подтвердилась пробежкой на три мили за 14.23,5 в ветреную погоду и была еще раз доказана за три дня перед первыми международными соревнованиями, когда я пробежал в Онехунге четверть мили за 50 секунд.

Я почувствовал, что сдаю на последних 220 ярдах и что

пришло время отдохнуть. Такого рода успех слишком хорош, чтобы длиться заметное время. Нужно было снять напряжение.

Во вторник утром я протрусил полчаса, а вечером отправился в Иден-парк, место первой встречи, чтобы взглянуть на дорожку. Под наблюдением тренера по спринту Коллина Камерона я пробежал 5 по 150 ярдов. Первые три пробежки выполнил легко, а в оставшихся двух последние 75 ярдов бежал в три четверти силы. Это была легкая тренировка, но она дала возможность собрать результаты ранее проведенной работы воедино. Все же я чувствовал, что для настоящего пружинистого бега мне нужен еще один день отдыха.

В пятницу утром я не тренировался, но вечером провел бег трусцой вокруг Уокер-парка и пошел к Кейту Скотту на глубокий массаж. Кейт вполне сознавал, как важна для меня предстоящая серия соревнований, и работал надо мной около часа, расслабляя каждый существенный мускул в моих икрах, бедрах, на животе и спине. Он массировал мне даже пальцы ног и остальные части ступни. Это успокаивало и расслабляло так хорошо, что было очевидно, что если у меня что-то не выйдет, то уж ни в коем случае не из-за недостатка хорошего массажа. Я покинул дом Кейта физически настроенным и психически отдохнувшим; придя домой, завалился в постель и спал как убитый.

Взглянув в свой дневник, я могу сказать, что в ту неделю я пробежал в общем 63 мили. Если учесть, как мало я тренировался в последние три дня, это была большая работа.

Чудесное ощущение

Новозеландская администрация, вероятно сознавая, что Мюррей, Барри и я можем установить новые мировые рекорды, скомбинировала для нас хорошо сбалансированную команду заморских соперников. Сюда входили чемпион Великобритании на три мили Брюс Талло, охотно лидирующий в соревнованиях, три американских полумилевика — Эрни Канлифф, Джим Дюпре и Джон Борк, а также барьерист и десятиборец Дейв Эдстром — для придания дополнительного интереса соревнованиям.

Первая встреча организована была прекрасно. Она охватила всех, начиная с десятилетних малышей и кончая взрослыми. Заявки были столь многочисленны, что в это утро беспрерывной стартовой пальбы было проведено 68 забегов, а в послеполуденной программе на первые 15 минут приходилось восемь финалов.

День был жаркий и неприятно влажный, но присутствие 30 тысяч человек давало юнцам прекрасную возможность показать себя перед лицом большой и восторженной аудитории. Они не упустили этот случай, и соревнования действительно блистали успехами.

Единственное, если не считать избыточную влажность, что не приводило в восторг на этих соревнованиях, была, пожалуй, дорожка; она не содержала полной четверти мили, изобиловала неровностями, а почва под покровом травы была рыхлой.

Мои полмили были назначены на 3 часа, как раз в разгар сырого жаркого дня, однако на старте был забег достаточно впечатляющий, чтобы не считаться с этими неудобствами, — Канлифф, Дюпре, Гордон Мак Кензи, Лэнс Ллойд, Барри Коссар, Гарри Филпотт, Боб Гамильтон и я. Пятеро из нас могли показать 1.50,0 или лучше.

Перед стартом мой лучший результат, показанный в Новой Зеландии, был равен 1.49,0, и я даже не был внесен в список рекордсменов страны. Эти 1.49,0, которые я показал во время предыдущего турне заморских спортсменов, были улучшены дважды — сначала Джорджем Керром (1.48,9), а затем Гарри Филпоттом, когда на чемпионате страны он пробежал 880 ярдов за 1.48,8.

Я думал, что либо Гарри, либо Эрни Канлифф, либо оба вместе возглавят бег, следуя своей обычной манере лидировать, и был весьма удивлен, когда никто из них этого не сделал. Тем не менее охотник все же нашелся. Коссар, бегун из западных

областей, с лучшим результатом — 1,56,0, вышел вперед и довольно резво повел бег.

Первые 440 ярдов мы пробежали со сравнительно небольшой скоростью. Пробегая мимо хронометристов, я услышал, как крикнули: «Пятьдесят пять!». Я не чувствовал себя подготовленным пуститься тут же в финишный спринт, и по мере того как слабел темп, сдавал и я, держась вторым за увядающим Коссаром.

В этот момент инициативу перехватил Канлифф и проскочил мимо нас на вираже. Это было как раз то, что могло привести меня в действие. Я удлинил шаг, обошел Коссара и закрыл брешь, возникшую после начального рывка Канлиффа. За 250 ярдов до финиша я увеличил скорость, легко обошел Эрни и, хотя прилагал все усилия, чтобы выложиться, пришел к ленточке относительно свежим. Конечно, эти соревнования были нужны мне, чтобы привести себя в боевое состояние.

Я показал 1.48,2 и выиграл около 15 ярдов. Канлифф был вторым — 1.50,2, а Филпотт третьим — 1.50,5. Таким образом, я снова стал рекордсменом. Теперь — дважды, поскольку промежуточный результат на 800 м — 1.47,7 был также зафиксирован в качестве рекорда. Я снова был способен показать, по крайней мере, отблеск своей формы в европейском турне.

В следующий забег, на 5000 м, жару и влажность дополнила жесткость проходившей борьбы. В этом забеге участвовала плеяда гигантов — Мюррей, Барри, Талло и австралийцы Олби Томас и Дэйв Пауэр. Первые две мили они катились довольно медленно, подстегиваемые главным образом австралийцами, и прошли их за 9.19,0. Потом Барри оживил соревнование: он эффектно пошел вперед, потащив за собой Мюррея. Они образовали огромный разрыв, который пытался покрыть лишь один Талло.

Но сам Барри, чьи планы на финише всегда разбивал Мюррей, даже в тех случаях, когда обстоятельства складывались не в его пользу, был задушен подобным же образом, когда за 250 ярдов до финиша Мюррей развил свой обычный спурт и с честью пришел к победе.

По плану мне снова предстояло бежать полмили в ближайшую среду в Гамильтоне, однако я чувствовал себя достаточно сильным. В понедельник утром полчаса бегал трусцой и под моросящим дождем провел восемь пробежек по 150 ярдов, спринтуя на последних 60 ярдах. В это время я думал не столько о соревнованиях в Гамильтоне, сколько о перспективах выступления на милю в Ванганую, обещавшую быть для новозеландцев первой милей со временем меньше четырех минут. Эти соревнования должны были состояться в субботу вечером.

Полмили в Гамильтоне проводили также вечером, в Седдон-парке, на дорожке, окаймляющей хорошо ухоженное поле для крикета и размеченной до мельчайших деталей. Несмотря на то, что трибуны вмещали только 500 зрителей, посмотреть состязания пришли 6000 человек. Вечер был прохладным и как нельзя более подходящим для хороших результатов.

Я рассчитывал провести бег как можно экономнее, намереваясь всю дистанцию отсиживаться и спринтовать лишь на последних 100 ярдах или около того. Я был уверен, что смогу это сделать, потому что в Окленде начало было вялым. Когда дали старт, я двинулся вперед не спеша.

Внезапно я увидел, что Филпотт понесся вперед как пуля и потянул за собой еще трех бегунов. Я быстро пробудился и начал действовать. Старт был дан на вираже, поэтому прежде, чем попытаться улучшить свою позицию, я подождал, пока мы не выйдем на прямую. Я был удивлен легкостью, с которой мне удалось обойти других бегунов и примоститься в позиции преследования непосредственно за спиной Гарри.

У гонга время было 52 секунды, и темп был совсем не такой легкий, как я ожидал. При входе в предпоследнюю прямую Гарри ускорил бег и теперь шел впереди с разрывом в три ярда. Я решил, что если хочу выиграть, — а я хотел выиграть, — мне следует распрощаться со всякой надеждой на легкий бег. Перед самым входом в поворот я подтянулся вплотную к плечу Гарри и обошел его. Как только я это сделал, Гарри повалился на траву.

В мыслях у меня мгновенно промелькнуло воспоминание о подобном же случае на чемпионате Окленда, и тотчас чувство борьбы оставило меня. Я, должно быть, снизил скорость, потому что, оглянувшись при выходе на финишную прямую, увидел, как Джон Борк быстро приближался ко мне.

Я спешно увеличил шаг — это не был спринт — и сконцентрировал свое внимание на последних 80 ярдах. Мой результат был великолепным –1.47,1 на 880 ярдов и 1.46,3 на 800 м. Последнее время в точности равнялось моему олимпийском рекорду.

Эта разница в 0,8 секунды между двумя дистанциями подчеркивает, насколько сильно я замедлил темп бега на финише. Обычно разница составляет только 0,7 секунды.

Борк, до некоторой степени новичок в беге на полмили, показав 1.48,5, продемонстрировал, что соревнования на 440 ярдов в Окленде были для него полезными, а другой новичок, Джон Дэвис, был третьим с результатом 1.50,7. Репутация Дэвиса в этот период была такова, что в гандикапированной миле в Окленде он получил 30 ярдов форы от таких бегунов, как Ллойд,

Мак Кензи и Мак Найт, не выходившими из 4.15,0. Я видел, как он использовал этот гандикап и вышел победителем. Я подумал тогда, как славно он выглядит, но мне и в голову не приходило, что я вижу человека, который в самом ближайшем будущем станет моим главным соперником в беге на милю.

В сумерках происшедшее на предпоследней прямой в Седдонларке могло показаться многим зрителям подножкой или каким-нибудь другим трюком, который я проделал с Гарри, чем вызвал его падение. Один из присутствовавших спросил меня позже: «Что ты с ним сделал?» Когда я ответил: «Ничего, я даже не прикоснулся к нему», он сказал недоверчиво: «Ну брось, все выглядело так, как будто ты ему дал подножку».

В возбуждении от победы я о случившемся много не думал, однако падение Гарри выглядело подозрительным, и, вероятно, этим и объясняется тот прохладный прием, который оказала мне в тот вечер публика.

Зато забег на две мили доставил болельщикам настоящее удовольствие. Первая миля была пройдена сравнительно медленно — за 4.20,0, но затем события стали нарастать, и зрители от волнения повскакали с мест. Мюррей оживил состязание, вплотную за ним следовали Томас, Пауэр и Талло.

За круг с четвертью до финиша Пауэр раскрыл карты и двинулся вперед. Мюррей подтянулся к нему, одновременно с гонгом начал финишный спринт и обошел лидера. Талло пристроился к нему не далее чем за ярд, и оба летели к финишу в отчаянной схватке. Мюррей пытался растянуть этот несчастный ярд, а Талло жаждал его сократить. Никто из них не смог изменить положение ни на дюйм, и Мюррей пришел к финишу, показав 8.33,8, всего на ярд и десятую секунды впереди.

После этих соревнований внимание переключилось на Ванганую. В своих ожиданиях я был осторожен. Я знал, что моя форма улучшается и что я, конечно, имею все необходимое, чтобы впервые в жизни пробежать милю меньше чем за четыре минуты. Вопрос состоял в том, насколько меньше.

Я рассудил, что если три четверти мили будут пройдены за три минуты, мне, возможно, удастся пробежать милю за 3.57,0 и тогда улучшить самое быстрое время, показанное новозеландцем. Это время — 3.57,5 — было у Мюррея, он показал его в Дублине в 1958 году.

Но когда я взвесил свои шансы побить мировой рекорд, принадлежащий Гербу Эллиоту, сразу выкинул из головы эту идею. Она казалась смешной.

Я отдавал себе отчет, что в этом соревновании на мои плечи ложится немалая ответственность, поэтому я должен был

тщательно застраховаться от медленного бега на первых трех кругах. Все остальное было мне на руку. Эрни Канлифф сообщил мне, что он не прочь предложить нужную скорость, Барри Коссар великодушно согласился приехать из Окленда, чтобы провести нас в быстром темпе первый круг, а Мюррей сказал, что чувствует себя способным пройти три четверти за три минуты ровно.

Наконец, поскольку Олби Томас, человек, который сделал возможным мировой рекорд Герба Эллиота, тоже участвовал в этой миле и был еще в форме, то казалось, что мне нечего беспокоиться за быстрое начало.

На присутствие в забеге малорослого Брюса Талло я не обращал внимания, потому что на этой дистанции он был относительно несовершенным бегуном — его специальностью был бег на две и три мили. Во всяком случае, складывалось впечатление, что из всех бегунов только один я в подходящей форме, чтобы выйти из четырех минут, какой бы высокой ни была скорость на первых трех кругах.

В день соревнований утром я полчаса побегал трусцой в Окленде, затем после полудня сел в самолет, отправляющийся в Ванганую, и когда прилетел на место, постарался держаться от всех подальше. Мои родственники были там, они остановились у друзей. Перед тем как отправиться в свой отель, я выпил с ними чаю. У себя в номере я спустил занавески и растянулся на постели, обдумывая предстоящее соревнование.

Моя озабоченность относительно этой мили еще более возросла, потому что, прибыв в Ванганую, я узнал, что местная газета приписала Артуру заявление, будто бы я покажу 3.55,0. Несмотря на то, что заявление сделал сам Артур, этот аванс публике раздражал меня по той причине, что он, естественно, будет истолкован и как мое собственное намерение.

Разница между мной и Артуром состоит в том, что он со своими знаниями и интуицией склонен оценивать максимальные возможности бегуна при условии, что все ему на руку — дорожка, подготовленность, погода и прочее, Я и сам знал, что могу выбежать из четырех минут, но только на этом мне и хотелось остановиться.

Привычка публично связывать своих воспитанников обещаниями высоких результатов представляется мне характерной, к несчастью, чертой большинства выдающихся тренеров.

В 6 часов я пошел взглянуть на дорожку. О ней шла плохая молва: говорили, что трава вся в проплешинах. Особенно хорошо она не выглядела, однако беговое покрытие ее было совсем не плохим. Внутреннюю дорожку заботливо сберегли от

эксплуатации в более ранние часы соревнований, и к моменту старта на милю в 9.30 вечера она выглядела совсем нетронутой.

Вечер был спокойным и тихим, и я начал разминаться за 35 минут до запланированного старта.

На стадионе была давка, здесь собралось более половины населения города. Я держался в одиночестве, лишь изредка обмениваясь короткими фразами с теми из бегунов, которые, надеялся я, помогут мне в осуществлении моей цели.

В 9.15 стало ясно, что соревнования безнадежно отстают от расписания программы, и поэтому мы обратились к главному организатору состязаний за разрешением нарушить порядок следования видов и пропустить нашу милю вовремя. Посовещавшись с судьями, он согласился.

Длина дорожки была меньше 440 ярдов, поэтому мы стартовали с середины предпоследней прямой и должны были пробежать четыре круга после того, как в первый раз пройдем линию финиша.

Стартовый выстрел нарушил напряженную тишину на трибунах, усугубляемую мрачными тучами, нависшими неподвижно над стадионом. Я не бросился вперед со своей обычной решимостью. Как правило, на старте я всегда прилагаю усилия, чтобы ухитриться занять подходящую позицию вблизи лидеров, откуда могу наблюдать развитие событий. На этот раз, учтя, что мне помогают, я решил отсиживаться несколько дальше сзади.

Но все пошло не так, как я ожидал. Вокруг меня возникла суматоха, и, чтобы не бежать по первому повороту слишком далеко от бровки, я был вынужден переместиться в хвост забега. Возможно, суматоху вызвало напряжение, и, наверное, по этой же причине я потерял чувство темпа. Когда мы прошли первую четверть, я услышал, как крикнули: «Шестьдесят одна секунда!». Это было еще вполне в рамках мили меньше чем за четыре минуты, и я особенно не беспокоился. Участники бежали теперь гуськом, а я довольствовался той позицией, которую занимал — 12 ярдов сзади лидера Барри Коссара.

Во время второго круга, почувствовав, как группа растягивается, я пробился в середину, а затем в брешь между Мюрреем и Брюсом. Этот маневр вывел меня на третье место. Здесь Мюррей, моя надежда на третий круг, внезапно отпустил Коссара на два ярда. Я был вынужден покинуть его, вышел вперед и начал тесное преследование Коссара.

Он выполнял колоссальную работу, и полмили мы прошли за две минуты. Я придвинулся к его плечу и оглянулся назад, желая узнать, кто собирается повести третий круг. Все, что я увидел,

была огромная брешь.

Нетерпение охватило меня. Я вышел в лидеры сам, решив, что на трехчетвертной отметке покажу три минуты. Дело двигалось не так, как я планировал, но из этого вовсе не следовало, что все безвозвратно потеряно. Я сконцентрировался исключительно на времени и на том, чтобы бежать с максимально возможным расслаблением. Я продвигался вперед еще вполне свежим и, пробегая мимо хронометриста, слышал, как он отсчитывал: «Пятьдесят девять, шестьдесят…».

Теперь меня ждал сюрприз. К моменту, когда мы пробегали под гонгом, Брюс Талло успел подтянуться; гонг отбил начало последнего круга, Талло вышел вперед, спринтуя как ракета и с очевидным намерением вырвать победу. Это был тот самый стимул, в котором я нуждался, и неважно, что его вызвал спортсмен, не принятый мною в расчет.

На повороте, не сражаясь с ним, я увеличил темп ровно настолько, чтобы занять позицию у его плеча. Когда мы широким шагом вылетели на предпоследнюю прямую, откуда оставалось бежать 300 ярдов, я уже знал, что справлюсь с ним. Его присутствие меня не беспокоило. Я соревновался с секундной стрелкой, а не с Талло.

В этой точке я прекратил расслабление и начал финишный спурт. Это — момент, когда вы перестаете контролировать ваши действия сознанием и вкладываете все возможное, чтобы развить наивысшую скорость.

Я обнаружил, что бегу совершенно не напрягаясь. Ничто меня не сдерживало. Вряд ли я когда-нибудь еще испытывал такое чудесное ощущение силы и скорости без напряжения, какое возникло у меня тогда, на этих последних, радостных 300 ярдах. Пробегая последний поворот, я знал, что должен показать время значительно лучше четырех минут. Я вышел на прямую, в первый раз услышал приближающийся шум трибун и продолжал поддерживать высокую скорость. Даже на этой ступени мне не приходилось сознательно подстегивать себя, и я пролетел ленточку в совершенно свободном полете.

Я вбежал прямо в хаос. Этот момент, в сущности, означал конец соревнований, всюду были люди, бесконечный шум и смятение. Кто-то выскочил из толпы и, подбежав ко мне, показал мне секундомер. Стрелка стояла ниже четырех минут, но что именно она показывала, я рассмотреть не удосужился. Диктор выкрикивал, что у него тоже секундомер, но сейчас он может лишь сказать, что время значительно лучше четырех минут.

Казалось, прошла вечность, прежде чем было объявлено официальное время — 3.54,4, и из-за ошибки в программе этот

результат посчитали равным мировому рекорду Герберта Элиота. К этому времени мне надоело ждать, и я начал круг почета. Стадион шумел не переставая, и я был в том же смятении чувств, как после финала в Риме.

Теперь Талло, озабоченно переговаривавшийся с хронометристами, узнал, что он тоже впервые в жизни выбежал из четырех минут, и зрители снова зашумели.

Наконец, когда судьи и публика точно установили, что мой результат на десятую лучше мирового рекорда Эллиота, на стадионе началось новое буйство.

Позже я узнал, что Мюррей не смог в этом состязании выполнить свою роль из-за того, что накануне ему сообщили о несчастном случае — его товарищ по клубу в Оуэйрейке, направлявшийся в Вангануи на соревнования, утонул во время купания. Этот факт Мюррей сознательно скрыл от меня, потому что он мог расстроить меня в той же степени, что и его.

Время по четвертям в этой рекордной миле, согласно данным новозеландского статистика Питера Хейденсторма, было: 60,7; 59,9; 59,0 и 54,8 — несколько необычная серия, в которой каждый последующий результат лучше предыдущего. Последние полмили были пройдены за 1.53,8.

Брюс показал 3.59,3, Олби Томас был третьим — 4.03,5, а Мюррей финишировал четвертым.

Сравнение моего графика с графиком дублинской мили Эллиота показывает, что первая четверть бега была мной пройдена на 4,3 секунды медленнее, а за круг до финиша я отставал от него на 0,4 секунды. На отметке 1500 м я показал 3.39,3, что было сравнимо с лучшим временем Мюррея на эту дистанцию, показанным им за границей — 3.38,8.

Когда я узнал, что побил мировой рекорд, мне вспомнился случай, происшедший прошлой зимой в Стокгольме, где Мюррей побил мировой рекорд на три мили. Я стоял на поле, когда Мюррею поднесли букет цветов, и он пробежал мимо меня с блуждающим и сверкающим взглядом. Он даже не замечал меня. Я несколько недоумевал, почему он явно игнорирует мое присутствие, но Артур, стоявший рядом со мной и тоже незамеченный, сказал: «Ничего. То же будет и с тобой через год или раньше».

Я не думаю, что в Вангануи выглядел до такой степени ошеломленным, но тогда мне стало понятно, какие именно чувство испытывал Мюррей в Стокгольме.

Неделю спустя, в Крайстчерче, я сам оказался в точно таком же положении.

Даже на следующий день я не чувствовал последствий этой

рекордной мили. Казалось совершенно невероятным, что я смог пробежать так быстро, и эта неспособность поверить в случившееся не покидала меня до тех пор, пока я не вернулся в Окленд и на меня не обрушилась лавина поздравлений, среди которых было и поздравление Герберта Эллиота.

В среду я снова бежал, на этот раз в Инверкаргилле. Теперь я чувствовал себя способным побить мировой рекорд на полмили в Крайстчерче, и, естественно, у меня не было желания перенапрягаться в Инверкаргилле и испортить все ожидания. К этому времени я уже немного пришел в себя.

Казалось, в этом забеге никто не собирался напрягаться. Бег повели Эрни Канлифф и Джим Дюпре, я следовал за ними, и в таком порядке мы протащились первый круг за 58 секунд. Зрители насмешливо кричали: «Ну-ка поддай еще!» и «Покажите, как медленно умеете вы бегать!»— и в том же духе, когда мы медленно тянулись по прямой вдоль трибун.

На последнем круге я спринтовал, прошел его за 53,2 и выиграл бег с результатом 1.52,2.

Эти соревнования показали, что газетчики шумят не только по поводу хороших результатов. В Гамильтоне, где я повторил свой олимпийский рекорд, главный материал для прессы дал забег на две мили. Однако в Инверкаргилле, где я пробежал более чем на пять секунд хуже, газеты уделили мне больше внимания, чем великолепному забегу на две мили, где Брюс Талло показал 8.44,9.

Последующие два дня после соревнований в Инверкаргилле были заполнены лихорадочной деятельностью, что теперь мне представляется не слишком подходящей прелюдией к попытке побить мировой рекорд. Желая увидеть как можно больше живописных мест, которыми славятся наши отдаленные южные области, я присоединился к Рою Уильямсу, Дэйву Норрису и Полю Доллоу. Организаторы турне предложили нам автомобиль, и мы отправились в веселое путешествие по южным озерам. Кроме всего прочего, это был лучший способ избежать рекламы, связанной с моей попыткой побить мировой рекорд на полмили.

Мы выехали из Инверкаргилла рано утром, сделали небольшую остановку в Манапоури и двигались дальше вплоть до Милфорд-Саунд, сделав лишь небольшой перерыв для пятимильного бега трусцой среди привлекательного дикорастущего кустарника в Иглинтон-Вэлли.

В Милфорде мы позавтракали, посмотрели на Митр-Пик, пошатались по туристскому отелю, поглазели на Радужный Водопад, бессмысленно бросили несколько камней в Саунд и затем двинулись назад, в Квинстаун. Мы прибыли туда около

полуночи, долго искали дешевый ночлег и наконец устроились в частной гостинице. На следующее утро бегло осмотрели Квинстаун и не спеша направились через Клуту в Данедин, сделав остановку в Роксбурхе, чтобы купить абрикосов. Позднее я вновь открыл для себя Милфорд, но уже в гораздо большем масштабе, когда мы посетили Джоземайт-Вэлли в Америке.

В Данедине мы оставили машину и пошли посмотреть на новую городскую травяную дорожку, пригодную для занятий в любое время года. Легкоатлетическим представителям из Отаго очень хотелось узнать, понравится ли мне эта дорожка до такой степени, чтобы я захотел пробежать по ней милю.

Я узнал в Данедине, что в Новую Зеландию из Сиднея прилетел фотограф и что он настолько жаждет меня увидеть, что нанял самолет, чтобы лететь в Милфорд. Этот фотограф по имени Дэвид Мур был послан американским журналом «Спортс Иллюстрэйтед». Его задачей было сделать фотографии к очерку, который написал обо мне журналист из Крайстчерча Лес Хоббс. Я никогда не встречал мистера Хоббса и не слышал о нем. Я даже не знал, что он новозеландец, до тех пор, пока очерк не появился в печати.

Потом наша четверка вылетела в Крайстчерч. В то время как другие разместились в отеле, я искал относительного уединения в доме своего дяди, с готовностью отдав ему право быть моим неофициальным представителем для связи с публикой и отсеивать телефонные звонки, которые то и дело раздавались в доме.

«Подожди!»

Дэвид Мур наконец поймал меня; это случилось утром в день соревнований на полмили в Крайстчерче. До этого я с интересом следил по газетам о его подвигах. Он был настолько деятелен, что уговорил меня отправиться с ним в Кэшмир-Хиллз, чтобы там сделать несколько снимков, долженствующих изображать мою тренировку. Я описал ему мои занятия по трассе Вайатаруа, и Кэшмир-Хиллз показался ему подходящим местом. Однако после такого пути из Сиднея и стольких усилий Дэвиду было мало снимков, фиксирующих, как я бегу по крутому участку шоссе.

Он въехал на самую вершину одного из холмов, окинул взором литллтонскую гавань, остановил машину и сказал: «Потрясающий вид. Сейчас я сниму тебя на этом фоне».

Я сказал ему, что, во-первых, сомневаюсь, что картина действительно потрясает, а во-вторых, что тот грубый кусок земли, на котором он хочет снять меня бегущим, едва ли рисует картину моей настоящей тренировки.

Однако я плохо знал, насколько трудно отвязаться от этого парня. В конце концов я согласился сняться «только на память». Конечно, эта фотография была одной из тех, которые появились в «Спортс Иллюстрэйтед», и я стал получать письма от детей со всех концов света. Дети полагали, что я ежедневно пробегаю по 20 миль, как горный козел.

Теперь я уже никогда не соглашусь так сниматься и часто удивляюсь тому, что он меня уговорил тогда.

Утром пошел дождь, и мои надежды оказались слегка подмоченными, но потом установилась отличная погода. Но ни погода, ни перспектива нового захватывающего поединка между Халбергом и Талло, ни почти твердое обещание нового мирового рекорда на полмили не заставили прийти на стадион более 12 тысяч человек — число, красноречиво характеризующее любителей легкой атлетики в Крайстчерче.

Когда я вышел в парк на разминку, на поле состязались крикетисты, а вокруг них не было ни единого зрителя.

Я чувствовал особенную уверенность. Я узнал, что Барри Робинсон из Окленда, чемпион страны на четверть мили, приехал на соревнования провести первый круг, и перестал беспокоиться, что в забеге может не оказаться сильной конкуренции на первой половине дистанции. Барри, очевидно, приехал с этой единственной целью, и я знал уже по римской прикидке, что он может меня вытянуть на рекорд.

Мой подход к бегу здесь отличался от позиции в Ванганую перед стартом на милю. На этот раз я определенно шел на мировой рекорд. Еще со времени Олимпийских игр в Риме я хотел добавить к своему титулу олимпийского чемпиона звание рекордсмена мира в беге на 800 м — я очень хорошо знал, что в Европе существующий рекорд на полмили не ставится ни в какое сравнение с мировым рекордом на 800 м. Я был настолько уверен в благополучном исходе дела, что казалось — Барри был гораздо более озабочен, чем я.

Интересно отметить, что в беге на полмили хорошие результаты достигались всегда в тех случаях, когда первый круг проходился быстро. Рекорды устанавливались теми бегунами, которым первый круг протягивали, если на втором им удавалось удержать скорость. В девяти случаях из десяти на втором круге бегун увядал, но одному из десяти удавалось продержаться — и рождалось новое хорошее время.

Я думаю, это обстоятельство достаточно ясно указывает на проблему кислородного долга — фактор, лишающий бегуна сил, и вот почему, несмотря на то, что этот вид сегодня рассматривается как спринт, самое главное в нем — выносливость.

В отличие от других центров острова Южный Крайстчерч еще не усвоил практику старта по отдельным до рожкам, и мы начали бег с кривой линии, пересекающей все дорожки. Я занял позицию у бровки, а Барри был самым крайним. Всего в забеге участвовало восемь человек.

Когда раздался выстрел, Барри бросился вперед, как будто взял старт на 440 ярдов. Помня, что случилось в Ванганую, я доверил свои надежды только лишь одному лидеру и поэтому последовал за ним, хотя и чувствовал, что скорость бега высока. Я увидел, что Джон Борк, другой бегун на 440 ярдов, тоже спринтовал с целью занять позицию у бровки на первом вираже. Возможно, он был лучше приспособлен для старта с кривой, чем я, и спринтовать при старте с внешней дорожки, наверное, вообще разумно.

Однако для меня в этом ничего хорошего не было, потому что после быстрого старта Борк сбавил темп и отпустил Барри. На первых же 10 или 20 ярдах я потерял контакт со своим лидером. Я спешно обошел Борка, но Барри все еще был далеко.

На протяжении менее чем 50 ярдов я понял, что мы двигаемся с убийственной скоростью и что, кажется, от лидерства мне не будет никакой пользы. В отчаянии я крикнул Барри: «Подожди!», но это было глупостью. Он просто не услышал меня.

Дорожка была твердой и быстрой, и мне удалось увеличить

шаг. На первой прямой я держался в пяти ярдах от него. Я еще не спринтовал, хотя был недалек от этого. При выходе из второго виража, чтобы удержаться за Барри, мне пришлось поднажать еще.

Стараясь войти в контакт с лидером, я совершенно потерял чувство темпа и, когда мы подбегали к гонгу, приготовился внимательно выслушать свое время, чтобы восстановить контроль над собой. Я ожидал, что хронометрист начнет отсчитывать секунды начиная с «пятьдесят», однако первое, что я услышал, было «сорок». «Пятьдесят» уже прозвучало, когда я пробегал мимо него.

Здесь по каким-то непонятным причинам Барри освободил мне дорожку. Я контролировал свое сознание с необыкновенной ясностью. Возможно, так подействовало сообщение о фантастическом времени на первом круге, и вместо того чтобы почувствовать потрясение и перейти на легкий бег или дрейф, я вдруг быстро сообразил, что чувствую себя сейчас столь же хорошо, а может быть, даже лучше, чем в других состязаниях, когда четверть мили проходил на две-три секунды медленнее.

Подстегиваемый каким-то неистовым импульсом, я забыл о традиционных рекомендациях и усилил темп. Теперь это было чистое состязание с секундной стрелкой. На предпоследней прямой я чувствовал, что бегу еще быстро, и отчетливо сознавал, что на данном участке дистанции иду лучше обоих мировых рекордов. Все, что оставалось, — это продолжать.

Особенных трудностей не возникло до тех пор, пока я не вошел в последний вираж. Здесь усталость от первых 660 ярдов — я пробежал их за 1.16,9 — нахлынула на меня волной. Наступил момент, когда для продолжения бега требовались настоящие усилия. Я чувствовал, что бег замедляется, что уже не могу больше бежать, и в это время выходил только на последнюю прямую.

Нечеловеческими усилиями я заставлял свои ноги двигаться, удерживать шаг; я шатался на омертвевших ногах, отчаянно пытаясь восстановить контроль над собой и сделать все, чтобы увеличить скорость.

Но пробежав ленточку, я не нуждался, чтобы кто-нибудь сообщил мне время. Я знал, что прошел обе дистанции с мировыми рекордами. Отовсюду ко мне бежали люди, большей частью с фотоаппаратами, и я, наполовину отрешенный от всего, смотрел, как другие бегуны заканчивают дистанцию. Вторым пришел Дюпре, третьим — Борк. Я так и не узнал своего результата, пока не было сделано объявление публике.

Наиболее замечательным в этом соревновании было то,

насколько быстро и легко я пришел в себя. Я уже испытывал нечто подобное после хороших выступлений, и это доказывает, что способность к восстановлению действительно зависит от состояния сознания. Когда вы знаете, что добились чего-то действительно стоящего, организм погружается в спокойное состояние, в котором все функции легко возвращаются в норму.

Насколько странным был этот бег, пожалуй, лучше всего показать графически, рассматривая время, показанное на 220-ярдовых отрезках. Первые сумасшедшие 220 ярдов я пробежал за 24,8; вторые, когда я сбавил темп, но все же пытался достать Барри — за 26,2; третьи, где я осознал, что могу побить рекорд, — за 25,9 и четвертые, в отчаянной борьбе за продвижение к ленточке, — за 28,2. В сумме это дает 1.45,1 на полмили и 1.44,3 на 800 м. Я побил рекорд на полмили на 1,7 секунды и рекорд на 800 м на 1,4 секунды.

Вплоть до самого финала в Токио у меня никогда не возникала мысль, что я смогу повторить это выступление.

Между прочим, мой лучший результат на 220 ярдов равен 22,4 секунды. Я никогда специально не тренировался к бегу на 440 ярдов, но верю, что могу показать в этом виде что-нибудь около 48 секунд и уж определенно не лучше 47 секунд. Этот факт подтверждает справедливость одного из самых первых утверждений, которое я услышал от Артура: главное требование для полумилевика экстра-класса — выносливость. Он указывал, что для результата 1.50,0 нужно пробежать каждую четверть мили за 55 секунд и что большинство средневиков могут пробежать ее по крайней мере на пять секунд лучше, однако выносливость, достаточную для того, чтобы хорошо пробежать обе четверти мили вместе, имеют лишь немногие.

В этом соревновании я был способен пробежать первую половину дистанции так же быстро, как Мэл Уитфилд и Том Куртней до меня — всего на несколько секунд медленнее самого лучшего своего времени на четверть мили, но в то время, когда они увядали на второй половине, я благодаря своей выносливости, развитой при помощи тренировок марафонского типа, был в состоянии справиться с вызывающим утомление кислородным долгом и прошел оставшуюся часть дистанции с относительно малыми потерями в скорости. Второй круг я пробежал за 54,1. Сравните это с последним кругом, который я пробежал за 53,2 в Инверкаргилле тремя днями раньше.

В Окленде нас ждал веселый финал этого рекордного турне. Удовольствие хорошо похохотать было доставлено нам вместе с экземпляром сиднейской газеты «Санди Миррор» из Австралии. Эта газета редко публикует на первых полосах отчеты о

спортивных событиях, но на этот раз на первой странице была помещена даже фотография размером в две колонки. Она предварялась лихим заголовком: «Вот оно, новозеландское чудо!». Ниже следовал пояснительный текст: «Питер Снелл, изумительный новозеландский бегун, демонстрирует хороший стиль бега. Именно это помогло ему побить три мировых рекорда в течение восьми дней». Рядом, соперничая с рассказом о снижении налогов на автомобили, шло описание состязаний.

Далее, на седьмой странице, было помещено еще одно фото, на этот раз в профиль. Оно было втиснуто в статью, присланную из Кэмбриджа, рассказывающую о надеждах Герба Эллиота вернуть себе мировой ре корд.

Обе эти фотографии первоначально были напечатаны в книге Артура «Бег к вершинам мастерства».

И содержание статей, и заголовки, возможно, были в авторском исполнении приличными. Однако из-за головотяпства новозеландского корреспондента — это он, очевидно, отбирал фотографии — и редакции обе фотографии демонстрировали Артура. Артур, которому в то время было 44 года, был снят на авондейльской трассе в новозеландской майке, которую он проносил уже 12 лет. Снимок определенно наводил на мысль, что, как бы хорошо этот человек ни был подготовлен, он уже далеко не молод. Когда я увидел себя в образе видавшего виды старого волка, который смотрит, сощурясь, на солнце, я так хохотал, что не мог прийти в себя добрых пять ми нут. И позднее я часто смеялся, вспоминая этот случай, и изумлялся, что такая уважаемая газета, как «Санди Миррор», могла допустить такую накладку.

С этим самым оклендским корреспондентом (он порадовал меня еще раз, обнаружив явное замешательство по поводу случившегося) у меня были еще и другие дела. Это был такой тип, который в мое отсутствие и, разумеется, без моего разрешения позволил себе побывать в моей спальне в доме миссис Уоррен. Результатом был отчет об обнаруженных у меня портретах Герберта Эллиота и трех книгах: двух религиозных и одной Дэйла Карнеги «Как завоевать расположение друзей и быть влиятельным среди людей».

Этот тип, увидев опубликованную в апреле 1962 года фотографию, где я был снят вместе с Салли, под заголовком «Питер Снелл на приеме беседует со своей подружкой», взял «интервью» у Салли в банке, где она работала. Он сказал ей, что собирается послать фото в лондонскую «Дейли Телеграф» и ему нужно лишь узнать, сколько ей лет и давно ли мы знакомы. Он также сделал несколько вежливых замечаний относительно ее

прически. Однако заголовок в газете гласил: «Ожидается, что Питер Снелл, самый сильный бегун на милю в мире, скоро объявит о своей помолвке с мисс Салли Тернер, 19 лет. Здесь они вместе. Они познакомились в ноябре на вечеринке в Окленде, где они оба живут».

Салли и я еще не обсуждали вопроса о помолвке, и она состоялась лишь пять месяцев спустя. Нахальство этого корреспондента было беспредельным.

Кольцевой амфитеатр

Скорая на превращение в капитал спортивных достижений легкоатлетическая администрация Западного побережья в Соединенных Штатах пригласила Мюррея, меня и Артура в качестве менеджера на соревнования в закрытом помещении. Мне, полумилевику, было предоставлено выбирать между дистанциями 600 и 1000 ярдов. Меня устраивали 1000 ярдов.

Однако газеты вскоре сообщили, что из-за результата, показанного мною на миле в Ванганую, переговоры о моей предстоящей дистанции снова возобновились. К несчастью, Артур в ответ на вопрос, какие дистанции мы побежим, заявил, что нас устроят любые, подходящие для организаторов соревнований. Это вызвало некоторые затруднения, поскольку я твердо настроился бежать 1000 ярдов.

Соревнования в США совпадали со вторым днем чемпионата Окленда. В этот день в Окленде должен был разыгрываться титул чемпиона на милю.

Фрэнк Шарп, президент оклендского центра, не стал настаивать, чтобы я пробежал милю перед поездкой, и я, в свою очередь, согласился пробежать специальную милю по возвращении.

С его стороны это был, пожалуй, самый щедрый компромисс.

В Соединенные Штаты мы выехали лишь поздно вечером в пятницу, всего за 24 часа до начала соревнований в Лос-Анджелесе. Я был очень обеспокоен, что мне придется на довольно длительный срок пропустить работу. С другой стороны, поздний вылет не был таким уж поздним, потому что, как только мы перешли линию начала нового дня, время тотчас изменилось и мы прибыли в Лос-Анджелес на полчаса раньше, чем вылетели из Окленда.

Во время этого перелета я почувствовал себя достаточно взвинченным. Меня несло на гребне новой волны, и я смотрел вперед, навстречу своим первым соревнованиям на закрытой дорожке.

Моего боевого настроения даже не подмочил необычный в это время года ливень, поливавший Лос-Анджелес в момент нашего приземления.

На аэродроме нас встречали несколько представите лей прессы и ААЮ *(Союз спортсменов-любителей. — Прим. пер.)* составлявшие комитет по встрече. Последовавший за приземлением прием был разминкой к настоящей встрече,

устроенной нам в Шератон-Вест-отеле.

Организатор соревнований Гленн Дэвис взял нас под свое покровительство. Мы быстро увидели, что это в высшей степени приятный и любезный человек. Американцы хорошо знают его как обладателя Кубка Хелмса, которым он был награжден в 1945 году за заслуги на футбольном поле. Новозеландцам же он, пожалуй, лучше известен как человек, который на короткий срок был помолвлен с шестнадцатилетней Лиз Тейлор.

Футбольной карьере и отношениям с Лиз пришел конец с его отправкой в Корею.

Гленн привез нас в отель, заказал номер и проводил в зал для приемов, где собрались представители прессы. Артура, Мюррея и меня усадили по одну сторону стола, и добрая дюжина газетчиков, разместившихся напротив нас с микрофонами и с магнитофонами, в течение получаса непрерывно бомбардировала нас вопросами.

Я отвечал на массу вопросов, касавшихся главным образом моих рекордов, тренировки и общих взглядов на жизнь, однако когда они повернули разговор к тому, чтобы я высказался по поводу недавно опубликованного замечания Герба Эллиота о «мягкотелых американцах, ведущих легкую жизнь», в дело вмешался Артур и объявил, что пресс-конференция закрывается.

Я заметил также, что очень много вопросов относилось к режиму питания.

Потом к нам пришли представители фирмы «Адидас» и принесли туфли для закрытой дорожки. Несмотря на все наши старания, нам не удалось отправиться на покой раньше полуночи.

На следующее утро мы прежде всего позвонили на лос-анджелесскую спортивную арену и договорились попробовать дощатую дорожку. Эта дорожка в то время была еще сделана из отдельных, заранее собранных секций. Арена представляет собой замечательное архитектурное сооружение. Она была воздвигнута в 1957 году как славное добавление к сооружениям, построенным к Олимпиаде 1932 года, и располагается между Колизеем и плавательным бассейном.

Арена глубоко вкопана в землю, что вполне безопасно из-за малого количества осадков, выпадающих в Калифорнии.

Площадка у входа на стадион начинается с уровня земли, однако сам вход оказывается расположенным на уровне трех четвертей высоты трибун. Чтобы попасть в самый низ, мы воспользовались эскалатором. Рабочие закрепляли стальной канат, чтобы придать жесткости наклонным виражам дорожки.

Ярусы трибун, рассчитанные на 13 500 зрителей, круто уходили вверх, к рампе, где были расположены секции огромных

светильников.

160-ярдовая дорожка с круто поднятыми виражами показалась мне чем-то ужасающим, и я уговорил Мюррея организовать тренировку. Он уже состязался в закрытом помещении в Орегоне и поэтому считался среди нас экспертом.

Мы пробежали на разминке около мили, а затем он наглядно показал мне, как трудно обойти противника на коротких, 40-ярдовых, прямых.

Мюррей был впереди, когда мы пробежали поворот и, выйдя на прямую, пошли в полную силу. Даже с моим ускорением, значительно более быстрым, чем у Мюррея, было совершенно невозможно обойти его на виражах и крайне трудно на прямых.

Эта пробежка убедила нас, что единственно пригодная тактика на 1000 ярдов заключается в том, чтобы попытаться захватить со старта лидерство и удерживать его до финиша, не обращая внимания на то, что делают другие.

Меня несколько удивило, что деревянный настил на прямых, уложенный прямо на бетон, совершенно не пружинит. Зато на виражах бег был упругим и пружинистым, и это было счастливым открытием.

В то утро мне пришлось как следует поработать, потому что я никак не мог приспособить свой шаг и вес к бегу на виражах и должен был определить, где лучше бежать. Я пробовал бежать по виражу на половине его крутизны, у самого верха, и наконец решил, что лучше всего следовать естественной центробежной силе. Она выносила меня близко к половине высоты склона дорожки у середины длины виража, и отсюда я мог умерять бег вниз, к выходу из виража на прямую.

Мюррей за время этой тренировки освоился с дорожкой гораздо лучше меня, и позднее в соревнованиях я видел, что на деревянном настиле он чувствовал себя как дома.

Эта поездка была также моим первым опытом жить на 20 долларов в день, которые, согласно американским правилам, выплачиваются спортсменам для покрытия всех расходов, включая карманные. Пообедав три раза в отеле, мы обнаружили, что никто, кроме нас, здесь не питается, хотя вместе с нами жило большинство легкоатлетов, приехавших на соревнования из других городов. Другие спортсмены, как мы выяснили, разумно питались в закусочной за квартал от отеля. Пища там была почти такой же, но значительно дешевле.

Узнав об этом, мы перестали платить 5 долларов 85 центов за филе-миньон, 3,35 — за свежие крабы, 2,35 — за яичницу, 50 центов — за картофельное пюре, 1,50 — за цыплячьи сэндвичи и 1,30 — за единственное яйцо.

К моменту нашего прибытия стадион имел праздничный вид. Все сооружение было превращено в единое величественное кольцо. Каждый был прилично одет. Люди не таскались туда-сюда в плащах, с пледами и подушками, как это бывает в Вестерн-Спрингз, — раздевалки вокруг арены выглядели идеальными. Плешь внутри дорожки была закрыта опилками, выкрашенными зеленой краской, и по всему пространству были размещены комнатные растения и флаги. Яма для прыжков выглядела столь же гладкой, как отмель на необитаемом острове в Тихом океане. А с балкона, где сидел органист, лилась приятная музыка.

Мы прибыли в разгар состязаний по прыжкам с шестом, и каждый участник начинал свой разбег в нарастающей драматической теме, достигавшей триумфального крещендо, когда планка оставалась нетронутой.

Было светло как днем, и скрытый где-то вентилятор развевал бравый звездно-полосатый флаг Соединенных Штатов. Официальные лица сновали по стадиону, одетые в белые смокинги с черными галстуками бабочкой, телевизионные работники со своим оборудованием были в полной готовности, и вся арена переливалась разнообразием цветов тренировочных костюмов, представлявших публике различные колледжи и университеты.

И все же, несмотря на то, что арена была маленькой, здесь было гораздо меньше суеты, чем на соревнованиях в Вестерн-Спрингз. Стадион был насыщен множеством звуков, среди которых выделялось характерное топанье бегунов по сильно резонирующему деревянному настилу. Как мне сказали, это зрелище не идет ни в какое сравнение с тем, что бывает в цирке, который приспособили для беговой дорожки в «Мэдисон-сквер-гардене» на Восточном побережье.

Мы прибыли как раз к моменту официальной церемонии открытия. Бесконечные прыжки с шестом уже продолжались не меньше часа, а теперь на старте выстраивались спринтеры для барьерного бега на 60 ярдов. Большого волнения этот вид не вызвал. Бег заканчивался раньше, чем зрители успевали сообразить, что происходит.

С большим интересом ждали соревнований на дистанции от 600 ярдов до двух миль. Конечно, гвоздем программы была миля.

Мой забег на 1000 ярдов был назначен на 9.15 вечера, а после него должны были проходить эстафета 4 по 1 миле для колледжей и затем забег на две мили. В этом забеге участвовал Мюррей. Некоторое время мы провели на поле, привыкая к атмосфере, а потом ушли в раздевалку, чтобы взглянуть на списки участников в наших забегах. Единственным знакомым

бегуном, заявленным на 1000 ярдов, был Джон Борк, закончивший только что свое маловыразительное турне по Новой Зеландии, поэтому мы решили, что спланированная нами тактика должна быть вполне безопасной и сильной конкуренции не ожидается.

Мы разминались в заставленном колоннами лабиринте с кондиционированным воздухом под главной трибуной стадиона. Я сделал небольшой перерыв в разминке для телевизионного интервью и ответил на вопросы, связанные с моей тактикой в предстоящем соревновании. Сама по себе возможность для телевизионных репортеров войти в тесный контакт с основными претендентами, которых публика увидит на дорожке, — неплохая выдумка, но здесь интересно еще и то, что люди могут узнать о тактических планах различных участников. Я взял на себя обязательство, заявив, что попытаюсь побить рекорд, а для этого буду стараться со старта выйти вперед, чтобы избежать хлопот с обгоном и иметь преимущество на виражах.

Старт давали с начала финишной прямой. После того как мы пробегали финишную черту, нам оставалось пройти еще шесть кругов. Мне была любезно предоставлена позиция № 1, и теплые аплодисменты, устроенные мне публикой за мои недавние рекорды, были неожиданны, но очень приятны.

Раздался выстрел, и началась сумасшедшая толкотня, ибо все мы пятеро жаждали войти в первый поворот на первом месте. Я сумел оказаться проворнее всех, и борьба началась.

На деревянной дорожке вы полностью теряете чувство темпа. Обычно у меня хорошее чувство темпа, но здесь я несся вперед, совершенно не соображая, сколько я пробежал и достаточно ли быстро иду. Я сознавал только, что бегу с почти наивысшей скоростью, допустимой в беге на полмили.

Примерно после двух-трех четвертей круга передо мной промелькнула группа судей, и я услышал результат на первую четверть мили — 53 секунды. Сумасшедший темп для 1000 ярдов в закрытом помещении! Мне пришло в голову, что я, должно быть, израсходовал огромную часть своей энергии в этой волнующей атмосфере. Мои ноги начали уставать, наверное, как от высокой скорости, так и от трудных поворотов. Из-за постоянной заботы сжавшись проскочить поворот, не потеряв при этом равновесия и ритма движения, ноги и плечи закрепостились. Я почувствовал, что темп нужно сбивать. К моменту, когда оставалось бежать еще целых два круга, я уже совсем выдохся. Я обернулся. Сзади была брешь в 15 ярдов. Проходя 880-ярдовую отметку, я уже значительно сбавил темп. Результат был 1.50,3 и означал, что вторая четверть мили была пройдена за 56,3. На

последних 120 ярдах я попытался увеличить скорость. Все возрастающий шум на трибунах подсказал, что кто-то сзади подобрался ко мне. С усилием я закончил бег.

Я пробежал 1000 ярдов с новым мировым рекордом — 2.06,0, а вторым пришел очкастый верзила Билл Крозерс, химик из Торонто. Он проиграл мне 10 или 12 ярдов, но его результат 2.07,4 был также выше старого рекорда.

С большим подъемом я пробежал круг почета. Я сказал себе тогда, что обязательно вернусь, чтобы еще раз пробежать по деревянной дорожке.

Я присоединился к Артуру, чтобы посмотреть, как у Мюррея сложится бег против многообещающего юнца по имени Брюс Кидд. Это было самое последнее американское чудо в возрасте до двадцати лет, а в 1961 году Кидд был признан лучшим канадским спортсменом года. Теперь Кидд был широко разрекламирован как соперник Мюррея в беге на 5000 м. Эти соревнования поэтому были чем-то вроде дуэли между старым мастером и молодым подмастерьем. В этих соревнованиях также участвовали американец Боб Шюль, сенсационный олимпиец, выигравший в Токио золотую медаль на 5000 м, однако в то время он на международной арене бега на выносливость выступал посредственно.

Мы с Артуром с глубоким удовлетворением следили за Мюрреем, который оторвался от своего юного соперника и шел к финишу, неся для маленькой Новой Зеландии превосходный дубль. Мюррей выглядел идеально приспособленным к бегу по деревянной дорожке. Он проходил виражи естественно и без напряжения, а его парализованная левая рука помогала ему сохранять равновесие и нормальное положение туловища на поворотах. Там, где у меня ноги разъезжались, Мюррей скользил легко и плавно, точно змея. Казалось, что он с каждым метром уходит все дальше от противников. Мюррей финишировал с рекордом стадиона — 8.42,5.

Именно начиная с этих соревнований я впервые стал подумывать о Джимме Битти как о своем серьезном сопернике. Спортивные обозреватели надеялись увидеть на 1000 ярдах схватку между мной и Битти, и все были немного разочарованы, когда Битти, лучший американский милевик в 1961 году, вдруг заявил, что он побежит не 1000 ярдов, а милю. Он дал понять, что я нахожусь в более выгодных условиях, чем он, потому что если сезон в Новой Зеландии и Австралии уже заканчивается и мы находимся в своей лучшей форме, то американские бегуны достигнут ее не раньше чем в мае или июне.

Битти сказал еще, что он, возможно, подумает о состязании

со Снеллом на милю позднее, — очевидно, когда он будет в форме, а я нет.

Итак, он все же побежал милю. Первый круг его провел Табори. Грелле сменил Табори и лидировал до трех четвертей мили. Последнюю четверть Битти пробежал сам. На трехчетвертной отметке он показал время хуже трех минут, но в продолжение последней четверти мне пришлось затаить дыхание. Мне казалось, что хорошо он ее не пройдет. Но «неготовый» Битти прошел ее великолепно, и фантастический финиш принес ему 3.58,9 — результат, на 2,5 секунды превышающий мировой рекорд Рона Деланея для закрытых помещений. Это была также первая в мире миля меньше чем за четыре минуты на закрытой дорожке. Битти получил за нее специальный приз.

Глядя на Битти, скачущего от радости, я впервые остро захотел победить его.

Это желание возникло не только от того, что Битти пробежал свою милю лучше, чем я свои 1000 ярдов. Дело было в том, как он старался показать это. В его действиях было что-то тошнотворное. Я сказал себе, что если мы когда-нибудь встретимся на дорожке, мне доставит особенное удовольствие побить его.

После соревнований мы отправились в ночной клуб и отмечали минувшие события до самого утра. Воскресенье мы поделили между Диснейлендом и Маринелендом, потерявшими свой вид под непрекращающимся дождем, а потом улетели домой, в Новую Зеландию.

Единственное приключение произошло на санной трассе Маттерхорн в Диснейленде, где мы с Мюрреем вздумали покататься. Как человек сообразительный, я уселся на заднем сиденье, рассчитывая спрятаться от дождя за мюрреевой спиной. Единственное, чего я не заметил и поэтому не принял во внимание, была лужа на дне саней в несколько дюймов глубины. Когда мы воз неслись на вершину Маттерхорна, мое сиденье неожиданно провалилось, и я плюхнулся в ту самую лужу.

Прошло три лихорадочных дня, и наступило время бежать милю, которой я обещал перед поездкой в Америку компенсировать свое отсутствие во второй день оклендского чемпионата. Несмотря на множество проведенных мною соревнований, я все же был счастлив, узнав из газет, что, пробежав уже одну очень быструю милю, собираюсь теперь показать хорошев время только на 1500 м (я сознаю, что рекорд на 1500 м в Ванганui выглядит сравнительно слабым) и поэтому пробегу сильно три четверти мили и 1500 м, а на остатке дистанции постараюсь продержаться. Хотя газетчики мне и задали нелегкую задачу, я все же еще был вполне уверен, что

смогу выжать быстрое время.

Окленд уже много лет ждал этой мили меньше чем за четыре минуты. В эпоху схваток между Халбергом и Скоттом публика часто разделяла муки Тантала, но теперь, казалось, пришло время, когда энтузиазм будет щедро вознагражден. Хотя организаторы соревнования были предупреждены, что соберется огромная толпа, они дали распоряжение ввести контроль при входе в Вестерн-Спрингз, и из-за этого двадцатитысячная толпа долгое время не могла попасть на стадион.

Сделав разминку перед соревнованиями в прилежащем автомобильном парке и пробираясь на стадион через боковые ворота, я был изумлен картиной, которая предстала перед моими глазами. Люди совали банкноты по десять шиллингов ошарашенным контролерам и пробивались вперед, не ожидая сдачи. Многие из этих служителей были призваны сюда в аварийном порядке, и почти ни у кого из них этой сдачи просто не было. Казалось, деньги летят отовсюду.

Один находчивый зритель, обалдевший от выжидания в хвосте очереди, которая, казалось, никогда не продвинется, перелез через забор, открыл настежь входные ворота и впустил на стадион огромную толпу. Три тысячи человек прошли без билетов. Поль Доллоу был зажат в давке и опоздал на свой вид, пятый в программе. Председатель городского комитета уличного движения едва не пропустил милю, потому что ему пришлось встать на стоянку только в двух милях от ворот стадиона. Мне же повезло. Я жил всего в трех четвертях мили от Вестерн-Спрингз и просто потихоньку туда прибежал.

Это было беспрецедентное зрелище, и долго еще после того, как забег на милю прошел, народ двигался сквозь ворота, правда, теперь никто платы не требовал.

Другой отрицательной чертой соревнований оказалось отсутствие сотрудничества между мной и остальными участниками забега. Весь день по радио раздавался призыв: «Приходите на стадион и посмотрите, как сегодня вечером Снелл разменяет четыре минуты». Я должен был это сделать, но для этого мне, очевидно, был нужен лидер. Однако в забеге каждый преследовал свои цели и каждый хотел показать свой личный рекорд. Наконец, Гарри Филпотт обрадовал меня, обещав тоже принять старт, чтобы поддержать меня на ранних стадиях бега.

Поскольку Гарри был единственным моим союзником, я решил, что буду лидировать первый круг сам, чтобы дать Гарри время усвоить нужный ритм и темп бега, а уж второй круг поведет он. Я сознавал, что это очень важно, потому что каждый присутствующий на стадионе заранее настроен на успех. Страшно

было подумать, какая буря разразилась бы, если бы я провалился. Настроение публики переменчиво, и провалившегося фаворита очень часто окружают всеобщим презрением.

Чтобы утвердиться в своих намерениях, я пробежал первый круг ровно за 59 секунд. Затем вперед вышел Гарри. Он управился с полумилей точно за 1.58,0. Между тем — об этом я узнал позже — за моей спиной в борьбе за второе место разворачивались драматические события.

Дэйв Карл был единственный, кто отважился преследовать нас с Гарри, и он сдал на втором круге и был смят стаей преследователей, отчаянно сражавшихся между собой, совершенно не считаясь с тем, что соревнования должны быть лишь показательным выступлением одного бегуна.

Мы сделали разрыв ярдов в сорок, когда я сменил Гарри на третьем круге. Публика уловила настроение соревнований и начала орать. Этот шум подбодрил меня, когда я концентрировал свое внимание на 1500-метровой отметке. Но отдохнув на третьем круге — я прошел его за 60 секунд, — я двигался теперь по повороту, выходящему на предпоследнюю прямую.

Я мог видеть, как хронометристы собрались у 1500-метровой отмотки, однако чувствовал, что после лидерства на первых стадиях бега и на третьем круге дистанции у меня не хватит сил спринтовать. Я мог только держать себя в наиболее возможном напряжении — отчаянное чувство, которое я испытал еще раз на этой же дорожке, когда в 1965 году побил там мировой рекорд на милю.

Я прошел 1500 м за 3.39,6 — не так хорошо, как в Ванганui, — и добрался до финиша, загнав себя до предела, чтобы вытянуть 3.56,8. Остановившись, я с облегчением посмотрел назад, где «великолепная четверка», как один журналист назвал Халберга, Бейли, Дэвиса и Карла, двигалась к финишной черте, широко рассыпавшись по всему фронту дорожки. Старые мастера — Мюррей и Билл учили молодых — Джона и Карла, как надо вести себя на финише. Мюррей показал 4.02,2, Бейли был на грудь сзади, Джон — 4.02,4 и Дэйв, энергично финишируя, — 4.02,9. Исключая Мюррея, все превысили свои личные рекорды, да и сам Мюррей после 1958 года в этом соревновании пробежал свою самую быструю милю.

Для многих обилие хороших результатов на этой миле было не менее радостным, чем результат победителя. Предприимчивые организаторы начали тотчас поговаривать о новых надеждах на мировой рекорд в эстафете 4 по 1 миле. Некоторые люди никогда не бывают довольны.

Моя реакция была иной. День или два спустя я вдруг

почувствовал, что в прошедших неделях я, кажется, перехватил через край.

Возбуждение исчезло и сменилось усталостью.

Телевидение и турне

Все же отдыхать было некогда. Сначала подошел национальный чемпионат. Он прошел на крайне низком уровне. В ненастный день я пробежал квалификационный забег в Иден-парке за 1.58,0, а затем после массажа у Кейта Скотта отправился на финал. Хлестал отвратительный ливень, и я, вымазавшись по уши в грязи, победил без особого труда, показав 1.53,9. Гарри опять упал на выходе из виража. На этот раз его совершенно затерли в борьбе за удобную позицию для спринта.

Миля обещала захватывающую схватку между Джоном Дэвисом и Биллом Бейли, однако Билл сошел, растянув мышцу бедра, и Джон стал чемпионом без борьбы. Этим его прорыв в большой спорт стал окончательной реальностью.

Спустя два дня после чемпионата в город приехала группа французского телевидения. Французы встретились со мной и, узнав, что бег с работы и на работу входит в мою тренировку как составная часть, необычайно заинтересовались. Было решено, что полный цикл этой необыкновенной практики должен быть снят на видео магнитофон.

Их было пятеро, и все они носили камеры и умели работать. Когда я начинал свою пробежку от дома Уорренов на работу, один из них располагался на лужайке перед домом, другой стоял на углу, третий дожидался своей очереди, высунувшись из окна в доме через дорогу, четвертый был тут же за поворотом. Пятый, болтая высунутыми из окна телевизионного вагона ногами и орудуя камерой, всю дорогу ехал вровень со мной.

На обратном пути с работы они застряли в уличной пробке и ни черта не сняли. Зато вечером они явились в дом Уорренов с трансформаторами, камерами и милями проволоки и с грохотом и беспрерывными извинениями отсняли формальную часть сценария — интервью.

Через четыре дня поело этого Артур, Мюррей и я были снова в пути, на этот раз в Токио. Это была моя первая поездка в Японию, я с большим волнением ожидал выступлений на Востоке и с удовольствием думал о новом визите в Гонконг. В субботу вечером мы с Мюрреем должны были бежать милю, а в воскресенье выступать раздельно: я — на полмили, он — на две.

Я впитывал в себя Токио насколько это было возможно и не мог не удивляться тому, какую громадную работу еще предстоит сделать всего за два с половиной года, чтобы подготовить город к XVIII Олимпийским играм.

Здесь впервые я увидел женщин, работающих на дорогах с кирками в руках и выполняющих мужскую работу.

На встречу в «Метрополитен Джимнэзиум», рядом с будущим олимпийским стадионом, японцы пригласили кроме нас также и американцев — шестовика Джона Юлсеса, барьериста Хайеса Джонса и шведского прыгуна в высоту Стига Петерсона.

Очевидно, они планировали провести состязание на американский лад, однако, вероятно из-за отсутствия должного опыта, встреча удалась не вполне. Тем не менее японцы на голову превосходили американцев по радушию и вежливости.

Перед началом соревнований мы все построились на короткую церемонию открытия, и я был изумлен, когда девочки, одетые в кимоно, подошли к нам и вручили каждому маленький транзисторный приемник и жемчужный из трех нитей браслет.

В беге на милю японской конкуренции не было, и нам с Мюрреем оставалось лишь провести показательное выступление.

Бежать по 160-ярдовой закрытой дорожке было трудно, но я сумел удержаться за Мюрреем и сделать разрыв на последней четверти дистанции.

Я выиграл у Мюррея четыре секунды, пробежав милю чуточку лучше 4.07,0. Чувствуя напряжение, я не был вполне спокоен за предстоящий на следующий день вечером бег на полмили.

Наше времяпрепровождение после соревнований вряд ли можно вписать в режим серьезного спортсмена. Сначала мы посетили китайский ресторан, где отведали саки, бамбуковых ростков, перепелиных яиц, акульего плавника и других экзотических деликатесов, а затем двинулись в баню, где Мюррей дурацки ошпарил себе ногу. Я хохотал как сумасшедший до тех пор, пока все девушки-банщицы не прибежали и не столпились вокруг него. Мюррей не переставая мучиться всю остальную часть поездки.

Полмили опять оказались для меня сольным выступлением. Я пробежал дистанцию почти точно так же, как в Лос-Анджелесе, пройдя первую четверть за 53 секунды и обе — за 1.49,9. Этот результат был первым меньше 1.50,0 для закрытой 160-ярдовой дорожки. Это был так же и первый мировой рекорд для закрытых помещений, установленный в Японии.

Мое выступление привлекло большое внимание. Меня привели в комнату журналистов, где большая группа корреспондентов засыпала меня вопросами. Наше общение было весьма своеобразным, потому что японцы говорили по-английски лишь немного лучше, чем я по-японски.

После этого японцы, видимо уже успевшие усвоить американский обычай давать специальные призы за лучшее

выступление в соревнованиях, торжественно вручили мне прекрасную вазу высотой 12 дюймов, хотя соревнования еще не окончились и Юлсес еще не прыгал.

Этот подарок — один из самых любимых призов, полученных мной за всю мою спортивную жизнь.

Мюррей показывал мне здоровенный волдырь на ступне — результат приключения в бане, и я до сих пор не могу понять, как он умудрился засунуть ногу в беговую туфлю, не говоря уже о том, что он выиграл две мили с прекрасным временем — 8.50,0.

В тот вечер мы ужинали по-японски, а на следующий день отправились в короткое путешествие. Мы объехали вокруг Иокагамы, Камакуры и Еношимы.

Вернувшись обратно, мы на два дня вылетели в Гонконг, а оттуда — домой, оставив Артура в Токио, где ему предстояло в течение двух недель проводить тренерскую работу.

Дома я позволил себе четыре дня ничего не делать и 26 марта, размышляя о новых поездках в Соединенные Штаты в летний сезон, сделал в дневнике заголовок: «Тренировка к схватке с Битти начинается». Я принялся за дело, начав с 15-мильной пробежки. А по трассе Ванатаруа первый раз пробежал 15 апреля.

В это время, в добавление к ожидаемой поездке в Америку, к нам пришли приглашения из Европы. Планировалось организовать новое турне новозеландской команды по материку на тех же условиях, что и в 1961 году. Уже был составлен примерный маршрут и объявлен состав команды: Мюррей, Барри, Джон Дэвис, Дэйв Норрис и я. Программа была жесткой — такой же как и в 1961 году. Сравнивая ее с предстоящей менее продолжительной и намного более легкой поездкой в Америку, я решил, что будет крайне неразумно отправиться в Европу, когда на носу Британские игры. На мое решение повлияло еще и то, что ходили непрекращающиеся разговоры о приезде Герберта Эллиота для выступления в родном городе.

Я даже вырезал из газеты статью, полную туманных намеков Герба на его планы в предстоящих Британских играх. Эту вырезку я наклеил на картон и прикрепил в своей комнате над изголовьем, чтобы она постоянно напоминала мне об угрозе появления Эллиота в Перте и необходимости подготовиться к этому появлению. Это и были как раз те самые «эллиотовы вырезки», о которых известный вам оклендский журналист написал в свое время.

Мне не хотелось отказываться от европейского турне, поскольку я понимал, что путешествие для других зависит исключительно от того, соглашусь ли ехать я. Все-таки я решил

поставить Перт выше турне. Когда, наконец, я объявил о своем отказе, новозеландская ассоциация собрала экстренное заседание, последовал обмен бесчисленными телеграммами, и в конце концов турне сорвалось.

В Америке первыми шли соревнования «Колизеум-Рилейз», и я позволил себе включиться в скоростную работу за четыре недели перед ними. Я проверил ход подготовки в соревновании на милю с гандикапом на Играх в Хастингз Истер-Хайленд и показал 4.00,5. Это рассеяло мои сомнения насчет своего прогресса.

Мои надежды встретиться с Битти в «Колизеум-Рилейз» сразу же рухнули. Я выбрал милю, Барри, путешествующий со мной, — 5000 м, а Битти, пожелавший выступить на милю в мое первое прибытие, был заявлен на 880 ярдов. Его тренер Иглой заявил, что тренировочная программа Битти требует от него участия в «Колизеум-Рилейз» именно на этой дистанции.

Следуя своей обычной политике назначать менеджерами членов исполнительного комитета, НЗААА *(Новозеландская любительская легкоатлетической ассоциация. — Прим. пер.)* поручила казначею Джоффу Джекману присматривать за Барри и мной. Мы вылетели на несколько дней раньше, чтобы сделать остановку на Гавайях и акклиматизироваться. Тем самым мы могли избежать внимания прессы, которое было бы неизбежно, если бы мы решили провести акклиматизацию в Америке. Я написал президенту Гавайского атлетического союза Генри Ямасаки, замечательному другу новозеландских спортсменов, и он согласился организовать для нас разминочные соревнования.

Гавайи встретили нас прекрасной теплой погодой и безоблачным небом, создававшими идеальные условия для специальных соревнований с допуском всех желающих. Они были организованы на не такой уж плохой гаревой дорожке средней школы в Пунахоу. Мы привлекли, наверное, человек триста зрителей.

Желая показать приличное время, я энергично пробежал первый круг за 52 секунды и продержался на втором. Я выиграл у второго 8,2 секунды и побил рекорд Гавайских островов (для гостей), установленный Джерри Зибертом (1.50,0), показав 1.47,8. Барри установил рекорд на две мили, однако меньше чем через месяц его побил Мюррей по дороге в Соединенные Штаты.

Отдых в Вайкики доставил нам много приятных минут. Джон Бастард, бывший президент Гавайского атлетического союза, пригласил час в Аутриггер каноэ-клуб в качестве почетных гостей и провел полную экскурсию по этому необычному, хорошо оборудованному комплексу прямо в середине Вайкики. Моим

самым большим желанием был серфинг. Накат волн там длинный, но относительно мягкий. Однако Джофф Джекман сорвал это развлечение, заявив, что он лично отвечает за то, чтобы я был доставлен к стартовой линии в Лос-Анджелесе в целости и сохранности. Из-за того же усердия моего менеджера-казначея рухнули планы на путешествие вокруг острова на легком аэроплане. Эти два примера необязательной дисциплины породили у меня отвращение к менеджерам, и с тех пор я никогда не соглашался иметь таковых во время маленьких индивидуальных поездок.

Перед самым отъездом я узнал, что наш рекорд в эстафете 4 по 1 миле стерла американская университетская команда из Юджина, штат Орегон. Дайрол Берлесон, бежавший на последнем этапе, показал 3.57,9. Это было невероятно высоким временем для сольного выступления, и мне было приятно думать, что я не встречу его в Калифорнии.

В Лос-Анджелесе, как обычно, была устроена встреча на аэродроме. Затем мы отправились в Шератон-отель на пресс-конференцию. Здесь я узнал поразительную новость, чуть не доконавшую меня: Берлесон в последний момент заявлен на соревнования «Колизеум-Рилейз». «Что вы думаете на этот счет?» — спрашивали меня газетчики. Американцы хорошо знали, что в Новой Зеландии Берлесон оценивается очень высоко.

Они знали, что Артур считает его бегуном более высокого класса, чем великий Битти, и причисляет его к милевикам, имеющим наибольшие шансы пробежать дистанцию за 3.50,0. Уважение моего тренера к этому спортсмену разделял и я сам. В моей памяти еще были живы воспоминания о поражениях, которые я потерпел от него в январе и феврале прошлого года.

Поговаривали о заявлении Берлесона, что он находится сейчас в наилучшей форме за всю свою жизнь и что, показав 3.57,9 в эстафете, он решил специально прилететь из Юджина в Лос-Анджелес, чтобы встретиться со мной в первом же крупном соревновании на открытой дорожке. Естественно, его заявление широко обсуждалось в печати, и столь же естественно было мое волнение. Я отлично пробежал полмили на Гавайях, однако был обеспокоен недостаточностью своей тренировки и не знал, сумею ли я пробежать трудную милю достаточно хорошо.

Состязание очень быстро получило название «чудо миля» — первое из серим предстоящих — и привлекло на стадион около 40 тысяч зрителей. Столько народу не собиралось здесь со времен Олимпиады 1932 года, к которой и был построен этот стадион, способный вместить 103 тысячи зрителей.

Хотя со мной был Барри, я чувствовал себя одиноким.

Впервые я уехал из Новой Зеландии без Мюррея и, если не считать Мумба-фестиваля, в первый раз оказался без Артура. Все же мое одиночество еще более подстегивало меня пробежать хорошо.

Со старта темп на дистанции был установлен специально приглашенным «зайцем», который и провел нас первый круг за 59 секунд. Полмили я прошел за 2.01,8, держась третьим. Три четверти мили были пройдены за 3.02, и я еще чувствовал себя раскрепощенным.

В газетах было много разговоров о редкой способности Берлесона увеличивать скорость на последнем круге, и я планировал поэтому длинный финишный спринт, примерно ярдов за 300 до ленточки, чтобы свести к нулю какое-либо преимущество Берлесона. Когда мы пошли последний круг, скорость бега возросла, однако я продолжал бежать не напрягаясь. Теперь я бежал вторым за Вейзигером и мог чувствовать, что Берлесон сидит у меня на пятках. Я решил, что не выйду вперед до тех пор, пока не буду точно уверен, что смогу бежать в полную силу до самого финиша. Я рассуждал также, что поскольку Берлесон бежит сзади, обходить мне нужно будет резко и неожиданно. Тогда я застану его врасплох.

Подходящий момент представился перед входом в последний вираж. Своих намерений я не выдал ничем, если не считать резкого движения головой вниз — у меня всегда так получается, когда я собираю силы для броска, — и промчался мимо Вейзигера, рассчитывая поставить его на пути у Берлесона как можно скорее. Тогда, чтобы достать меня, Берлесону придется бежать по виражу далеко от бровки.

Это был один из немногих забегов, в которых я, выходя на финишную прямую, не повернул головы, чтобы определить, где мои противники. До самой ленточки я вел напряженный спринт. На финише я выиграл 10 ярдов с результатом 3.56,1, что было выше американского рекорда. Берлесон пришел вторым — 3.57,8 и Джим Грелле — третьим –3.58,9. Все мои сомнения и беспокойства разрешились сами собой, хорошо и просто.

В этих соревнованиях были установлены два фантастических мировых рекорда. Впервые в мире Ол Ортер метнул диск за 200-футовую отметку, а затем Даллас Лонг толкнул ядро на 65 футов 10,5 дюйма. В остальных видах также были показаны потрясающие достижения, включая сенсационную победу барьериста Хейса над мировым рекордсменом Фрэнком Баддом на 100 м (10,2). Всего было установлено два мировых рекорда, три американских, десять рекордов стадиона и двенадцать рекордов соревнований.

После бега я пошел на трибуны и, усевшись между Джекманом и Кливом Спилстедом, стал смотреть, как Барри добывает новую чудесную победу для Новой Зеландии, Он бежал 5000 м. Когда до финиша оставалось 220 ярдов, Пэт Клохесси пулей вылетел у него из-за спины и к моменту выхода на финишную прямую сделал разрыв в 10 ярдов. Дело казалось уже решенным, но вдруг, неожиданно для всех, Пэт за 50 ярдов до финиша резко сдал. Барри хотя и не был способен увеличить скорость, все же не сбавлял ее и каким-то невероятным маневром проскочил мимо Клохесси у самой ленточки. Он установил рекорд соревнований — 14.10,2.

После состязаний мы имели удовольствие совершить экскурсию в студию «Метро Голдвин-Мейер». В «Метро Голдвин-Мейер» наш гид провел нас мимо удивительнейшей коллекции фальшивых фасадов и обратил наше внимание на банк, который грабили головорезы всех сортов по меньшей мере дюжину раз. Он показал нам также бассейн, где Джонни Вейсмюллер *(Олимпийкий чемпион в плаваниц, исполнявший главную роль в фильме «Тарзан». — Прим. пер.)* сражался с резиновым крокодилом, дорогу, по которой Робин Гуд удирал от ноттингемского шерифа, наконец, и лучший образец киножульничества — большой водоем с огромным фоном, расписанным на стене прилегающего здания, вкупе с несколькими авиационными моторами и большими лопастями, приспособленными для производства бурь в сценах фильма «Мятеж на Баунти». Мы посмотрели и на семифутовую модель «Баунти» — нам сказали, что она нужна для сцены, в которой корабль сгорает.

Еще один взгляд на сказочные Мериленд и Диснейленд — и напряженная неделя закончилась.

Проблемы перед Пертом

К Британским играм в Перте я начал подготовку 5 июня, когда напряженный легкоатлетический сезон уже заканчивался. В будни мне удавалось наскрести несколько миль, бегая с работы и на работу, в уикенд я бегал гораздо больше и, наверное, в своем усердии перебрал. Во вторую неделю я пробежал в общей сложности 103 мили, примерно столько же было и в третью, а в четвертую неделю набегал всего около 60 миль из-за постоянных болей в «забитой» мышце.

Дополнительным осложнением явилась привычка местной общественности приглашать меня на собрания с выступлениями. Все это было довольно хлопотно, а я еще не научился убеждать какого-нибудь настойчивого организатора, что его группа — не единственная, желающая меня послушать. Я не мог отказать мягко и в то же время решительно, поэтому мне приходилось очень много ораторствовать, и это поглощало время, столь ценное для тренировки и отдыха.

Несмотря на «забитые» мышцы, я прошел через сезон кроссов как никогда успешно. Я выиграл чемпионат Окленда по кроссу на трассе длиной в шесть с четвертью мили в захватывающей борьбе с Биллом Бейли. Бег шел с переменным успехом, и в конце концов я победил Бейли, выиграв у него всего три ярда. За две мили до финиша Билл и я попеременно выходили вперед, стараясь оторваться, и разрывы достигали 30 ярдов. За полторы мили Билл был на 20 ярдов впереди меня. Увеличить разрыв ему не удавалось, и я рассчитал, что если к последней прямой сокращу разрыв до 5–10 ярдов, Билл будет готов. На последнем крутом подъеме Билл, к моему удивлению, замешкался, и за 500 ярдов до финиша я вышел в лидеры.

Но Билл никогда не сдается. Когда мы спустились на равнину и оставалось бежать ярдов триста пятьдесят, Билл яростно пробился вплотную к моему плечу, и в бескомпромиссной борьбе на финише мне едва удалось держать его в преследующей позиции.

Наивысшее достижение в кроссе пришло три недели спустя, на национальном первенстве в Тарадейле. Я планировал провести это соревнование лидируя с самого старта — я всегда предпочитаю такую тактику в кроссах, в отличие от выступлений на дорожке.

За день до соревнований я пошел посмотреть трассу. Намечая осторожный спуск в крутой овраг, я подумал: «К черту, я не

собираюсь ломать здесь ноги накануне Британских игр».

Но на следующий день, достигнув первым вершины холма и возбужденный радостью бега, я выкинул из головы все мысли о Перте. Я ринулся вниз сломя голову, чтобы оторваться еще больше.

Я не терял лидерства ни на мгновение и на финише выиграл у второго — это был Пэт Сайдон — 41 секунду. Пэт выиграл у третьего 15 секунд, а четвертым, спустя еще 16 секунд, пришел Джефф Джулиан.

Этот бег был одним из тех, где я просто не мог остановить свободный полет. Я отлично справлялся с трассой, спринтовал, поднимаясь на холмы, и в полную силу спускался с вершин. Даже на последнем круге, когда я не сомневался, что завоевал наиболее почетный для себя титул новозеландского чемпиона, взбираясь на один из самых крутых пиков на трассе, я не перешел на ходьбу.

Несмотря на огромный подъем от этой победы, я отдавал себе отчет, что тренировка на выносливость проходит у меня не особенно хорошо. На высоком накале я состязался уже шесть месяцев, и теперь все говорило за то, что скоро наступит время, когда начинается естественная депрессия в тренировке. Я был на краю бездны, как физически, так и психически.

Поддерживать напряжение тренировок стало очень тяжело. Если предостерегающие симптомы оставить без внимания, то можно очень легко подцепить простуду или какое-нибудь иное недомогание, которое и заставит сделать необходимую передышку.

Я принял во внимание симптомы депрессии и начал тренироваться осторожно, не напрягаясь, а в конце августа перешел к тренировке по холмам, с прицелом на Перт. Я начал ее, не имея в резерве нескольких недель по 100 миль, но меня поддерживала мысль, что я хорошо побегал в кроссах.

Из-за отсутствия транспорта мне было нелегко добираться до артуровой замкнутой холмистой трассы Баундари-роуд в Блокхауз-Бэй, где тренировались Барри и Бейли. Не мог я добираться и до Эйр Стрит, где бегали Мюррей и Джефф.

Я выбрал поэтому холм на Вестерн-Спрингз. Он был короче и значительно круче, чем другие холмы, но я уже успешно использовал его раньше.

Однажды — это случилось через полторы недели тренировок на этом холме — я почувствовал острую боль под сводом стопы. Домой я кое-как добрался, но на следующий день мог лишь едва-едва передвигаться. Я заковылял к доктору, мне сделали рентгеновский снимок, и обнаружилось, что у меня сломана кость

плюсны. Наверное, причиной этому были сильные напряжения на крутых подъемах.

Это был жестокий удар. Случившееся означало, что целый месяц вся моя тренировка будет заключаться в массаже и прогревании. То и другое я делал как можно чаще, а дни пролетали, и Британские игры подходили все ближе и ближе.

Тренировку я возобновил 1 октября, в тот самый день, когда доктор сказал: «Все в порядке». Я жаждал наверстать упущенное и, сознавая, что в оставшееся время многого не сделаешь, перешел на трехразовую ежедневную тренировку. В 6 часов утра я пробегал восемь миль по трассе для гольфа, затем в течение получаса перед завтраком бегал трусцой в парке Виктория и еще полчаса вечером на трассе для гольфа.

Из-за такого режима у меня возобновились тупые и острые боли в других суставах. То ли мои бедра были перегружены, то ли колени были слабыми, а может быть, все беды происходили оттого, что, жалея поврежденную ногу, я перегружал другую.

Прошла неделя, и я решил пробежать милю вполсилы в Вестерн-Спрингз, чтобы узнать, в какой я сейчас форме. Обычно в начале сезона милю вполсилы я пробегаю за 4.20,0 и бываю этим доволен. Но на этот раз я показал 4.41,5. Я совершенно расстроился.

Через пять дней я стартовал на милю в Пухои и на мягкой траве улучшил свой результат до 4.31,0. Еще через два дня я пробежал прикидку на три четверти мили за 3.14,0, а на следующий день три мили за 15.45,0, более чем на минуту хуже, чем в аналогичных прикидках перед рекордными забегами в начале года.

Теперь я уже серьезно сомневался, что смогу пробежать в Перте оба вида, и чувствовал, что без достаточной подготовки в состоянии подвести себя достаточно надежно к хорошей полумиле, но с милей дело обстояло по-другому.

Миля — это настоящая проверка готовности. Вы можете выдавить из себя быстрые 880 ярдов, но миля во всех случаях сортирует бегунов на мальчиков и мужчин.

До игр оставался один месяц. Приобрести за это время настоящую готовность к бегу на милю казалось безнадежным.

22 октября я выступал в гандикапированной полумиле на соревнованиях в Окленд-Домейн. Я попал в один забег с Филпоттом, который, как и я, был включен в команду на Британские игры. Я ожидал, что Гарри даст мне хороший соревновательный стимул. Но Гарри, у которого тренировка проходила исключительно хорошо, даже не пришлось бороться со мной. Уже на первом круге я отчаянно сражался, чтобы только

удержаться рядом с ним. Мы пробежали первый круг за 53 секунды. На следующем же повороте я совершенно выдохся. Я закончил бег, показав 1.56,0, далеко позади Гарри, который пробежал полмили за 1.53,4, и для него это было, учитывая сильный ветер, вполне прилично.

Это соревнование, несмотря на поражение, стало одним из камней, по которым я мог перебраться назад, к берегу настоящей физической готовности. То, что я впервые в этом году потерпел поражение, едва ли могло обесценить тот факт, что я точно узнал степень своей готовности.

Местные утренние газеты вышли с огромными заголовками, возвещавшими читателям, что цепь моих побед оборвалась, но я был более озабочен, размышляя, на что это событие указывает в будущем.

Борьба, которую я в подавленном состоянии вел за возвращение готовности, имела свои светлые стороны. Одна из них проявилась в конце октября, когда однажды вечером я пробежал на тренировке 10 по 440 ярдов через 440 ярдов восстановительной трусцы, в среднем за 59,5 секунды каждые. В этот вечер я почувствовал, что при тщательной подготовке и отсутствии новых помех я, наверное, смогу приехать на игры в нужной форме.

Перед самыми играми я испытал огромное потрясение — после долгой болезни умер мой отец. Я был повергнут в такой же шок, как и в 1957 году, когда впервые узнал, что случилось с отцом.

Тогда я был в пансионе школы на горе Альберта, и ужасную весть привез мне священник из нашей пресвитерианской церкви в Те Арохе. Он приехал, чтобы отвезти меня домой. Я очень плохо себе представлял, что такое паралич, и, хотя тогда по дороге в Те Ароху он пытался объяснить мне положение дел, я, как и все члены нашей семьи, всегда верил в то, что отцу будет лучше. Однако его состояние не улучшилось до самой смерти.

В течение последних лет я, насколько мог, привык к его положению и думаю, что моя решимость преуспеть в жизни была вызвана именно его беспомощностью.

Недуг сразил его в самый критический момент моей жизни. Я знаю, что многие парни в детстве и юности никогда не знали своих отцов, но я переживал такой этап жизни, когда мне нужно было получить ответ на многие вопросы, и отец ничем не мог мне помочь. Возможно, поэтому я так сильно привязался к Артуру и был готов следовать любым его указаниям, находя в нем опору в течение первых лет нашей совместной работы.

С болезнью отца я почувствовал большую ответственность за

судьбу матери, и в 1958 году, когда я начал работать, мы с братом затратили очень много времени на постройку дома для родителей в Пьюкекоу. Мы хотели, чтобы вся семья была вместе, если случится беда.

Каждую пятницу вечером я приезжал на автобусе из Окленда в Рансимен, переодевался в ближайшем гараже и бежал до Пьюкекоу. Там мы напряженно работали весь уикенд, и в воскресенье вечером я бежал обратно в Рансимен и оттуда автобусом ехал в Окленд.

Вероятно, из-за болезни отца я стал взрослым раньше времени. Вплоть до паралича он был самым лучшим моим другом. С ним я чувствовал себя особенно хорошо, и, как мне говорили, он тоже любил меня более всех других детей в семье. В моих глазах он, конечно, был большим человеком, и мне было очень больно видеть его лишенным способности говорить, парализованным на одну сторону и страдающим от преждевременного прекращения активной жизни.

Его болезнь побудила меня взглянуть на себя со стороны. Если появятся какие-то симптомы высокого кровяного давления или что-то подобное, мне следует быть очень осторожным. Я всегда был противником жирной жареной пищи, склонность к которой вкупе с характером труда и другими обстоятельствами, несомненно, повлияла на заболевание отца.

Потеря отца печально отразилась на моем общем психическом состоянии, но, как я уже сказал, светлые места помогают преодолеть черные. Пришло время участвовать в прощальной встрече 3 ноября в Вестерн-Спрингз. Эти соревнования должны были стать еще одной проверкой моей готовности.

Кроме уверенного в себе Филпотта со мной в забеге бежал Джон Дэвис. Гарри, как обычно, начал бег очень быстро и после первого виража оторвался от нас на 10 ярдов. Я решил бежать как можно равномернее и показать 1.50,0–1.52,0. Поэтому я прошел первую половину дистанции за 56,0, отставая от Гарри на две секунды.

Я был в восторге от того, как бежалось. Я бежал энергично и на последнем вираже догнал Гарри. При выходе на прямую я обошел его и закончил бег первым со временем 1.50,9. Джон пришел вторым — 1.51,8 и Гарри — третьим — 1.52,0.

Мюррей продемонстрировал великолепную форму, выиграв три мили с результатом мирового класса — 13.18,6. В то время он казался главной надеждой в новозеландской команде.

Самолетом мы прибыли в Перт и были встречены огромной толпой, ожидавшей нашего приземления в течение нескольких

часов. Мы сели в автобус и через Перт проехали 12 миль в Спортивную деревню, специально построенную для Британских игр. Это был новехонький ультрасовременный пляжный городок из маленьких отдельных домиков. После игр эти дома продали. Я поместился в одной комнате с Барри Мэги и Тедом О'Кифи. Квартиры были по-настоящему удобны, и было предусмотрено все, чтобы придать им обжитой вид. На нескольких склонах вокруг домов непрерывно работали разбрызгиватели, чтобы помочь росту новой травы.

Все бегуны на выносливость в нашей команде собрались вместе, и мы отправились трусцой разведать местность. Неподалеку мы отыскали площадку для гольфа. Она выглядела идеальным местом для проведения утренних пробежек.

Началась предсоревновательная шумиха, и газетчики стали разыскивать нас с Мюрреем особенно усердно. Когда мы начали тренировки на малоизвестной травяной дорожке во дворе ближайшей школы, чтобы избежать толкотни на переполненной гаревой дорожке рядом со стадионом Перри-Лейкс, они нас обвинили в том, что мы вынашиваем какие-то секретные планы, наподобие тех, какие были у Баннистера, Брешера и Чатауэя в 1954 году в Ванкувере.

В Перте атмосфера была совершенно иной, чем на Олимпиаде в Риме. За исключением нескольких видов, игры не представляли собой состязаний спортсменов мирового класса. Напряжение было гораздо меньше, чем в Риме. В беге на 880 ярдов, например, вся моя оппозиция как будто бы сводилась к одному бегуну — Джорджу Керру, а забег на милю, хотя о нем много говорили, в сущности, не оказался действительно международным соревнованием.

Все же ходили фантастические слухи и возникали невероятные домыслы. Я тоже стал объектом ложной информации, после того как пробежал прикидку на 660 ярдов за 1.20,6. Спустя несколько часов в деревне уже говорили, что я показал фантастический результат, где-то около 1.16,0, и все верили чему угодно, только не правде.

Разумеется, схватка между мной и Джорджем на полмили должна была бы быть одним из захватывающих состязаний игр. Из-за своих недавних сомнений я воздерживался делать какие-либо прогнозы в прессе, зато тренер ямайской команды Герб Мак-Кинлей не переставал рекламировать Джорджа.

«Я сказал ему, что он может побить Снелла, — говорил Герб. — Он понимает теперь, что все шансы у него в руках, и он ничего не упустит». Все тренеры одинаковы.

Далее Герб говорил, что для Джорджа есть два разумных пути

использовать свое превосходство в скорости: либо сразу установить высокий темп, либо вести бег с пониженной скоростью и сохранить силы до финиша. Он добавлял при этом, что воспитал в Джордже дух «убийцы», и это должно сделать его гораздо более опасным для меня, чем в предыдущие наши встречи.

Другим заявлением, вызвавшим у меня раздражение, было сообщение о намерении канадца Брюса Кидда дать мне урок на миле. Поскольку этот чересчур самоуверенный юноша собирался еще и выступать на трех милях, шести милях и в марафоне, он показался мне не совсем нормальным. Брюс действительно выступил в трех видах, и хотя победил в одном, в остальных выглядел весьма бледно.

Был еще один отчет, последовавший за интервью, где я сказал, что, по-моему мнению, для победы на 880 ярдах и миле потребуется показать соответственно 1.47,0 и 3.57,0. В газетном сообщении это время было представлено как моя цель в состязаниях.

Программа соревнований на полмили была составлена так же, как в Риме, — с двумя квалификационными забегами в первый день. Мой первый забег выглядел сравнительно слабым, но поскольку оставляли только двоих, мне пришлось пробежать дистанцию за 1.50,7. Я выиграл у второго четыре фута. Гарри достался второй забег, в котором бежали сильные английские спортсмены — Флит и Венк, и он попал в затруднительное положение. С одной стороны, он хотел, как всегда, провести бег, предложив со старта высокий темп, а с другой — ему нужно было сохранить силы для последующего второго забега. В результате на финише его перехитрили оба более опытных англичанина, и он выбыл из игры. Это было еще одним доказательством глупости идей фронтального бега, к которым Гарри всегда привержен.

Питер Френсис, не известный дотоле бегун из Кении, со старта повел бег в третьем забеге и показал наилучший результат — 1.50,6. Я решил, что если он такую же манеру лидирования сохранит и в финале, его следует считать опасным противником. Джону Дэвису выпало бежать в четвертом забеге против Джорджа. Он заставил ямайца пробежать дистанцию за 1.51,1 и был вторым. Пятый забег выиграл Терри Салливен, бегун более известный своими выступлениями на милю. Он показал 1.52,7. В шестом первое и второе места поделили канадец Билл Крозерс, тот самый, что преследовал меня на закрытой дорожке в начале года, и австралиец Тони Блю— 1.51,4. Следует заметить, что температура воздуха во время за бегов достигала почти 40 °С.

Дорожка была очень твердой, и просто невероятно, что на

таком маленьком отрезке, как 880 ярдов, я стер себе пальцы на ноге. После этого уже не кажется удивительным, что многие бегуны на длинные дистанции от этого страдают постоянно.

Второй круг квалификационных забегов оставлял трех первых. Джордж, Тони Блю и Френсис выкинули Джона в первом полуфинале. Крозерс, к всеобщему удивлению, был здесь пятым. Полуфинал выиграл Джордж за 1.50,4. Я смог выиграть секунду, показав 1.50,5, у Тони Харисса и Майка Флита.

Из бегунов с международной репутацией остались лишь трое — Джордж, Тони Блю и я. Казалось, что борьба за медали развернется теперь только между нами.

Игра в выжидание

Как и в Риме, в финале бега на 880 ярдов в Перте мне досталась внешняя дорожка. Это означало, что до тех пор, пока мы не сойдем со своих дорожек, — а это произойдет на выходе из первого виража, — мне будет очень трудно увидеть, что делают другие бегуны, и в особенности Джордж, вытянувший третью дорожку. Перед финалом газеты писали, что Джордж собирается пробежать первый круг с бешеной скоростью, поэтому я решил следовать за ним и не отпускать его далеко.

Раздался выстрел, и я быстро ушел со старта. Когда мы достигли первой прямой, я, к своему удивлению, обнаружил, что стал лидером. Я слегка замедлил бег и пропустил с внутренней стороны Френсиса и последовавшего за ним Флита. Я продолжал бежать далеко от бровки — это давало мне возможность узнать, какую позицию занял Джордж. И неожиданно для себя увидел его в хвосте забега.

Мне удалось перед вторым виражом протиснуться на третье место и, таким образом, не пришлось бежать по повороту в середине дорожки. Я надеялся, что Френсис проведет нас первый круг с достаточно высокой скоростью. Я пробежал мимо гонга, услышал свое время — 54 секунды и тотчас достал Флита, чтобы никто из бегунов не смог меня заблокировать.

Теперь я бежал по виражу далеко от бровки, чувствуя, что нужно немедленно что-то предпринять. Медленный темп был на руку Джорджу.

Однако мне совсем не хотелось выходить вперед так рано. В отличие от других соревнований, где я мог мгновенно принимать решения, здесь все было по-другому. Я никак не мог решить, броситься ли мне вперед и создать разрыв или продолжать бег в том же темпе, рискуя нарваться на неприятности. Мы шли некоторое время вялой трусцой, и когда я наконец принял решение, у меня уже не было преимущества внезапности. Увидев, что я пошел в полную силу, Джордж легко последовал за мной. Широким шагом мы прошли поворот, и, выходя на последнюю прямую, я повернул голову налево, чтобы посмотреть на результаты своего рывка. Хорошо скроенной темной фигуры Джорджа нигде не было видно. Я повернул голову направо и тотчас увидел, как Джордж пытается меня обойти. Мы вышли на прямую почти одновременно, и я включил последние силы в финишный спринт. Внезапное потрясение от неожиданного появления Джорджа быстро улеглось. Он не мог обойти меня, и я

тотчас понял, что он уже на пределе и в конце прямой я у него выиграю. Он сломался лишь за 20 ярдов до ленточки, и на этом отрезке я выиграл у него два ярда. Я показал 1.47,6, побив рекорд игр, установленный Гербертом Эллиотом. Впервые после победы Пэта Бутса на играх в Сиднее в 1938 году чемпионом в беге на полмили стал новозеландец.

Это было одно из моих труднейших состязании, еще одно в добавление к тем восьми, во время которых между мной и Джорджем развилось жестокое соперничество. Одновременно это был еще один забег, ярко продемонстрировавший разницу между быстрым спринтером и относительно медленным бегуном, тренированным на выносливость.

Тони Блю, как и следовало ожидать, был на финише третьим — 1.49,0.

Этот день для Новой Зеландии был особенно удачным, Дорин Портер и Дэйв Норрис получили серебряные медали за выступления в беге на 100 м и в прыжке в длину. Мюррей продемонстрировал свое неоспоримое превосходство в беге на три мили. Я очень удивлялся, видя, как он нервничает из-за участия в забеге Кидда. Хотя результаты этого канадца и выглядят сенсационными для юноши 19 лет, все же они не представляют ничего выдающегося, если противопоставить им достижения бегунов такого калибра, как Халберг.

Я всегда понимал, что Кидду вредила реклама, основанная не столько на реальных его достижениях, сколько на больших обещаниях. Кидд всегда был слишком уверен в себе, и никогда еще его большие обещания не сбывались.

Забеги на милю начались через три дня. Я вытянул сравнительно тяжелый забег и дал выиграть его Олби Томасу. Он показал 4.02,2, я — 4.02,4 и Брюс Талло — 4.02,5. Это соревнование было одним из самых легких в моей практике, и, несмотря на жару, я чувствовал, что мне ничего не стоит выбежать из четырех минут.

Для сравнения замечу, что Терри Салливен и Джон Дэвис свой забег пробежали, показав 4.06,6 и 4.06,7, а третий забег выиграл Тони Блю с удивительно посредственным результатом — 4.09,5.

Финал был назначен на следующий день. После долгих колебаний я согласился бежать утром последний этап в эстафете 4 по 440 ярдов. План был таков: если мы к этому этапу не потеряем надежды на зачетное место, я бегу всерьез, если потеряем, — экономлю силы для последующей мили.

Мое решение участвовать в день финала в дополнительных соревнованиях некоторые расценили как пренебрежительное

отношение к моим противникам на милю.

Когда я получил палочку, наша команда шла на третьем месте. Я стартовал, имея всего лишь несколько ярдов преимущества перед Крозерсом, и поэтому с самого начала форсировал спринт.

Я пробежал очень напряженно 220 ярдов, и здесь Крозерс развил бурный спурт и легко обошел меня. В результате я пробежал в полную силу, а в зачет мы не попали.

Финал на милю, по мнению многих, был самым разочаровывающим состязанием на играх. Традиция, установленная Баннистером в Ванкувере, когда он одержал победу над Джоном Лэнди и выбежал из четырех минут, и закрепленная затем Эллиотом в 1958 году, была грубо попрана, от меня ожидали нового рекорда, а я выиграл титул чемпиона, показав всего лишь 4.04,6.

Знаменитый американский тренер Франц Стампфл, которому приписываются большие заслуги в достижении Баннистером первого в мире результата меньше четырех минут на милю, сказал: «Это был единственный забег, исключая, пожалуй, три мили, где никто не пытался показать, на что он способен, на протяжении всего соревнования».

Перси Черутти, тренер Герба, отозвался об этом беге в целом и обо мне в частности еще более едко.

Я разговаривал с Черутти перед самым стартом. Он каким-то образом ухитрился проникнуть за дорожку, на площадку, отведенную у кромки поля для бегунов — участников соревнований и фотокорреспондентов. Я в это время снимал костюм, собираясь отправиться к стартовой линии. С явным намерением обратить на себя внимание Черутти помахал мне рукой и громко сказал: «Иди и установи новый рекорд игр. Я знаю, ты можешь это сделать». Несомненно, он верил, что я могу побить рекорд, и действовал для рекламы, представляясь человеком, который призвал меня к рекорду перед самым его установлением.

Однако я сопоставил все условия, включая и мое физическое самочувствие, и решил играть в ожидание. Я сказал Черутти, что буду вполне доволен, если удастся провести бег легко. В конечном счете, Британские игры не место для дурацких показательных или виртуозных выступлений; может быть, сорокапятитысячная толпа и герцог Эдинбургский и ждут фейерверка, но мне нужна победа, и я не собираюсь развлекать народ, рискуя потерпеть неудачу. Я знал о тактических намерениях Джона и решил быть наготове, когда он сделает свой рывок.

Первый круг мы пробежали за 66 секунд и никто не хотел терять свои шансы в напряженном лидерстве навстречу сильному ветру. Талло, раздосадованный, что ему приходится тащиться еле-еле, бросился вперед и проскочил второй круг за 60 секунд. За этот маневр он заплатил дорогой ценой.

На третьем круге скорость снова снизилась, а когда прозвучал гонг, все участники забега бежали в одной куче. Результат на три четверти мили был 3.09,0.

Джон, следуя своему плану, вышел вперед и, пройдя вираж далеко от бровки, пытался создать разрыв на предпоследней прямой. Удивительно, просто невероятно, но из всей кучи только Терри Салливен и я преследовали, а лучше сказать, были в состоянии преследовать его.

Джон бежал ярда на два впереди Терри. Я обошел Терри и придвинулся к плечу Джона. В этой позиции я оставался весь последний вираж, и всякому, кто попытался бы здесь меня обойти, пришлось бы туго.

В начале прямой я обошел Джона и повел бег с отрывом в два ярда. Это положение не изменилось до самого финиша. Джон показал 4.05,1 и Терри — 4.06,6.

Несмотря на то что начальная скорость бега была очень низкой, из всех бегунов только Джон, Терри и я смогли пробежать последний круг меньше чем за 60 секунд.

Блю был четвертым — 4.09,4, Томас, уверенно показавший в забеге 4.02,2, пришел пятым с жалким временем — 4.11,2, а Талло, у которого хватило идиотизма сделать то, чего все ждали от меня, добрался до финиша через 4.20,0. До этого в своем забеге он показал 4.02,5.

Приведенные результаты участников забега, среди которых были спортсмены, имевшие личные рекорды меньше четырех минут, дают наглядное представление об условиях, в которых проходил финал на милю.

Одним из раздражающих последствий этого соревнования были неуклюжие попытки некоторых новозеландских спортивных обозревателей оправдать меня в глазах публики. Особенно усердствовал один оклендец, который провел глубокий анализ причин с примерами из истории и использованием психологических методов для разрешения этой кажущейся загадки, в сущности не содержавшей в себе ничего загадочного. В пертской миле, насколько я могу судить, не было ничего таинственного.

Эта победа (неважно, была ли она достигнута или подарена) подвела итог величайшему году в моей спортивной жизни. В этот год такие авторитетные издания, как «Рейтер», «Уорлд-Спортс» и

«Американ Трэк Энд Филд Ньюз», поместили меня на первое место среди всех спортсменов мира. Я понимаю, что вряд ли можно сравнить силы двух людей, выступающих в разных видах спорта, и с уверенностью сказать, что этот лучше, а тот хуже, и тем не менее мне было очень приятно сознавать, что мои достижения получили такую высокую оценку.

Черное и белое

Поскольку Британские игры были проведены в самом начале новозеландского летнего сезона, представлялось вполне логичным, что календарь соревнований будет сдвинут вперед и соревнования начнутся где-то около рождества. Из того факта, что ведущие спортсмены были в наилучшей форме, должна была быть извлечена какая-то выгода.

Вряд ли было разумно планировать сезон как обычно, основываясь на том, что максимум спортивной готовности приходится на конец его, однако руководители НЗААА, казалось, решили не замечать очевидного и не предприняли никаких шагов для организации соревнований.

Артур действовал более решительно. Используя свое знакомство с американским тренером Биллом Бауэрманом, он начал переговоры о приезде в Новую Зеландию рекордной четверки Бауэрмана из Орегона, той четверки, которая побила наш рекорд в эстафете 4 по 1 миле. Когда стало ясно, что национальный комитет намеревается сорвать это рождественское мероприятие, Артур нашел попечителей — фирму Ротменов, и те взялись привезти американскую команду в Новую Зеландию. Таким образом, НЗААА была поставлена перед свершившимся фактом и изменить положение уже не могла.

Вскоре после Перта я был заявлен на милю в Иллерсли, и это соревнование доставило мне немало беспокойств. Каким-то непонятным образом я недооценил Билла Бейли как противника в предстоящем состязании, хотя мне не раз уже приходилось сталкиваться с этим замечательным спортсменом. Мы постоянно соперничали, и при этом настолько сильно, что почти всякая совместная наша тренировка в конце концов заканчивалась схваткой.

Миля в Иллерсли не была исключением. Бежать предстояло пять кругов, и я вышел на старт, намереваясь провести показательное выступление. Меня мало беспокоило, что Билл держится сзади. Я был совершенно уверен, что за четверть мили до финиша без труда оторвусь от него.

Но Билл держался цепко. На предпоследней прямой он внезапно обошел меня и повел бег. Мне удалось восстановить свою позицию на повороте, но на протяжении всей остальной части дистанции мы вели отчаянную борьбу, и я не выиграл у него больше ни дюйма. Я победил с результатом 4.03,0. Такое же время показал и Билл. Результаты, учитывая существовавшие

условия, следовало признать отличными. Мы пробежали первую четверть мили за 60 секунд, полмили — за 2.01,0 и три четверти — за 3.03,0.

14 декабря меня пригласили в Веллингтон для вручения ордена Британской империи 3-й степени. Поразмыслив над проблемой, каким образом мне избежать затрат на переезды, я нашел наконец приемлемое решение. Я сообщил в веллингтонский легкоатлетический центр, что выезжаю и что хотел бы выступить в соревновании после награждения. Центр принял мое предложение, и я проехал бесплатно в оба конца. Я был очень удивлен, когда на этой полумиле, проходившей в Аппер-Наттс, в Мейдстоун-парке, мне удалось показать невероятно хороший результат — 1.47,8.

В это время я принял важное решение, значительно изменившее мою жизнь. Сигаретная фирма Ротменов предложила мне место (у них уже работал Артур). Это была фирма, которая собиралась финансировать предстоящее турне орегонской команды, и я, сознавая, что моей карьере землемера, которой я отдал уже четыре года, придет конец, все же не мог не видеть, что моя спортивная жизнь и ответственность за успех в соревнованиях ни в коем случае не согласуются с продвижением по службе в качестве землемера. Мне уже было заявлено, что землемерная фирма не настолько велика, чтобы позволить себе иметь служащего, отсутствующего пять-шесть недель в году.

Ротмены выразили уверенность, что человек, столь преданный спорту и столь преуспевающий в нем, направив свою энергию в бизнес (это случится, когда я закончу бегать), будет не менее удачлив и здесь. Они выразили готовность дать мне достаточные знания и тренировку в той области «спорта», которая именуется торговлей, а также предоставить мне руководящую должность, если я оправдаю их надежды.

Я долго и тщательно обдумывал предложение и наконец принял его. Само собой разумеемся, о моем решении тотчас стало известно широкой публике, и, конечно, нашлись не в меру благочестивые люди, которые сочли себя оскорбленными в своих лучших чувствах. По их мнению, если спортсмен связывает себя с табачной фирмой, то это пахнет искусно замаскированной проституцией и служит пагубным примером для молодежи. Это безапелляционное вторжение в мою личную жизнь во многих отношениях было обыкновенным свинством. Я не сожалею о принятом решении и не нахожу в нем ничего недостойного.

Приезд орегонской команды возбудил в Окленде огромный интерес, о чем свидетельствовала более чем двадцатитысячная толпа зрителей, пришедших в Вестерн-Слрингз несмотря на

дождь. Прогнозы в газетах, основанные на личных рекордах каждого из восьми участников состязания, подчеркивали возможность упорной борьбы и сенсационных результатов. Кроме того, говоря откровенно, публика всегда более расположена смотреть серию дуэлей в одном виде, чем отыскивать зрелище по всей программе разнообразных соревнований.

Фирма, финансировавшая соревнования, обеспечила участников белоснежными тренировочными костюмами, причем на спине у каждого большими синими буквами была выписана его фамилия. Я не особенно радовался, бегая там и сям с вывеской «Снелл» на спине, но из поступивших благожелательных отзывов публики было ясно, что идея распознавания бегунов, особенно в сумерках неравномерно освещенного стадиона, многим пришлась по душе. На разминке эти надписи были для публики маяками.

Тем не менее НЗААА отнеслась к этой затее совсем не благожелательно и приняла решение, указывавшее, что сочетание фамилии бегуна и формы, финансирующей соревнования, есть вопиющее нарушение любительских правил. Нам было приказано удалить одно из двух — либо фамилию, либо фирму. На следующих соревнованиях в Роторуа мы выступали уже без нашивок на спине, однако фамилии все же просвечивали, так как на белой основе остался след синей краски, подмоченной во время дождя в Вестерн-Спрингз.

Орегон выставил Вика Ривза, Арчи Сан Романи, Дайрола Берлесона и Кейта Фоурмена против Билла Бейли, Мюррея, Джона и меня соответственно. На первом этапе схватка между Бейли и Ривзом по своей остроте и напряженности была примерно такой, какую предсказывали газеты, и зрители не были обмануты в своих ожиданиях. Бег сопровождался непрекращающимся гулом толпы, а на последнем повороте, когда Билл обошел Вика, который лидировал до этого всю дистанцию, на стадионе начался невообразимый рев. При выходе из виража, подстегиваемые криками, они шли грудь в грудь. Внезапно стадион умолк. Двадцать тысяч зрителей замерли в напряженном молчании. Вик лежал в грязи у выхода на финишную прямую, а Билл продолжал бег в одиночестве.

В одно мгновение соревнование было испорчено. Вик поднялся и побежал дальше, но теперь, когда между командами оказался громадный разрыв, состязание превратилось в унылое чередование сольных выступлений на грязной дорожке без всякой надежды на приличное время. Все волнение исчезло. Это был действительно несчастный случай, но, как Вик мрачно отметил, «два спортсмена не могут бежать одновременно по одному и тому

же месту».

Намереваясь заманить на стадион огромные толпы свободных от работы людей, следующую встречу в Роторуа организаторы спланировали в день святок. Для спортсменов это время было крайне неудобным. По традиции новозеландцы распускаются и напиваются на рождество, а святки приходятся на один из дней, в которые полагается привести себя в чувство. Из этого правила и спортсмены не исключение, и я тоже.

Рано утром в день соревнований я попытался провести легкий бег трусцой, но, пробежав 300 ярдов, едва успел отыскать ближайшую изгородь. Я поплелся домой и там наведывался в туалет через каждые полчаса. Позвали доктора. Он прописал мне молоко, и, ничего не соображавший в горестном своем состоянии, я совершенно упустил из виду, что мой желудок вовсе не переносит молока. Мои страдания начались снова. Расстройство продолжалось и во время автомобильной поездки в Роторуа, и после соревнований вечером. Это было мне хорошим напоминанием о воздержании.

Вероятно, из-за того, что, упаковывая вещи к поездке, я был слишком рассеянным, мне пришлось бежать в Роторуа в той же форме национальных цветов Новой Зеландии, в которой я выступал в эстафете в Окленде. Обычно я бегаю в майке клуба Оуэйрейка. Джофф Джекман, тогдашний национальный президент, за это сделал мне выговор. Очевидно, это было нарушением правил, весьма смутно определяющих, когда можно выступать в национальных цветах, а когда нет.

Во время нашего европейского турне в 1961 году мы носили национальную форму, потому что так или иначе были официальной новозеландской командой, но в других турне я имел право выступать лишь в своей клубной форме. В своих ранних поездках после Римской олимпиады я обычно надевал клубную форму, лишь в важных состязаниях облачаясь в национальную.

Цвета клуба Оуэйрейка за границей ни о чем не говорят, но серебряное перо на груди увеличивает престиж страны, — конечно, если тот, кто его носит, на высоте положения. Понятно, какая выгода может быть от спортсмена, который тащится в национальных цветах в конце забега!

Во время встречи в Роторуа было холодно, как никогда прежде. Было настолько холодно, что, стянув свой костюм после разминки, я сразу замерз. Сильный ветер сделал лидерство поистине тяжкой работой, и никто из нас не имел желания выйти вперед и вести бег в напряженном темпе. Берлесон все еще надеялся на свой быстрый финиш, невзирая на урок,

преподанный ему в нашей схватке в Лос-Анджелесе, и тащился за моей спиной. Черную работу взял на себя Джон Дэвис и вел почти всю дистанцию. Незадолго до финиша я сделал рывок и пришел первым. Берлесон был вторым, а Джон третьим. Было до того холодно, что я поспешил в отель принять ванну, не дожидаясь, пока пройдут остальные виды.

Третья встреча проходила в Южном Кентербери, в городке Уэймейт, выбранном как из-за необыкновенного интереса, проявленного его жителями к легкой атлетике, так и из-за отличной дорожки, расположенной в живописной местности.

Нас и американцев снова поместили в разных отелях. Эта необычная практика оставляла нам очень малую возможность для того, чтобы общаться и лучше узнать друг друга. Даже развлечения не были у нас общими. Отчасти в этом были повинны американцы; они, например, отказались от поездки с нами на озеро Текапо, куда Дорин Портер, Дэйв Норрис и я отправились покататься на водных лыжах. Вспоминая об этой поездке, я, однако, не могу не признать, что американцы были дальновидны…

Катание на лыжах по воде всегда меня зачаровывало. Наблюдая лыжника, уверенно скользящего по водной глади, я всегда думал: «Черт возьми, уж если мои знакомые справляются с этим делом, то это, должно быть, легко». По этой причине я с радостью ухватился за приглашение попробовать свои силы в Текапо. Советом одного знатока не начинать учебу на свежей воде и особенно в таком месте, как озеро Текапо, где вся поверхность покрыта белыми барашками, как земля снегом, я решительно пренебрег.

После трех неудачных попыток устоять на воде, когда мои руки едва не вырвало из суставов, я наконец сообразил, что нужно отпускать веревку, если дела пошли плохо. В четвертой попытке мне удалось двигаться без перерыва целых 80 ярдов, однако удовольствие от такой езды было небольшое, потому что я скрючился до такой степени, что зад скользил по ледяной воде. Дрожа от холода, я повторил процедуру, стараясь на этот раз установить лыжи под правильным углом и прокатиться на ногах.

Я был настолько взбешен своей неспособностью овладеть этим с виду элементарным развлечением, что совершенно забыл о предстоящих на следующий день соревнованиях. Я твердо решил не дать побить себя этой детской забаве.

В конце концов мне удалось распрямить ноги, и, прежде чем плюхнуться обратно в озеро, я в течение нескольких секунд наслаждался весельем быстрой езды. Когда, однако, мне показали, как можно сделать то же самое на одной лыже, я снова

расстроился. Все же мои попытки имели, по крайней мере, тот результат, что за полчаса, проведенные на воде, мое отношение к специалистам по водным лыжам перестало быть насмешливым, и я переполнился к ним уважением.

Я несколько утешился, наблюдая, как выглядят на воде мои компаньоны. Джон был доставлен на стартовую позицию усилиями двух помощников. Здесь он, устремив лыжи в небо, немедленно сел на воду и в таком положении помчался вперед. Он не мог подняться и в то же время не решался, как и я сам, выпустить веревку из рук. Поэтому все, что мы могли видеть, была стена воды, за которой угадывались очертания Джона, что наводило на мысль о подводной лодке, которая хочет всплыть и не может. От второй попытки он отказался.

На следующий день от непривычных усилий при езде в согнутом положении по холодной воде я не мог ни развернуть плечи, ни поднять ноги. О том, чтобы быть первым в соревновании, я не думал; мне хотелось лишь знать, сумею ли я закончить дистанцию.

К началу состязаний толпа, в несколько раз превышающая население городка Уэймейт, заняла каждый доступный ярд площадки; люди сидели даже у самого края поля, рядом с бровкой. Первую половину дистанции (я бежал полмили) я с напряжением прошел за 54 секунды и на выходе в вираж — в том месте, где обычно поддерживают энергичный бег, — уже не чувствовал ничего, кроме ужасного желания отдохнуть. На вираже темп бега значительно снизился, но в начале предпоследней прямой кто-то энергично обошел меня сзади, Я подумал сначала о Берлесоне, но это оказался не Берлесон, а Арчи Сан Романи. Эта неожиданная атака встряхнула меня, и я бросился покрывать брешь. На финишную прямую Арчи, Берлесон и я вышли одновременно.

В схватке на последних 100 ярдах дистанции Арчи сдал, а я сумел выиграть у Берлесона несколько дюймов. Он настолько отчаялся в своей надежде побить меня, что перед самой ленточкой ухватил меня за правый локоть, пытаясь оттеснить назад. Этот момент был великолепно схвачен фотокорреспондентом на финише. Результат бега 1.48,0.

Теперь мы отправились в Нельсон, чтобы там повторить эстафету 4 по 1 миле. Эти соревнования должны были решить вопрос, какая же из команд на сегодняшний день сильнее. Эстафета в Окленде на этот вопрос ответа не дала. В Нельсоне нас приняли хорошо, что не трудно понять: эта ветвь веллингтонского центра обычно должна пересекать пролив Кука, чтобы увидеть сколько-нибудь значительное соревнование по

легкой атлетике. Мы чувствовали себя гораздо лучше, чем в Веллингтоне, где легкая атлетика в загоне и спортсмены по какой-то непонятной причине не любят бегать. Я часто удивлялся, отчего бы это могло быть, но это так.

Я обнаружил, что комбинация каникул и спортивной деятельности далеко не в пользу последней, и понял так же, что одной форсированной подготовки к Британским играм недостаточно для последующих соревнований в сезоне.

Я чувствовал, что сажусь на мель.

Тем не менее вся наша команда была настроена не допустить нового провала, и мы решили бежать энергично, что бы ни случилось. Американцы, казалось, были настроены точно так же, если не считать Берлесона. Как команды мы были равны по силам, главным обрезом по той причине, что в состязании двух бегунов более слабый всегда имеет возможность отсидеться, заставить другого вести бег и таким образом избежать крупного поражения.

Билл снова бежал первый этап против Ривза и лидировал всю дистанцию. Он удержал свое лидерство в финишном ускорении и передал эстафету Мюррею с преимуществом ярда в полтора. На ветру Билл показал 4.07,5, и это было слабовато. Нам стало ясно, что соревнования снова превратятся в тактическую борьбу за победу, и ни о каком рекорде речи быть не может.

Арчи принял эстафету за Мюрреем и немедленно бросился в бой. На финише он передал палочку Берлесону, и тот стартовал, имея два ярда форы перед Джоном.

Берлесон, лучший результат которого был 3.56,8, получив эстафету, замедлил бег до трусцы, чтобы подождать, когда Джон, еще не выбежавший ни разу в жизни из четырех минут, не возьмет лидерства. Публика на стадионе была шокирована поведением американца.

Все мы знали, как Берлесон любит бежать сзади, однако в наших глазах и, я уверен, в глазах остальных зрителей сознательное замедление бега выглядело пренебрежением к труду своего товарища по команде, который отвоевал для него эти два ярда в тяжелой борьбе. Непонятно, на что рассчитывал Берлесон. верил ли он в то, что таким способом обеспечит своей команде победу на последнем круге, или этот шаг нужен был ему для сохранения собственного престижа?

Как бы то ни было, Джон, зараженный этим маневром, пробежал первые три четверти мили не торопясь, за 3.17,0, и только на предпоследней прямой Берлесон решился обойти его. Он прилагал огромные усилия, что бы сделать разрыв, но они принесли американцам всего два ярда преимущества. В сущности,

Берлесон ничего не добавил к тому, что сделал для команды Арчи, и я, ожидавший, что мне придется покрывать огромную брешь, теперь преспокойно мог преследовать Кейта Фоурмена, идя за ним по пятам.

Кейт бросил вызов, от которого отказался Берлесон, и пробежал первый круг за 58,7, однако ветер сделал свое дело, и мы прошли под гонгом с временем 3.04,7. В финишном спринте я выиграл у Кейта три ярда и показал на этапе 4.02,2. На протяжении всего бега я не чувствовал легкости и, когда Кейт заметно сдал после более чем трех кругов лидерства на ветру, включился в спринтерский бег с большим напряжением.

Для новозеландцев эти соревнования все же не решили вопроса, какая команда лучше.

Возможно, теперь мне следовало прекратить выступления в этом сезоне, однако я соблазнился перспективой пробежать милю в Данедине в присутствии королевы. Соревнования должны были проводиться на новой дерновой дорожке, пригодной для любой погоды, и Джон на ней недавно уже показал 4.00,9. Было очевидно, что для него представляется крупнейшая возможность сломать четырехминутный барьер. Я знал, что нахожусь в плохой форме, — я уже начал расплачиваться за напряженный 1962 год, — и поэтому для меня не было неожиданностью, когда это соревнование превратилось в одно из самых трудных в моей жизни испытаний и потребовало от меня мобилизации таких резервов, о наличии которых я даже не подозревал.

Перед соревнованиями на милю в Данедине мы с Джоном договорились пробежать ее прилично, невзирая ни на что. Королева видела на миле Баннистера, но она никогда не видела забега с результатом менее четырех минут. Мы чувствовали, что можем доставить ей такое удовольствие.

Первый круг нас должны были провести, но лидер удрал вперед на 10 ярдов, и нам пришлось бежать с напряжением, чтобы успеть войти с ним в контакт до конца первой четверти. Мы показали 59 секунд. В начале прямой, противоположной финишной, темп бега замедлился. Я решил расстаться с тактикой, рассчитанной на победу, и взял лидерство, чтобы сохранить темп бега в рамках четырехминутного графика. С большим напряжением мы прошли полмили за две минуты. Мне было очень трудно вести бег, и я был благодарен Джону, когда он вышел вперед на том же самом место, где подхватил лидерство я.

В этот момент соревнования решительный рывок со стороны Джона мог бы принести ему победу. Однако он бежал ровно, очевидно и не подозревая о борьбе, которую приходится мне вести. При подходе к виражу я чувствовал, что вот-вот сдам и

потеряю контакт с ним. Никогда до этого я не испытывал такой усталости столь рано, а рассчитывать на дополнительный рывок ярдов в двести или около того не приходилось, так как до финиша оставалось бежать гораздо дальше.

Когда мы вышли на прямую, я проигрывал Джону четыре ярда. С усилием я покрыл эту брешь на прямой, и когда мы подбежали к гонгу, у обоих было время 3.02,0. Темп бега стал возрастать, и на предпоследней прямой Джон дважды оборачивался, а затем всякий раз немедленно увеличивал скорость. Уверен, что если бы он знал, какими тонкими нитями я к нему психически привязан, он не стал бы дожидаться, пока я начну спринтерский бег. Но он дождался.

Я бросился вперед, убеждая себя, что если выдержу агонию последних метров прямой и поворота, на финише у меня появится шанс быть первым. Я дотянулся до плеча Джона и бежал с ним рядом по повороту, не отпуская его ни на дюйм. Прямая развернулась перед нами, и где-то очень далеко была ленточка.

В полуобморочном состоянии, не обращая внимания на то, что ноги, измученные тяжелой молотьбой по твердому грунту, уже меня не слушались, стиснув пальцы в кулаки, я бросил себя вперед и выиграл у Джона два фута. В отчаянной схватке на финише это было все, в чем я нуждался; после этого броска вплоть до самой ленточки Джон и я оставались разделенными ровно двумя футами.

Я чувствовал, что результат должен был быть лучше четырех минут. Так оно и оказалось, но 3.58,6 — это было самой слабой милей из четырех минут, которые я пробежал до этого. Джон был лишь на две десятых сзади — 3.58,8, Сломив четырехминутный барьер, он стал одним из героев встречи. Вместе с ним победителями были 19-летний Джофф Пайн из Кентербери, в превосходном финальном спурте победивший Невилла Скотта в беге на три мили с результатом международного класса — 13.30,9; Мариз Чемберлейн, сбросившая 1,9 секунды со своего новозеландского рекорда в беге на 880 ярдов и показавшая 2.05,2; Кивин Гиббонс, положивший наконец предел господству Мерва Ричардса в прыжке с шестом. Да, этот вечер был замечательным событием в новозеландской легкой атлетике.

Позднее я отобрал свой титул чемпиона Окленда в беге на полмили, но пропустил национальный чемпионат. Я решил, что пришло время покончить с неумеренными тратами и возобновить истощенные резервы.

В феврале я погрузился в колею легкого, длительного, медленного бега и не делал ничего другого вплоть до мая, когда наконец у меня появился шанс расправиться с дутым

американским героем Джимом Битти.

В играх Истер-Хайленд, проведенных в Хастингсе, я выиграл дубль — 880 ярдов и милю, показав 1.50,0 и 4.00,8. Это доказало мне, что быстрота может быть быстро восстановлена, если общая подготовка проведена успешно, однако я еще не был убежден, что достаточно подготовлен для международного турне. Как и оказалось, успех в Америке был единственный, на который я мог рассчитывать. Эти соревнования снова опустошили кое-как возобновленные мной запасы.

Визг над Гавайями

Возможность снова выступить в Америке и наконец добраться до Битти совпала с моей свадьбой с Салли. Я был счастлив вдвойне, потому что эта поездка становилась одновременно и нашим чудесным медовым месяцем.

Я несколько беспокоился за результаты выступлений, поскольку не был уверен в достаточности своей подготовки. Я решил тогда, что если мне не разрешат взять Салли с собой в ее первое путешествие за границу, я тоже никуда не поеду.

Впервые в жизни я выехал на соревнования без менеджера. В Гонолулу Мюррей и Артур должны были догнать нас и привезти с собой официального менеджера НЗААА Осси Мелвилла, но до этого времени отсутствие контроля и присутствие Салли делали перелет в Гавайи радостным вдвойне. Я не говорю уже о бутылке шампанского, которую Пан-Американская компания торжественно преподнесла нам как новобрачным на борту самолета. Салли, у которой от избытка чувств во время полета всегда теряется аппетит, выпила лишь маленькую рюмку, а с остальным справился я. Это хорошо соответствовало моему намерению полностью раскрепоститься.

На аэродроме в Гонолулу нас встретил мой старый друг Генри Ямасаки и завалил подарками. Как мы и договаривались, он организовал для меня пробежку, чтобы я мог акклиматизироваться и привыкнуть к гаревой дорожке перед перелетом в Соединенные Штаты.

Воскресенье мы посвятили нашим делам, однако я нашел время для прикидки на полмили за 1.49,5. Этот результат до некоторой степени удовлетворил меня, но все же год назад подобную прикидку я выполнил на секунду быстрее. Я очень хотел, но не был вправе надеяться, чтобы мои соревнования в США были не слишком трудными.

Во время трехдневной остановки в Гонолулу нас посетил Стэн Хэтти из Дилингемской корпорации. Он был полностью американизированным англичанином, и в свое время ему удалось получить права на вождение самолета. Он предложил нам посмотреть на остров из его четырехместного самолета, и мы соблазнились. Это было именно то удовольствие, которого я лишился в предыдущей поездке из-за чрезмерного усердия Джоффа Джекмана.

На обратном пути Стэн решил развлечь нас фигурами высшего пилотажа, Салли решительно этому воспротивилась, но я

сохранял молчаливый нейтралитет, и поэтому Стэн перевел машину в резкое пике. Возможно, он при этом слегка перестарался — не знаю, однако мотор перестал работать, сумка с моих коленей и пачка сигарет из кармана стэновой рубашки с огромной скоростью полетели к потолку, а Салли, повисшая над быстро надвигающимся океаном, пронзительно завизжала. В этот момент мне показалось, что наступил конец света. Перед самой водой Стэн, однако, выправил положение и, невзирая на протесты Салли, небрежно сделал еще несколько «бочек» и других менее энергичных трюков. После этого мы возвратились на поле.

Мюррей, Артур и менеджер прилетели в среду утром, и мы все вместе полетели в Лос-Анджелес. Глядя на них, я порадовался еще раз, что во время этого длинного и утомительного перелета мы с Салли все же сделали остановку.

Мы прибыли в Лос-Анджелес в разгар перебранки между местным легкоатлетическим клубом и организаторами турне за право использовать «Колизеум-Стэдиум» для клубных соревнований 16 июня. В этих соревнованиях клуб хотел заработать на схватке между мной и Битти. Из-за того, что хозяева стадиона не хотели этому содействовать — они уже запланировали битву «Снелл против Битти» на другой день, — тренер Лос-Анджелесского легкоатлетического клуба Михали Иглои вытянул Битти и других бегунов своей первоклассной команды из остальных соревнований турне.

Журналисты, официальные представители клуба, организаторы турне и члены ААЮ нагрузили Салли букетами роз и набросились на меня. Поначалу я не знал, чего от меня хотят, но Битти дал совершенно ясно понять, что он не собирается выступать вместе со мной до тех пор, пока это не будут соревнования, организованные для его клуба. Поскольку он был лучший милевик в Америке и к тому же ни разу не выступал против меня в споре такого рода, все преимущества были на его стороне. Я понял наконец, что все дело, вероятно, вертится вокруг моего согласия на выступление 16 июня, а это было бы дополнением к первоначальной программе турне.

Как бы то ни было, в разгар споров Битти заявил, что в первом состязании турне, запланированном на пятницу в «Колизеуме», он побежит 5000 м против Мюррея. Моими соперниками оставались Дайрол Берлесон и Том О'Хара, второй в мире бегун, пробежавший милю меньше чем за четыре минуты на закрытой дорожке.

Из соображений экономии мы с Салли остановились у Глена Дэвиса, в его доме в Северном Голливуде. Это обстоятельство вызвало немалое огорчение нашего менеджера Мелвилла.

Мюррей и Артур были в состоянии присмотреть за собой сами, сами себя развлечь и организовать нужную встречу — для этого у них было множество связей, и Осси, казалось, находил чрезвычайно скучным делом руководить по-настоящему несуществующей командой.

Его положение было незавидным. Каждому было бы нелегко, не имея достаточного опыта, приехать в Соединенные Штаты со спортсменами, побывавшими до этого там минимум три раза да еще взявшими своих жен — Фил присоединилась к Мюррею тотчас после первого соревнования — и, конечно, имевшими такие связи, которых не было у менеджера. Он выглядел руководителем, которым нужно было руководить.

В четверг мы с Салли посетили замечательный рынок Фармерс-Маркет, где обнаружили, вопреки распространенному у нас в стране мнению, что ловкий покупатель в Штатах может прожить столь же дешево, как мы в Новой Зеландии.

В пятницу я лежал в постели и смотрел телевизор. Любопытный шестилетний сын Дэвиса Ральф, который смотрел ту же передачу у себя в спальне, зашел ко мне заглянуть, что я делаю, и, заметив, что я смотрю в телевизор, необычайно удивился, что взрослому человеку может быть интересно то же, что и детям. «Эй! — сказал он. — Ты смотришь ту же программу, что и я».

Ральф был очаровательный ребенок. Когда он впервые увидел Салли, он сказал только: «Эй, давай уходи отсюда», однако они быстро поладили, занимаясь игрушками, которым не было числа. Однажды Ральф был поставлен перед выбором — идти ли вместе с матерью отыскивать Салли по лавкам или сопровождать отца и меня в тренировке. Ральф выбрал первое, и Салли была так рада, что, наверное, запомнила этот день навсегда.

Обсуждая с репортерами предстоящую милю в «Колизеуме», я старался держать язык за зубами. Мне не хотелось, чтобы меня спровоцировали на обязательство установить новый рекорд. Я чувствовал себя несколько вялым на тренировках. Забегая вперед, скажу, что та же вялость была и на соревнованиях.

Между тем дело становилось похожим на то, что Лос-Анджелесский легкоатлетический клуб собирался бойкотировать эти соревнования, потому что кроме Битти, избравшего 5000 м, от мили отказался еще один сильный участник. Это был Джим Грелле, у которого в последнюю минуту вдруг разболелась голова. Позднее его жена с беспардонной уверенностью заявила: «Я уверена, Джим был бы первыми».

Три четверти мили мы прошли за 3.06,0. Бег вел О'Хара, а Берлесон, как обычно, сторожил меня всю дистанцию,

предоставив мне возможность использовать ту же тактику, что и год назад.

Перед входом в последний вираж я спринтовал, обойдя О'Хара. Берлесону, очевидно, помешал Бобби Симен, и поэтому я еще на предпоследней прямой значительно оторвался от него. Как обычно, он сильно сократил разрыв на финише, но все же не доставил мне никаких хлопот.

Позднее Берли сказал репортеру: «Я не хочу утверждать, что проиграл бег только из-за того, что мне прокололи ногу (Боб Симен), но все же…»

Результат 4.00,2, с которым я победил, был неплохим для такого слабого начала, однако в целом я удовлетворен не был. Во время бега я не чувствовал легкости. Я просто терпел и оттягивал спурт насколько было возможно. Я просто присутствовал, не вкладывая что-либо свое в состязание. Финальный спринт был для меня усилием.

Мои опасения за свое состояние только обострились, когда Битти великолепно пробежал 5000 м. Я знал, что Мюррей далек от своей лучшей формы, и тем не менее был поражен, увидев, с какой легкостью Битти оторвался от него на последних 300 ярдах. На этом отрезке он выиграл у Мюррея две секунды. В первый раз я увидел Мюррея побитым на своей дистанции.

В понедельник Мюррей, Салли, Грелле, Битти и я присутствовали на завтраке, устроенном журналистами, и Битти сделал драматическое заявление.

Как председателю Лос-Анджелесского легкоатлетического клуба ему нужно было объявить состав клубной команды на соревнованиях «Модесто-Рилейз», запрограммированных на следующую субботу. Свое сообщение он завершил таким образом: «Стартовать на милю будут Симен, Грелле и… я».

Мгновенно последовали аплодисменты. Это было событие, которого легкоатлетический мир ждал долгое время, — Битти против Снелла. Наконец, в мой третий приезд в Соединенные Штаты, я буду бежать с Битти, с Битти в самой лучшей его форме.

«Момент пришел, — раздумывал я. — Но почему мне теперь не отказаться от встречи и не уехать домой?» Я мог размышлять над этим вопросом целую неделю. В это время в газетах вокруг предстоящей встречи поднялась огромная шумиха. Ничего подобного я не видывал ни до, ни после этого. Чтобы избавиться от назойливых репортеров, мы с Салли купили самые дешевые билеты на самолет в Сан-Франциско и отправились туда тайком. По мнению Осси, мы поступали не совсем правильно: «Как, только вдвоем, одни?» Но у него было мало шансов задержать нас.

После душного, разросшегося, застроенного по окраине новыми зданиями Лос-Анджелеса выстроенный в испанском стиле Сан-Франциско подействовал на нас освежающе. Однако наше настроение быстро испортилось, когда, прибыв в Шератон-отель — нам его рекомендовали в Лос-Анджелесе, — мы узнали, что свободных номеров нет. Возможно, сказали нам, к вечеру места будут.

Мы записали свои фамилии и в 3 часа дня отправились в ресторан. Пока мы там сидели, к нам подошла служащая отеля и сказала, что с номером все улажено. Она спросила нас также, готовы ли мы дать интервью.

Подозрение обратилось в уверенность, когда в номере, столь чудесным образом оказавшемся свободным, мы нашли корзину фруктов с галантными поздравлениями. Не успели мы закрыть дверь, как зазвонил телефон. Репортер из «Экзаминер» жаждал интервью.

Очевидно, портье в отеле хотя и с опозданием, но все-таки догадался, кто мы такие, и позвонил в газету. Я быстро принял решение. «Если инкогнито не удалось, — рассуждал я, — то нужно по крайней мере извлечь все выгоды из создавшегося положения». Я тотчас сказал репортеру, что готов дать интервью, если он, в свою очередь, поможет мне найти подходящее место для тренировок.

Газетчик быстро приехал, захватив с собой и фотографа. Мы сели в машину и, переждав несколько уличных заторов, добрались до захудалой гаревой дорожки в Голден Гэйт-парке.

Здесь я сказал репортеру, что планирую провести прикидку на две мили и что, если у меня есть хоть какой-нибудь шанс побить Битти, я покажу результат около 9.10,0. Репортер засек время, и когда я финишировал, стрелка перевалила более чем за 20 секунд от намеченного места. Он ничего не сказал, но на следующий день появилась статья, в которой он уверенно предсказывал победу Битти.

Сан-Франциско в целом нам понравился, здесь мы чувствовали себя окруженными вниманием. У меня было любопытное интервью с репортером из «Таймса», который приехал сюда на музыкальный фестиваль. Одним из центральных вопросов, вокруг которых вертелась наша беседа, был следующий: «Простите, а сколько кругов в миле?».

Наверное, как специалист в музыке, да и к тому же из города, где не бывает крупных соревнований на открытой дорожке, он был более знаком с разметкой дистанции в закрытом помещении.

Мы питались хорошо и разнообразно. Однако почти все деликатесы были приправлены кисловатым соусом нервного

ожидания предстоящей схватки в Модесто.

Из Сан-Франциско мы отправились в Пало-Альто, где нас встретили легкоатлетический тренер Форрест Джемисон и новозеландец Лес Миллз. Мы отправились на пресс-конференцию в спортивный клуб. В клубе я откровенно рассказал об уровне своей готовности, о возможных результатах соревнования, о перспективах остальных спортсменов. Я сделал ошибку лишь в отношении Битти, а все остальное полностью подтвердилось на миле в Модесто.

Я был настолько точен в своих прогнозах, что один почтенный китаец, слушавший меня в клубе, наблюдая позднее милю по телевизору, очень удивил своих друзей, правильно предсказав распределение мест на финише. Это доставило ему такое большое удовольствие, что во второй наш приезд в Пало-Альто он решил пригласить нас с Халбергами в свой сказочный ресторан Минг.

Наступила пятница, и мы выехали в Модесто. Только там мы узнали, что соревнования будут передаваться по телевидению. До этого подобное случилось только однажды, когда прославленный Лэнди бежал против Осси Бейли.

Меня нисколько не утешала мысль, что теперь 40 миллионов янки с нетерпением и злорадством ожидают увидеть предстоящий триумф Битти. Я был настолько возбужден, что до деталей представлял себе, как в этих соревнованиях Битти лишает меня моей репутации, с таким трудом завоеванной после Рима. «Если он выиграет, — думал я, — я пропал».

Томление в Модесто

Суббота. Бег трусцой 20 минут в компании с Мюрреем. В конце пробежки чувствую себя хорошо. Ленч.

После полудня, задолго до соревнований, начинаю томиться у себя в номере.

Эти переживания в спорте — обратная сторона медали. Вы ничего не можете поделать, потому что на карту поставлено слишком многое. В таком состоянии было бы прекрасно ухватиться за мысль, что это всего-навсего игра, однако, когда вы поднялись на такую ступень, где соревнование становится делом личного и национального престижа, болезненные переживания неизбежны.

Я продолжал томиться. Я вспомнил статью в одном американском журнале, где утверждалось, что в сезоне 1963 года Битти сделает два больших дела: сначала побьет мировой рекорд на милю, а потом его прежнего обладателя, то есть меня. «Как бы не получилось, что он сделает оба дела в один прием», — говорило мне мое воспаленное сознание, когда я смотрел правде прямо в лицо.

Я томился все больше. Битти побежит сегодня вместе со своими товарищами по команде. Я буду совершенно один. У меня медовый месяц — обстоятельство, которое многие газеты подчеркивали. Кэри Вейзигер, говорят, сказал даже: «Если мы этого парня не сможем побить в его медовый месяц, мы не доберемся до него никогда».

Я томился. Моя подготовленность все еще не та, что должна быть. Битти лучше меня.

Я не был особенно уверен, что предыдущие 5000 м могли истощить его. И не рассчитывал, что Джим Грелле так же сильно хочет обыграть Битти, как я.

Обычно я не смотрю соревнований, в которых мне предстоит выступать. Приезжаю на стадион лишь за час до своего вида, а этого времени хватает только на то, чтобы выбраться на дорожку и провести разминку.

В тот день по дороге не стадион мы включили радио, как раз транслировали открытие соревнований. Играли гимн моей страны. Для меня последний раз это было в Риме, когда я стоял на пьедестале почета. Тогда меня внезапно охватило сильное возбуждение, и теперь, сидя в машине, я испытывал то же самое чувство. Слышать гимн своей страны, исполняемый в твою честь, когда ты далеко от дома, — это очень многое значит, и я

приободрился.

На дорожке я все еще нервничал. Я не мог сконцентрироваться на разминке. Обычно я разминаюсь очень энергично. В тот день я чувствовал желание прекратить разминку уже после полумили.

Я смотрел, как разминаются другие. Они бежали раз машистым шагом, выглядели уверенными и ненапряженными. Обычно на поле меня интересуют всякие события, я также всегда приветствую знакомых спортсменов, когда пробегаю мимо них. На этот раз, проходя мимо Битти, я сделал вид, что не замечаю его.

Чтобы «врезаться» в программу телепередач, старт был назначен в строго определенное время.

Нас вызвали на дорожку, представили в индивидуальном порядке зрителям и предложили занять свои места. Мне была любезно предоставлена первая дорожка. Битти встал рядом.

Внезапно получилась накладка. В предшествующей телепередаче «Схватка недели» времени израсходовали больше, чем положено. Оператору приказали оттянуть старт до тех пор, пока телестудия не будет готова. Оператор был хитрый и ловкий парень. Он вылез на середину дорожки и сделал вид, что крупным планом снимает бегунов вдоль линии старта. Когда, наконец, его удалось убрать, уже было все готово. Миллионы телезрителей подключились к состязанию точно в момент старта.

Все это не способствовало моему спокойствию. Однако как только я услышал выстрел, моментально пришел в боевую готовность. В эти считанные доли секунды я привел себя в норму. Усталость исчезла, адреналин сделал свое дело. В первый раз я представил себе соревнование не в мрачных тонах.

Я часто говорю, что в миле первые три круга простая формальность. Состязание начинается на четвертом. То же имело место и в этот раз.

В соревновании бежал «заяц» Джордж Джезапп. Он оторвался от нас на 10 ярдов. И хотя Битти, возглавив преследующую группу, пытался подстегнуть темп, Джордж оставался на своем месте, пока не были пройдены полмили — 1.59,0.

Три четверти мили лидеры прошли меньше чем за три минуты, у меня было 3.02,0. Я бежал четвертым, моя позиция была удобной. Впереди были Вейзигер, Грелле и Битти. Проходя по предпоследнему виражу, я заметил, что могу зажать Битти и предотвратить тем самым его знаменитый спринт за 300 ярдов до финиша. Я подошел слева вплотную к его плечу и не отпускал его ни на дюйм.

Вот и предпоследняя прямая. Грелле хочет обойти Вейзигера.

Оба начинают понемногу отрываться. Я смотрю назад влево, чтобы убедиться, что Битти не собирается начать атаку. Тогда я начинаю догонять ушедших двух.

Я достал их в начале последнего виража. В этом месте все эмоциональные напряжения и опасения я выбросил прочь, начав сокрушающий финальный рывок. Ни когда раньше не спринтовал так, как в этом забеге. Я летел по виражу в полном забытьи.

Выйдя на прямую, я решил рискнуть и обернулся. За моей спиной была 10-ярдовая брешь. Я был поражен. Остальные бегуны, казалось, тащились пешком.

Я продолжал энергично работать всю прямую, хотя, может быть, на последних ярдах чуточку сбавил. Соревнование к этому времени было уже выиграно.

Благодаря бодрящему чувству полной победы я разорвал ленточку почти совсем свежим. Здесь, должно быть, замешано явление психического порядка. Если бы соревнование такого рода закончилось поражением или отчаянной борьбой за победу на финише, я был бы близок к истощению. Тогда же я был свежим, как яблоко, только что сорванное с дерева.

Я закончил бег в хаосе. Официальные представители, репортеры с микрофонами, рев на трибунах, речь где-то рядом со мной — все перемешалось. Прошло несколько минут, прежде чем я смог освободиться.

Я отправился искать Салли. Помню, как Битти, проходя мимо меня с опущенной головой, вяло притронулся к моей руке. Я не видел его потом до следующего дня.

Из будки для журналистов прибежал посыльный. Меня кто-то вызывал к телефону. Я помню, как бежал вверх по крутым ступеням. Звонил Гленн. Он смотрел состязание по телевидению, и его восторгу не было границ.

— Мое время — 3.54,9. Вейзигер показал 3.57,3, Битти — 3.58,0 и Грелле — 3.58,0. Я пробежал лучше американского рекорда и не достал лишь 0,4 секунды до собственного мирового.

Меня наградили прекрасными часами фирмы «Лонжин», что было хорошим дополнением к часам фирмы «Элджен», которые я завоевал в предыдущих турне.

Победу мы торжественно отметили в своем маленьком новозеландском кругу и в воскресенье отправились вместе с Халбергами и менеджером Мелвиллом в Джоземайт-Вэлли. Мы собирались в 4 часа дня присоединиться к Артуру в Сан-Джоуз, чтобы помочь ему в проведении лекции для тренеров, однако менеджер Мелвилл опоздал на час, во-первых, а во-вторых, менеджер Мелвилл решил, что мы должны непременно поехать окольным путем, чтобы взглянуть в пургу на ледниковый пик.

Прошло не менее четырех часов, пока наконец мы, усталые и пресыщенные путешествием, добрались до Артура, терпеливо державшего аудиторию.

Потом, заехав по дороге в наш мотель, мы двинулись на вечеринку к Лесу Миллзу. Миллзы приготовили для нас ужин по-новозеландски, что было в диковину американским гостям, привыкшим к обязательному в США ужину из пирожных и мороженого.

На следующий день мы до полудня лежали в постели и смотрели телевизор, затем последовал комбинированный завтрак — ленч, после чего мы отправились в Пало-Альто, в ресторан Минг. С легким сожалением оставили мы Пало-Альто, где у нас было столько хороших знакомых и где красивые улицы, дома и деревья пришлись нам по сердцу, и возвратились в Лос-Анджелес.

Там мы с Осси имели некоторые препирательства из-за того, что он не хотел считаться с моими расходами в турне, так как у нас с Салли было трудно с деньгами.

Очевидно, он не верил мне или считал, что если мы так часто останавливаемся в частных домах, мне не должны выплачивать деньги на покрытие всех расходов, включая и жилье.

Наш хозяин в Лос-Анджелесе Ол Френкен взял нас на студию «Фокс-XX век», где мы пообедали в зале, переполненном актерами в разнообразных костюмах. Нам показали часть съемок фильма «Пройди, милая».

Другими памятными экскурсиями были — одна в Маринеленд, а другая на бой быков в Тиджуана. При виде первой же капли крови Фил Халберг чуть не упала в обморок, а Салли оставалась до конца зрелища.

В понедельник я поехал с Олом на организационное заседание перед соревнованиями в Комптоне. Мы встретились в Шератон-весте и почти час позировали в прилежащем парке фоторепортерам из лос-анджелесской «Таймс» и «Геральд энд Ситизен Ньюз». Каждый фотограф жаждал новой позы, и в конце концов, когда один парень потребовал, чтобы я встал на пьедестал и изобразил что-то похожее на статую Эрота в Окленд-Домейне, я решил удалиться.

После заседания мы отправились на еженедельный ленч репортеров, а затем на Бульвар Сансет, чтобы встретиться с журналистом Джимом Мюрреем.

Это место известно тем, что сюда ходят показаться подающие надежды киноактеры. В течение получаса мы пили кофе, и официантка, рьяная любительница легкой атлетики, узнав меня, отказалась получить с нас плату.

Затем Ол поспешил к телефону и тотчас устроил мне

телефонное интервью с репортером радио.

Прежде чем добраться в Голливуд, где жил Ол, мы еще съездили на радио и телевидение. Я позвонил Салли и сказал, что буду дома в 8 часов, однако Олу вздумалось устроить еще одну встречу, как он сказал, на полчаса — с журналистом Мэлом Дурслагом из «Геральда». Эти полчаса растянулись на целый час, и я приехал домой в девять вечера.

«Да, — решил я, — американский образ жизни для меня не годится».

Мы побывали и у Джима Грелле, который принял нас с женой в своей маленькой лос-анджелесской квартире. В его жилище была устроена настоящая выставка трофеев. Среди них я заметил шесть новеньких наручных часов. «Сколько же часов у Битти?» — подумалось мне. У меня самого уже было три пары часов. Джим был отличный парень. Мы с ним прекрасно ладили. Я замечаю, что так всегда бывает, когда я схожусь с людьми, не составляющими мне сильной конкуренции. С Битти или Берлесоном, например, этого бы не было. Я думаю также, что и с Джоном Дэвисом у меня были гораздо более приятельские отношения в тот период, когда он был значительно слабее меня. Я стал относиться к нему с прохладцей, когда он в 1963 году побил меня.

Шестеро из четырех минут

Утром в день комптонской мили мы ходили по магазинам. В полдень я отдыхал в номере и позволил себе лишь легкую закуску.

На соревнования мы поехали, прихватив Кэри Вейзигера. По дороге я впервые серьезно задумался, что значат для меня эти соревнования. Я чувствовал себя несколько озабоченным, так как в последнее время мало тренировался. Правда, я был вполне уверен, что смогу сильно финишировать, но Битти стартовал вновь, и было неприятно думать, что он может выйти победителем. «Если выиграю я, с Битти будет покончено, — думалось мне, — но если повезет ему, тогда последнее слово за ним, а это публика помнит лучше всего».

На протяжении всей дистанции темп бега был высок. За 500 или 600 ярдов до финиша Вейзигер вышел вперед, и я последовал за ним. Я намеревался повысить скорость за 220 ярдов, но на той отметке обнаружил, что не могу этого сделать. Все-таки мне каким-то образом удалось обойти Кэри сразу после 1500 м, которые он прошел с новым американским рекордом. Я продержался на прямой и, к своему удивлению, показал на финише 3.55,0. Битти был вторым с результатом 3.55,5. Вейзигер был сзади него на две десятых, и Битти продемонстрировал, как хорошо он может бороться на финише. В этом забеге впервые в истории сразу шесть бегунов вышли из четырех минут. И впервые же за все пребывание в Америке меня стали осаждать любители автографов. Я уже думал, что автографов в этой стране не собирают.

В тот же вечер мы были приглашены на большой ужин, где было около тысячи человек. Я провел время в разговорах о легкой атлетике. Когда мы отправились слать, была половина третьего ночи. На следующий день я чувствовал себя настолько уставшим, что сумел пробежать лишь 15 минут трусцой вместо 30 по плану.

Часто мне очень хочется узнать, что же сказал Дайрол Берлесон журналисту, напечатавшему перед комптонской милей статью под заглавием «Берли рассчитывает расправиться со Снеллом». Там мелким шрифтом сообщалось, что Берлесон, как он сказал, готов и будет бороться за победу. Позднее я видел записку, которую Берлесон отправил этому репортеру. Он предлагал ему прийти повидаться. Я думаю, Берли задал ему хорошую головомойку за этот заголовок.

Разрыв с Артуром

Конец поездки был, к сожалению, испорчен разрывом с Артуром. Это событие широко освещалось в прессе.

Как только я прибыл в Окленд, передо мной положили газету, в которой заглавными буквами утверждалось, что Артур не намерен больше работать со мной.

Такому состоянию дел я был в значительной степени обязан одному репортеру — любителю сенсаций, который обратил внимание Артура на статью в известном американском спортивном журнале. В этой статье было сказано, что я будто бы лишь подыгрываю Артуру в его тренировочной методике, хотя теперь уже знаю о тренировке на средние дистанции больше, чем он сам. Оскорбленный Артур, будучи Артуром, безоговорочно заявил, что не желает более со мной сотрудничать.

В этот разрыв, грозивший положить конец нашей столь плодотворной связи, несомненно, внесли свой вклад и мелкие инциденты, которые возникали у нас и прежде.

Нельзя было не признать, что Артур переменился в последние годы. Я также переменился. Естественно, наши отношения не могли быть такими же, какими они были с самого начала. У меня было свое «я», и временами очень обижало то, что я не мог его проявить, Артур, по-видимому, либо не понимал, либо игнорировал это.

Я сказал в том злополучном интервью в Америке, что я очень благодарен Артуру за преподанные мне основы тренировки в беге на выносливость, развитие которой есть основа системы Лидьярда. Я сказал также, что, выполняя скоростную работу, я знаю ее последствия для себя, и что касается лично моей тренировки, то знаю о ней немножко больше, чем он. Одна из причин, почему я так сказал, заключалась в том, что Артур раньше включал в наш тренировочный план три месяца работы на дорожке. На опыте своих спортсменов теперь он снизил этот срок до двух месяцев.

Мы с Артуром хорошо ладили, пока он был только учителем, а я только учеником. С этого мы начали. Наши характеры были весьма различны, и это было ясно с самого начала, однако всякие трения исключались, потому что мне было нужно у него научиться всему, что он знал. Собственных взглядов на тренировку я в то время не имел.

Однако даже тогда, когда я научился настолько, что почувствовал себя в состоянии принимать собственные решения,

Артур, мне кажется, продолжал видеть во мне только ученика. Он не хотел замечать, что я завоевал независимость. Я уверен, что во многих отношениях мы не подходили друг к другу. Мюррей говорит, что мы с Артуром подобны двум полюсам, и, вероятно, это правильно. То обстоятельство, что мы оба стали иными, не изменило картины. На заре нашего сотрудничества я доводил себя до изнеможения, потому что так нужно было Артуру, но теперь, когда я встал на ноги и обрел независимость, это нужно было мне.

Возвращаясь к упомянутой проблеме скоростной работы, я должен объяснить, что Артур, разработав наиболее приемлемый способ приобретения общефизической подготовленности и выносливости, после различных экспериментов включил в свою тренировочную систему программу скоростного бега, и именно эту программу я лично считаю гораздо менее важной и ценной, чем та часть его системы, которая дает общефизическую подготовленность и выносливость.

Тренеры за границей склонны до деталей входить во все аспекты скоростной работы, видя в них ключ к успеху, однако я считаю, что на самом деле любая форма скоростного бега, приучающая к темпу соревнований на специфическую дистанцию, годится для приведения бегуна в форму. Если, конечно, фундамент общефизической подготовленности и выносливости уже заложен. Естественно, спортсмен должен понимать, что с ним происходит, когда он выполняет эту работу.

Я убедился в своей правоте на опыте подготовок к сезону 1962 года, когда уже в первую неделю скоростной работы и только после двух недель тренировки по кругу я был в состоянии пробежать три четверти мили за 3.04,0. А после трех недель тренировок, прерываемых состязаниями, я пробегал милю за 4.01,5.

Когда Артур впервые выдвинул свои тренировочные методы, они резко расходились с общепринятыми. Тогда считали, что тренировка должна быть легкой и не перегружать организм бегуна. Часто такая ненаправленная работа заканчивалась бутылкой крепкого портера. Конечно, в то время многие скептически относились к идеям Артура. Я же, несмотря на свои расхождения с ним, нисколько не сомневаюсь в исключительной ценности его системы. Я заявляю только, что поскольку эта система касается лично меня, то приспособление ее к моим особенностям делает ее еще эффективней.

Все же спустя некоторое время после этого публичного разрыва мы с Артуром совершили двухнедельное турне по Новой Зеландии с чтением лекций. Повсюду сильно удивлялись, что мы

не собираемся бросаться друг на друга с кулаками.

Это совместное турне многим прояснило существо дела, и люди поняли, что наши недоразумения были раздуты прессой. Полного согласия между нами не было, но не было и столь больших расхождений, как большинство полагало.

Это турне, в котором мы выступали по нескольку раз в день в различных городах и на различных собраниях, плохо увязывалось с тренировкой. Ритм моей жизни был нарушен, а вместе с ним были расстроены и тренировочные планы. Правда, мне удалось уже однажды в спешном порядке войти в форму — к соревнованиям в США, однако в настоящее время я уже не чувствовал себя подготовленным. В те дни я не оценил в должной степени необходимость снова пройти фундаментальную подготовку. Я даже соблазнился возможностью защитить свое звание чемпиона страны по кроссу, однако эту идею пришлось выбросить из головы, когда я на ежегодных командных состязаниях по кроссу пришел тридцатым. Год назад я в этом соревновании был победителем.

Моя тренировка была эпизодической частью из-за необходимости приспосабливаться к семейной жизни, частью из-за разрыва с Артуром и, наконец, из-за перерывов в ежедневной тренировочной программе, поддерживать которую в напряженной тренировке очень важно для спортсмена.

Сезон 1964 года начался для меня 21 октября 1963 го да выступлением на милю в Местертоне. В то время моя тренировка по холмам была в самом разгаре. Миля в Местертоне была организована с участием австралийца Рона Кларка, Джона Дэвиса и обещала быть крупным соревнованием. В этом состязании особенно отличился Джон, а я был единственным бегуном, не показавшим ничего хорошего.

Джон выиграл забег с отличным для начала сезона временем — 4.06,0, на 20 ярдов впереди Рона (4.09,0) и на 40 впереди меня (4.12,0). К счастью, перед началом соревнований я оставил для себя лазейку, сказав, что надеюсь показать 4.15,0, или лучше и что вне зависимости от исхода встречи я рассматриваю ее как часть своей тренировки. Я продемонстрировал искренность своего за явления, проделав сразу же после состязания хорошую 15-мильную пробежку.

Рон, пробежавший после мили еще три мили с хорошим временем — 13.48,0, присоединился ко мне на следующий день. Мы пробежали 20 миль. Я не думал тогда, что вскоре, в том же сезоне, Рон станет мировым рекордсменом на 10 000 м и 6 миль, а позднее на три мили и 5000 м.

Тем временем Джон организовал встречу в Токороа, центре

знаменитых лесных участков острова Северный. Эту встречу финансировала «Нью Зиленд Форест продактс», компания, где Джон работал. Чтобы придать соревнованиям международный характер, из Австралии был приглашен Тревор Винсент, хорошо подготовленный на милю, хотя более известный как бегун на 3000 м с препятствиями.

Погода не благоприятствовала состязанию и в особенности не годилась для меня. Моя сила — в энергичном толчке, благодаря которому я могу бежать размашистым шагом. На твердой поверхности я чувствую себя точно на пружинах, но на сырой я увязаю. Соревнование выиграл снова Джон Дэвис, и на этот раз я отстал от него на целую прямую. Даже учитывая, что погода была более неблагоприятной для меня, чем для Дэвиса, я не мог не чувствовать его превосходства в тот вечер, когда он, хорошо подготовленный, бежал перед своей публикой.

Это поражение вместе с неудачей в Местертоне создало для меня значительные трудности. Сторонники Артура, намекая на наш разрыв, уже многозначительно говорили «ага».

Спустя десять дней я снова стоял на старте рядом с уверенным в себе Джоном. На этот раз соревнования были организованы «Краун Линн Поттериз». Теперь у меня было немножко больше шансов на победу, чем у Джона, потому что мы состязались на 1000 м. На стадионе собралась огромная толпа, и я думаю, что большая часть публики пришла, чтобы приветствовать нового чемпиона.

Мы прошли половину мили за 1.50,0, довольно близко к графику мирового рекорда. Перед состязанием было объявлено, что мировой рекорд может пасть. Джон вел бег и, как только мы прошли полмили, начал спринт.

Я бежал вплотную к его плечу, готовый к поединку на последней прямой, как вдруг неожиданно моя левая рука задела его ногу, и Джон растянулся на земле, почти на том же самом место, что и Ривз в свое время.

По инерции я прошел мимо него, но тут же импульсивно сбавил скорость бега, сознавая, что Джон лежит на дорожке по моей вине. Джон поднялся, продолжил бег и выиграл соревнование. Я пришел на финиш трусцой вслед за Бобом Гамильтоном. Само собой разумеется, о хороших результатах не могло быть и речи.

Хотя вплоть до несчастного падения темп бега был довольно высок, я все же не чувствовал себя в форме. Это подтвердилось и в Нельсоне, где я пробежал полмили всего за 1.52,0. Однако у меня не оставалось времени раздумывать над своим состоянием, потому что был уже конец января и в Новую Зеландию приехала

американская команда бегунов — Кэри Вейзигер, С. К. Янг и Даррил Хорн. Ее турне начиналось соревнованиями в Вангануи.

В Вангануи я пробежал милю практически в одиночестве, показав 3.57,6. Мой старый соперник Билл Бейли смог удержаться за мной почти до самого финиша и впервые за свою долгую спортивную карьеру выбежал из четырех минут. В то время ему было 29 лет. Вейзигер пришел третьим, и было очевидно, что ему придется еще пробежать один-два раза, прежде чем он войдет в форму.

Неожиданно я наконец обрел себя. Эта миля привела меня в норму. Спустя два дня я отправился в Гисборн на ленч в «Ротари-Клуб». До этого я согласился принять участие в еженедельной клубной встрече и сказал, что, возможно, проведу показательное выступление. Я рассчитывал провести бег без особого напряжения, так как через два дня после этого мне предстояли новые международные состязания.

Однако когда я прибыл в оклендский аэропорт и увидел там барьеристку Эвис Макинтош, у меня возникло тяжелое предчувствие. Она сказала мне, что тоже летит на соревнования в Гисборн. Это показалось мне странным. Мой проезд оплачивался ассоциацией в Нейпире, потому что из Гисборна я должен был поехать туда на международную встречу. Но каким образом, размышлял я, Гисборн может платить за проезд Эвис, если это только соревнования местного клуба?

Мои сомнения усилились, когда мы прибыли в Гисборн и я увидел выставленные в витринах магазинов афиши, приглашающие зрителей на соревнования.

Когда же я увидел пятитысячную толпу на стадионе, мне стало ясно, что это за «клубная встреча». Такая реклама и такая толпа зрителей означали, что я должен был распроститься с намерением совершить легкую пробежку, скажем, за 1.56,0.

Забег был гандикапированный, и мне пришлось пробежать первый круг за 54 секунды, прежде чем я достал лидеров. Затем я несколько сбавил темп, но за 220 ярдов до финиша сделал энергичный рывок и пришел к ленточке с результатом 1.50,8. После всех моих сомнений и предчувствий я был доволен, что бег оказался для меня легким.

На следующее утро я отправился поездом в Вейроа, чтобы присутствовать на другой клубной встрече. Здесь мне также предстояло показательное выступление. Я снова был настроен провести состязание с как можно меньшей затратой сил, но, поскольку местные бегуны были полны решимости бороться со мной, мне пришлось сначала пробежать 100 ярдов за 10,2 (мой лучший результат на эту дистанцию), а затем полмили за 1.54,0.

Во время этого забега я довольно плохо почувствовал себя на втором круге. Я отнес это недомогание на счет предшествующего выступления в Гисборне и больше о нем не думал. Прилетел в Нейпир, сделал пробежку и отправился отдыхать в отель. Около 6 часов вечера меня опять начало поташнивать, как и во время пробежки в Вейроа, но на этот раз у меня быстро развились все симптомы легкой дизентерии. Хозяин отеля рекомендовал мне брэнди и портвейн, но эти средства, может быть и хорошие для других, на меня не оказали никакого действия.

Я должен был выступать на полмили против Кэри и Джона. Я спустился на дорожку и объяснил судьям, что чувствую себя плохо и если во время разминки мне не станет лучше, то участвовать в соревновании не смогу. Разминку я начал чувствуя крайнюю слабость, а в конце ее мне стало еще хуже. Незадолго до старта я решил, что мне лучше не бежать, и подошел сказать об этом организатору соревнований. «Конечно, — ответил он, — Однако мы должны вызвать доктора, чтобы снять с себя ответственность за ваш отказ».

Позвали врача, и тот, осмотрев меня, взялся прощупать мой пульс. К тому времени я уже размялся и поэтому немало подивился, размышляя, что может сказать доктору мой пульс. Я объяснил свое самочувствие и признаки болезни и был ошарашен, когда он сделал предположение, что мое недомогание — результат естественного волнения перед стартом. «Не будет абсолютно никакого вреда, — добавил он, — если вы возьмете старт. В конце концов, если появится недомогание, можно прекратить бег».

Приговор был вынесен в присутствии организатора, и мне не оставалось ничего другого, как согласиться на предложение. Тем не менее я решительно заявил, что стартую против своей вопи.

Мне удалось продержаться первую половину дистанции, а затем меня так скрутило, что я едва закончил бег. Я с трудом выиграл у местного бегуна… предпоследнее место. Мой результат был 1.55,7.

Организатор соревнования решил объяснить ситуацию публике через микрофон. Желая угодить одновременно и мне и публике, он совершенно испортил все дело, заявив, что я чувствовал себя крайне плохо и согласился бежать лишь только для того «чтобы не обидеть дорогих зрителей».

Немедленная реакция стадиона была такова: «Снелл — идиот».

Мне потребовался не один день, чтобы избавиться от последствий этого неосторожного поступка.

Мой врач в Окленде, узнав от меня всю историю, всплеснул

руками. «Бежать в этом состоянии, — сказал он, — было самым худшим из всего, что можно было подумать».

Лечение, в котором я нуждался, было как раз противоположным — полный покой.

Следующее важное состязание состоялось на милю в Окленде спустя полторы недели. Из-за того, что в этом сезоне я еще не имел удовольствия побить Джона, я, понадеявшись на полное выздоровление, согласился бежать. С приближением соревнования в прессе стали много писать о нем, и теперь пути назад уже не было. Однако все, что я мог себе позволить, был бег трусцой. Я избегал напряженной тренировки, отчаянно надеясь на то, что все будет в порядке. Но мои надежды не сбылись.

Это было еще одно соревнование, в котором мне не следовало участвовать, хотя в известном смысле оно пошло мне на пользу. Оклендцы никогда не видели меня побитым в крупных соревнованиях, но на этот раз 25 тысяч человек стали свидетелями моего поражения. До них дошло наконец, что я только человек, а не машина. Однако было очень неприятно видеть на финише фоторепортеров, лихорадочно фиксирующих на финише порядок прибытия бегунов. Я закончил бег далеко позади Джона и Кэри. Было горько сознавать, что я впервые в жизни не смог победить перед столь многочисленной толпой собственных болельщиков.

В тот день стояла жара, и после первых 220 ярдов я понял, что поражение неизбежно. Я надеялся, что в условиях состязания смогу подстегнуть себя, но этого не случилось. Я с трудом волочил ноги, в то время как другие увеличивали темп бега. Наконец я совсем сдал. Я больше ничем не мог подстегнуть себя. Мой результат 4.07,9 был на десятую секунды хуже, чем в Токороа.

Я выиграл чемпионат Окленда на полмили и удержал свое звание чемпиона на первенстве страны, показав 1.53,8. На финишной прямой я с трудом не дал себя обойти. Это была самая бесцветная из моих побед.

Эти результаты были причиной того, что мои шансы не предстоящих в конце сезона Олимпийских играх котировались очень низко. Я знал, что за рубежом будут судить обо мне по результатам и по местам, которые я занимаю на соревнованиях. А что касается таких факторов, как заболевание или недостаточная подготовленность, то они даже в Новой Зеландии не очень-то принимались в расчет.

Джон, хотя и не показавший во время турне результата лучше четырех минут на милю, считался бегуном, за которым будущее, моим преемником и новой надеждой страны на Олимпиаде в

Токио.

Такие вещи весьма обычны для спорта. Публика склонна очень быстро забыть или презреть тех спортсменов, которые не оправдали ее надежд. Как только вы перестаете побеждать, о вас забывают. Вас смахивают со счета. Во мне такая реакция породила безудержную решимость доказать, что люди заблуждаются относительно меня. Пусть Джон продолжает быть олимпийской надеждой.

Но я еще не сошел со сцены.

Подготовка к Токио

В марте нас с Артуром пригласили в Южную Африку. Мы путешествовали с женами. Соревнования, в которых я участвовал, не отмечались упорной борьбой, и поэтому наше турне было скорее отдыхом, чем работой.

Мы возвратились в Новую Зеландию всего за четыре дня до соревнований в Оуэйрейке. Здесь мне предстояло встретиться с Джоном Дэвисом. Чувство уверенности, ранее сопутствовавшее мне, сменилось волнением за исход предстоящего состязания. Меня не сбрасывали со счета, и всеобщее мнение было таково, что мне уже непростительно проигрывать Джону. Артур считал, что Джон вполне подготовлен, чтобы побить мой мировой рекорд на милю.

Должно быть, Джон чувствовал то же самое. Он и Билл поочередно вели бег, и Джон сделал финишный рывок очень рано, что было на него не похоже. Я, настроенный лечь костьми, но не пропустить Джона к ленточке, покрыл брешь и окончательно достал его за 220 ярдов до финиша. К моему безграничному удовлетворению, я был первым, показав 3.58,5. Его результат — 3.58,6. Само собой разумеется, в глазах публики, склонной прощать столь же легко, как и забывать, я был немедленно реабилитирован и с легким сердцем включился в подготовку к Олимпиаде в Токио с надеждой на золотую медаль.

Я чувствовал, что раз победил Джона с таким временем, имея лишь незначительную подготовку, есть все возможности улучшить результат на пять-шесть секунд, если я изрядно потренируюсь в течение пяти или шести месяцев. Я включился в тренировку, уверенный в себе, свободный от недомоганий и неприятных предположений, что Джон сильнее меня. Я сознавал, что мне в первую очередь нужно набегать как можно больше миль. Ключом к Токио могла быть только выносливость.

Я начал бегать по два раза в день — полчаса утром и полтора часа вечером, — рассчитывая как можно быстрее достигнуть 100 миль в неделю. Я добрался до этого уровня спустя две недели. В это время я тренировался с Барри Мэги, который был идеальным компаньоном благодаря своей способности поддерживать нужный темп и увеличивать его тогда, когда его партнер этого желает.

Я не мог никогда пробегать по 100 миль в неделю более чем три недели подряд, но за эти 10 недель я набрал 1012 миль, самый большой объем бега на выносливость, который я когда-либо проходил. Тренируясь в эти 10 недель, я взял себе за

правило пробегать каждое воскресенье по 22-мильной трассе Вайатаруа, невзирая на содержание своей тренировки в течение недели. Это была настолько важная часть программы подготовки, что я не мог ею пренебречь.

Я выходил на этот уровень выносливости осторожно, постоянно избегая быстрого бега. На основании личного опыта я очень хорошо знал, что быстрый бег может быть причиной многих расстройств, например, таких, как травмы ног.

Я истратил кучу денег на туфли, концентрируясь исключительно на увеличении объема медленного бега. Я не думаю, что за это время пробегал когда-нибудь милю быстрее чем за шесть минут, хотя по мере того как я становился более сильным и выносливым, скорость бега, естественно, возрастала.

Сначала я проходил 15 миль за 1 час 45 минут. Спустя шесть недель я пробегал 15 миль за 1 час 30 минут, а 18 миль за 1 час 52 минуты. За этот же период время пробежки по трассе Вайатаруа сократилось от 2 часов 25 минут до 2 часов 15 минут. Однажды я показал даже 2 часа 12 минут. Я редко осуществлял две напряженные пробежки подряд. Если в один вечер я пробегал дистанцию в темпе шесть минут миля, то в следующий раз я шел уже в темпе семь минут миля. Я был намерен накапливать силу и выносливость, а не истощать их.

Для бега в дождь я купил себе специальную нейлоновую куртку, а когда было холодно, натирал ноги оливковым маслом. Я заботился о себе этой зимой более чем обычно, чтобы избежать мышечных травм. В прошлую зиму я нередко простуживался и болел гриппом. Это часто длилось две недели. Я начал регулярно принимать витамины. Сейчас было крайне важно не пропустить ни одного дня тренировки.

Пройдя подготовку в беге на выносливость, я включился в тренировку по холмам. Этот период продолжался шесть недель и закончился за девять недель до состязаний в Токио.

На этой стадии подготовки я планировал свое участие только на 1500-метровой дистанции. После Рима это был мой постоянный прицел. Я знал, что программа в Токио позволяет участие в дубле — на 800 и 1500 м, однако такая перспектива была для меня тогда далекой мечтой.

Я чувствовал, что мне не хватает прежней быстроты для бега на 800 м. Разумеется, многое зависело от того, какими будут мои противники из Северного полушария в сезоне 1964 года. Теоретически как бы хороши они ни были, я имел одно бесспорное преимущество. Они должны были выдержать суровый отбор в олимпийскую команду, а для этого войти в наилучшую форму уже в июле и августе и удерживать ее еще два месяца.

Спортсмены из маленьких стран включаются в сборные гораздо легче и поэтому могут планировать свой пик спортивной формы точно к Играм, что же касается американцев и большинства европейцев, то у них настолько сильная конкуренция, что им нужно быть начеку гораздо раньше.

Тренировка по холмам проходила удивительно хорошо. Впервые я закончил ее без каких-либо помех. Под гору я бежал очень сильно, а на подъемах мои мышцы хорошо выдерживали возникавшее напряжение.

Тренировка на дорожке началась с разрешения проблемы, общей для нас всех. Снова мы долгое время искали подходящее место для быстрых пробежек, пока на конец не остановились на ипподроме в Александр-парк Рейсвей, где дорожка длиной 1 км была сделана из известняка. Мы уже бегали по этой дорожке летом, тогда она была слишком твердой. Теперь, однако, она из-за обильных дождей пришла в превосходное состояние.

Моя работа на дорожке началась потрясающей серией 20 по 440 ярдов в среднем за 62,5 секунды. Я рассчитывал пробежать отрезок в среднем за 65 секунд или около того и почувствовал себя по-настоящему окрыленным, узнав, что столь быстро смог войти в ритм быстрого бега. Я поддерживал в себе уверенность, выполняя огромное количество спринтерской работы на коротких отрезках.

Отбор в команду на этот раз не вызвал никаких волнений. В отличие от Римской олимпиады, когда я волновался за свое избрание, на этот раз мое участие было само собой разумеющимся. Так же обстояло дело и у других бегунов. Официальное объявление состава олимпийской команды было чистой формальностью.

Я тщательно следил за выступлениями бегунов за границей. Я был хорошо осведомлен о своих соперниках. Когда в Соединенных Штатах проводились вторые отборочные соревнования, я даже прослушал репортаж по радио, чтобы узнать сильные и слабые стороны моих противников.

Перед отъездом мы провели контрольные прикидки в Окленде, но погода не позволила нам показать удовлетворительные результаты. Дул непрерывный ветер. Я планировал пробежать полмили за 1.52,0 и начал бег против ветра. Я бежал по длинному, километровому кругу, и ветер дул мне навстречу на протяжении всей первой половины дистанции. К тому моменту, когда он начал дуть в спину, мои ноги сделались ватными, и даже с помощью ветра я не смог пробежать оставшийся отрезок достаточно быстро. Я показал 2.02,0, на 10 секунд хуже, чем запланировал.

Теперь, вспоминая об этом, я все же думаю, что мне это было полезно — хотя бы одна неудачная прикидка. Эта прикидка плюс небольшая работа на коротких отрезках удивительно быстро привели меня в лучшее состояние.

Поэтому я был вполне удовлетворен течением тренировки и не беспокоился, если цепь ободряющих выступлений прерывалась неудачей. Я сознавал свои возможности, и пока результаты были с ними в согласии, мне не было нужно ничего другого. Я твердо верил, что если предварительная работа проделана добросовестно, конечный результат будет ее логическим следствием.

Перед отлетом на Игры команда собралась в Окленде. На этом собрании меня выбрали капитаном. Я тотчас решил, что не буду проявлять слишком большого усердия. Я опасался, что мои капитанские обязанности могут помешать мне в тренировке и состязаниях. К счастью, организаторы команды справлялись со своим делом хорошо, и большой работы по налаживанию связи между спортсменами и руководством команды не требовалось.

В Сиднее мы сделали первую остановку, что было мне не по душе. Я стремился в радушный Токио, настроенный на несколько серьезных прикидок. Все же в Сиднее был устроен ряд состязаний на 660 ярдов между Джоном и мной. Я чувствовал себя вполне свежим, так как в предыдущую неделю тренировался сравнительно легко, и решил пробежать первые 440 ярдов за 53 секунды, а затем удержать темп до финиша. Если Джон захочет обойти меня, будет борьба, и я не прочь узнать, что из этого получится.

Мы оба прошли четверть мили за 53 секунды, как и планировали, и вплоть до финиша я оставался первым. Результат 1.19,0 был весьма приличный при данных обстоятельствах. Тони Блю, один из наших будущих противников в Токио, наблюдал этот бег и не мог скрыть своего изумления. Джон выглядел в этой прикидке весьма впечатляюще. Он отстал от меня на финише лишь на несколько десятых секунды.

Время пролетело быстро, и мы, еще не успевшие устать от полета, уже пробирались сквозь волнистые облака и серую пелену Токио, погруженного в свой никогда не рассеивающийся смог. Японцы сразу же дали понять, что для удобства гостей будет сделано все возможное. Обычно таможенная процедура продолжительна и утомительна, но на этот раз все формальности были сведены к минимуму. Японские девочки прикололи к нашим лацканам яркие ленты, и нас тотчас окружила толпа фоторепортеров и журналистов. Мы были в Токио.

Прессу больше всего интересовали наши марафонцы и Билл

Бейли. Глядя на них в окружении репортеров, можно было подумать, что они настоящие звезды команды. Год назад Билл и Джефф на маленькой олимпиаде *(Имеются в виду соревнования «предолимпийской недели». — Прим. ред.)* в Токио выиграли свои виды, и, кроме того, в Новой Зеландии с ними тренировались несколько японских марафонцев.

Я немало подивился тому, насколько переменился город с 1961 года. Даже не будучи хорошо сведущим в строительстве, я не мог не восхищаться огромной работой, которая была проделана, чтобы превратить Токио в город Олимпиады. От аэропорта в центр города вела новая монорельсовая дорога. Эта дорога и автотрасса, почти всюду подвешенная на огромных столбах, то ныряющая к самой земле, то стремительно уходящая в подземные туннели, были изумительны.

Олимпийская деревня не вызывала удивления. Сначала казалось, что она никак не может сравниться с римской, однако чем больше мы с ней знакомились, тем больше начинали ее ценить. Римская деревня была построена из кирпича и мрамора специально для Олимпийских игр. Японская деревня представляла собой бывшие армейские казармы, но далеко не плохие. К нашему приезду они были уже хорошо обжиты.

Работа японских строителей по окончательной подготовке деревни еще не была закончена. Японцы, не стесняясь, делали последние доработки, чтобы успеть к приезду основной части спортсменов, но вокруг все было и так уже готово. Лужайки и деревья и вся атмосфера были очень похожи на новозеландские.

Нам отвели место в спокойном уголке, примерно в половине мили от главного входа, однако совсем рядом от столовой и магазинов. С двух сторон нас окружали австралийцы, а сзади были японцы.

Ровер Уоткинсон и ребята из конной команды, прибывшие раньше нас, успели занять самые лучшие комнаты. Все же оставалось еще много очень хороших. Мы с Мюрреем попытались разместить спортсменов таким образом, чтобы соседи подходили друг другу по темпераменту. Мне досталась комната в верхнем этаже, а соседние комнаты заняли марафонцы Иван Китс и Барри Мэги. Внизу поместились Макс Карр, Артур и толкатель ядра Лес Миллз.

Токийская деревня имела одно очень важное преимущество перед римской: всего в 300 ярдах от наших квартир была разбита гаревая дорожка. В столовой спортсменов объединили более разумно, чем в Риме. Мы питались вместе с австралийцами, канадцами, испанцами и португальцами. В Риме нас кормили вместе со спортсменами из ОАР и Африки, и до тех пор, пока мы

не потребовали организовать дело как положено, нам приходилось есть необычную для нас пищу.

Мы приехали в деревню к вечеру и, быстро переодевшись, выбежали на улицу в безрукавках и шортах для поисков нужной разминочной трассы. Попробовав дорожку и обежав вокруг различных строений, мы двинулись к большим воротам и, возглавляемые Джеффом Джулианом, направились в местный парк с замечательным лабиринтом бетонных и глиняных дорожек.

Это был Мейджи-парк, в центре которого находится великолепный храм. Парк выглядел совершенным для тренировок.

Однако мы немедленно встретились с трудностями. У входа нас остановил полисмен и знаками разъяснил, что в этом парке можно ходить, но не бегать. Сознавая, что мы нарушаем, должно быть, какие-то религиозные обычаи, мы поступили дипломатично — пошли пешком. Когда полисмен скрылся из виду, мы снова перешли на бег.

Мы провели великолепную 10-минутную пробежку по извилистым дорожкам парка. Было ясно, что это место сыграет не последнюю роль в нашей подготовке к Играм, поскольку мы планировали по крайней мере полчаса ежедневного бега до завтрака. И, невзирая на полисмена, мы продолжали использовать парк и в дальнейшем. По мере того как прибывали новые команды, в бег по дорожкам парка включалось все большее число спортсменов. Японцы махнули на нас рукой, я думаю приняв во внимание то обстоятельство, что было проще разрешить нам бегать по парку, чем возить неизвестно куда по перегруженным транспортом улицам.

Последние прикидки

В первые дни пребывания в Японии я испытывал какое-то болезненное ощущение. На меня давило все, начиная с плохой погоды и кончая непривычной для меня обстановкой, характерной для этой перенаселенной страны.

В четвертый день после приезда я слег в постель, у меня поднялась температура, и я почувствовал слабость. На следующий день я легко побегал и решил постепенно войти в прежний тренировочный режим, однако в этот период Джон Дэвис чувствовал себя отменно, и мне приходилось напрягаться, чтобы не отставать от него.

С горечью я думал о том, что если форме, обнаруживаемой на тренировке, можно верить, то Джон наверняка обыграет меня на 1500 м. Все мне представлялось в мрачных тонах, и я, размышляя о предстоящих соревнованиях, не принимал в расчет, что на состязаниях кроме тренированности многое определяет темперамент спортсмена, что способность человека показывать чуточку лучшие результаты в борьбе у каждого различна, и, наконец, я совершенно не оценивал того факта, что я только-только выздоравливаю и что недомогания поглотили большую часть моей энергии. Словом, я переживал невеселое время.

Даже после прикидок на три четверти мили за 2.56,0 и спустя несколько дней на милю за 4.02,0 я не порадовался, чувствуя, что работаю на пределе, в то время как Джон бежит с хорошим запасом. Он выглядел исключительно хорошо подготовленным, и его уверенность в себе в этот период была беспредельна. У меня же не было никакой уверенности.

За семь дней до начала забегов на 800 м мы планировали провести прикидку и придавали ей огромное значение, рассматривая ее как физиологический и психологический стимул. На эту прикидку я вышел свежим, как на аналогичную прикидку перед Олимпиадой в Риме, так же за неделю до начала соревнований. Тогда на первом круге меня провел Барри Робинсон, и мы показали 51,5, а затем я финишировал, слегка сбавив темп на последних 200 м.

Сознавая, что Джон — мой главный противник, я не хотел просить его провести меня, как в свое время я просил Робинсона. Я получил бы в таком случае слишком большое преимущество перед Джоном, и мне это казалось не совсем честным. Я предложил две прикидки, где каждый будет лидировать по очереди, однако Джон и Артур дружески заверили меня, что не

видят в этом ни какой нужды. Джон с радостью согласился провести меня на первых 400 м за 53 секунды, а уже после этого начать борьбу. Как я уже говорил, его уверенность в себе не знала границ.

Нас обоих несколько озадачило предложение Артура включить в эту прикидку американца Тома О'Хара, которому Артур помогал советами в тренировке. Артур аргументировал это предложение, сказав, что мы таким об разом будем знать, в какой форме находится О'Хара. Мы возразили ему, что и О'Хара, в свою очередь, тоже получит представление о нашей форме, но Артур все же настоял на сроем, и Том побежал вместе с нами.

Слухи о предстоящей прикидке каким-то образом просочились в олимпийскую деревню, и когда мы встали на старт, за нами наблюдала группа зрителей, среди которых было несколько наших будущих соперников, а так же Роже Мунс, приехавший на Игры от бельгийского телевидения, и олимпийский чемпион 1956 года в стипль-чезе английский журналист Крис Бретер. Мы хотели скрыть результаты и поэтому стартовали с начала последнего виража, но никому заморочить голову нам, конечно, не удалось.

Когда дали старт и Джон двинулся по виражу, я поразился наступившей во мне перемене. Я неожиданно почувствовал бодрость и злость, и еще до того, как мы достигли 200-метровой отметки, где Невилл Скотт стоял с секундомером, крикнул Джону идти быстрее.

Мы прошли первые 200 м за 26 секунд и 400 м за 53 ровно. Я бежал сильно и мощно, и, хотя слегка сбавил темп на последних 200 м, мой результат 1.47,1 был удивительным. Дорожка была немного тяжелой, и поэтому я радовался своему результату еще больше.

Мунс разделил мое ликование по случаю обретения формы. Он сказал, что я смогу выиграть оба вида. Еще до прикидки я нянчился с этой идеей, но у меня не было уверенности, что я смогу так быстро возвратить себе быстроту, необходимую для победы на 800 м. Теперь я знал, что могу.

Хотя перед прикидкой мы намеревались скрыть свои результаты, теперь было ясно, какой эффект они окажут на психику моих противников, и я уже радовался, что наши результаты будут рассекречены. О'Хара, конечно, уже знал мое время.

После прикидки настроение О'Хара и Джона заметно переменилось. Я думаю, спесь из них была выбита одним махом. С этого момента я знал, что в предстоящих соревнованиях хозяином буду я. Они это понимали тоже. Я не напрасно верил в

свою тренировку. Весь мой огромный труд оправдал себя.

Еще перед Токио в газетах было напечатано мое заверение, что я не буду злоупотреблять встречами с Салли. В связи с этим она сделала мне несколько саркастическое замечание. Салли сказала, что если в Токио у меня не будет ничего на уме, она готова приехать туда в любое время, к любому дню.

Надо же было случиться, что в момент ее приезда я должен был присутствовать на генеральной репетиции открытия в качестве знаменосца на параде участников. Из-за этого мне не удалось ее встретить. Я попытался загладить свою вину, достав ей билеты на все три дня забегов на 800 м. Салли не заказала их заранее, потому что мы тогда еще не знали, побегу ли я 800 м вообще.

Репетиция показала еще раз, насколько японцами продумана организация Игр. Они уделили большое внимание даже самым мельчайшим деталям. Мы прорепетировали полную процедуру открытия, и организаторы даже впустили на стадион публику. В репетиции участвовали, конечно, не все спортсмены, а только знаменосцы и руководители команд, однако была проведена церемония факельной пробежки и в воздух выпустили несколько голубей.

Еще раньше японцы провели полную репетицию парада, в котором участвовали токийские школьники. Они составляли такие команды, которые предполагались в действительности.

В Токио деятельность прессы была поставлена под весьма строгий контроль, и для того, например, чтобы поговорить с новозеландскими спортсменами, представители прессы должны были иметь специальные пропуска и разрешения от руководства команды. Кое-кто обвинял нас в том, что мы не желаем по-настоящему сотрудничать с прессой. Я лично считаю, что лучше поговорить с репортерами, чем ждать, пока они сфабрикуют вымышленные истории или получат о тебе сведения из других, иногда ненадежных, источников. И все же в целом нельзя не признать, что большинство вопросов, которые задают репортеры, по своей сути таковы, что спортсмен не должен на них отвечать. Они требуют открытого предсказания результатов, интересуются, каким образом вы расцениваете будущих соперников, просят сообщить вас о результатах тренировок, о вашей настоящей форме и тому подобное. Нужно быть искушенным человеком, чтобы не обидеть репортеров, не спровоцировав одновременно какое-либо ненужное заявление.

Во время большого напряжения и эмоционального подъема, вызванного обстановкой Олимпиады, спортсмену очень легко заявить что-нибудь такое, на что он никогда не решится в

нормальных условиях. Нетрудно себе представить бегуна, только что выполнившего особенно хорошую прикидку. Он ликует, глядя на стрелку секундомера, однако прежде, чем он успевает дать всестороннюю оценку своему достижению, к нему подкатывает репортер.

— Алло. Гугл из лондонского «Иксплоуд». Всего не сколько вопросов.

— Да, да конечно, — бегая трусцой взад и вперед вне себя от радости.

— Как идет тренировка?

— Превосходно. Только что пробежал четверть за…

— Вот как? Это здорово. Как вы собираетесь пробежать в следующий вторник?

(В том же духе) — По тому, как я себя чувствую, соревнования не будут для меня трудными.

— Каковы ваши планы на соревнования?

— Ну, после этой прикидки ничто мне не страшно. Я собирался начать спринт как можно позднее, но теперь если нужно будет начать его за круг до финиша, я так и сделаю.

— Вы хотите сказать, что будете спринтовать сразу после гонга?

— Ну, я не совсем это хочу сказать. Но я готов к этому.

— Аг-га. А если никто не начнет спринт после гонга?

— О, тогда я выйду вперед за 300 ярдов.

— Кого, по-вашему, будет труднее всего побить?

— Ха, мне все равно кто побежит. Достаточно сказать, что я пробежал только что четверть за…

— Какой результат, по-вашему, будет у победителя?

— Давайте посмотрим. Какой у нас сейчас мировой рекорд?.. Так. Ну вот, мне думается, я смогу пробежать примерно на секунду лучше, если кто-нибудь подстегнет меня.

— Даже спринтуя сразу после гонга?

— Да, конечно. Ведь только что я пробежал четверть за…

После этого разговора бедняга видит свою фамилию в крупных заголовках, хотя к тому времени уже плохо помнит, что именно он говорил. Если бы у него было время подумать, его тренировочный результат представлялся бы ему в более реалистических тонах. В момент ликования, как, впрочем, и депрессии, вас могут легко поймать на удочку.

Вот пример того, что случилось со мной. Однажды я заметил в беседе с репортером, что английский бегун Симпсон «в великолепной форме», судя по его прикидкам. Репортер был англичанином, и в его статье была последовательно проведена линия, что я считаю Симпсона своим основным соперником.

Огромное скопление спортсменов в Токио навело меня на мысль, что со временем олимпийские игры должны превратиться лишь в состязания по основным видам спорта с исключением командных видов. Они наверняка будут сведены к простой и старой формуле человеческой борьбы — один против многих, без таких факторов, как техническое искусство командной игры и тому подобное.

Я не собираюсь лезть из кожи и давать советы, что должно остаться, а что нет, потому что в некоторых видах спорта, например в гребле, есть весьма тонкие особенности. Футбольная команда может вести борьбу даже если один из ее игроков не справляется со своим делом, а восьмерка гребцов никогда. Это порождает в последнем случае особый вид командного духа, который, наверное, целесообразно сохранить.

Однако я полагаю, что, по крайней мере, полдюжины командных видов должны быть исключены из программы Игр, чтобы обеспечить возможность нормально справляться с остальными видами.

Техническая сторона дела на Играх в Токио была абсолютно фантастической. Японцы бросили все современные средства — микромагнитофоны, вертолеты, телевизионные установки, все, чтобы наиболее точным и быстрым образом подсчитать результаты и довести их до зрителя. И зрителям и спортсменам была огромная польза от того, что на Играх были широко использованы достижения века электроники и транзисторов.

Ночь волнений

Больше всего я нервничал на Играх в ночь накануне первого выступления. Я принял окончательное решение бежать на обеих дистанциях и в ту ночь долго не мог уснуть, охваченный всевозможными сомнениями.

Я думал прежде всего о том, правильным ли является решение бежать дубль. Я чувствовал, что могу хорошо пробежать 1500 м. Однако 800 м шли первыми в программе, и поэтому существовало опасение, что я не смогу не только занять классное место на этой дистанции или даже не пройти в финал, но и вдобавок буду уставшим к началу забегов на 1500 м. Я мог, преследуя двух зайцев, не поймать ни одного. Не пожадничал ли я?

Многие журналисты расспрашивали меня насчет дубля, и я отвечал им, что прежде всего не хочу лишать себя шансов на победу на 1500 м, а поэтому побегу 800 м только тогда, когда у меня будут все основания полагать, что я этот вид выиграю. Если я стану победителем на 800 м, то проиграть 1500 будет не так уж страшно.

Теперь же, когда я принял окончательное решение, меня одолевали сомнения. А есть ли у меня все необходимое, чтобы выиграть 800 м? Мои опасения разыгрались еще больше, когда я узнал, что в программу забегов на 1500 м добавили еще одну квалификационную ступень.

Если говорить о выборе, то более всего я хотел победить на 1500 м. Это была цель, к которой я стремился после Римской олимпиады. Теперь было, однако, очевидно, что раз я заявился на 800 м, мне бесполезно думать о сохранении каких-то резервов на вторую дистанцию. Они мне понадобятся, чтобы финишировать на 800 м. Я чувствовал себя обескураженным.

Макс Карр пошел вытягивать для меня забег на 800 м и возвратился с новостью, что из каждого забега в полуфиналы выходят четверо, а из полуфиналов в финал только двое плюс два бегуна с лучшими результатами среди не вошедших в число двух из всех полуфиналов. Такой высокий барьер в полуфиналах означал, что они превратятся в такую же резню, как и сам финал.

Своим забегом я был доволен. Мне предстояло состязаться, по существу, лишь с единственным признанным полумилевиком мирового класса — американцем Джерри Зибертом, хотя в забеге присутствовал также и Кривошеев из Советского Союза, бывший в Риме полуфиналистом.

Утром в день забегов я легко позавтракал — корнфлексы, два яйца всмятку с гренками, хлеб с медом (этот мед мне прислали из Саут-Кентербери) и чашка чая. До ленча я отдыхал у себя в комнате, обсуждая предстоящие забеги с Лесом Миллзом, всегда склонным выражать свое мнение по любому вопросу. Я всегда восторгаюсь, слыша мудрые речи о беге на средние дистанции от человека, который выступает не на дорожке, а в секторе для метаний.

В половине первого в компании с Мюрреем и Барри — в тот день им предстояло бежать 10 000 м — я отправился выпить чаю. Мы ничего не ели. Забеги на 800 м начинались в 3.30. Менеджер Билл Стивенс выделил нам машину, и я вместе с Мюрреем, Барри и Артуром приехал на стадион за час до начала. В первый раз я прочувствовал процедуру прибытия, которая в течение следующих восьми дней стала для нас обычной. С нами обращались как с очень важными лицами и нашу машину сопровождал эскорт до самых ворот стадиона. В раздевалке я отдыхал на кушетке, увитой виноградной лозой, — были предусмотрены даже одеяла и подушки — и пошел разминаться за 45 минут до старта.

Среди разминающихся я быстро обнаружил своих старых противников и был удовлетворен, заметив, что многие из них начали разминку задолго до моего прихода. Полная разминка — часто довольно утомительная процедура, и если спортсмен разминается чересчур тщательно, это верный признак того, что он нервничает.

Артур пошел со мной, чтобы не потерять меня и произвести отметку о моей явке на перекличку. Олимпиада была так хорошо организована, что нельзя было не явиться на свой вид в нужное время. Расписание забегов было явственно обозначено на больших досках вдоль разминочной дорожки, постоянно делались объявления на английском языке, и каждые 30 минут производился контроль явок.

Как только я приступил к разминке, все сомнения и опасения слетели с меня разом. Всякие размышления были уже бесполезны. Все, что теперь случится, от меня уже не зависит. Именно теперь я почувствовал, что Игры по-настоящему начинаются для меня сейчас.

Наверное, из-за того, что я был чемпионом, защищающим свое звание, я, продвигаясь среди своих соперников, испытывал чувство «я лучше других». Я не мог не сознавать, что они смотрят на меня, во-первых, как на чемпиона, а во-вторых, как на бегуна, прошедшего отличные прикидки перед Играми. Я должен был действовать на них обескураживающе одним своим присутствием.

По крайней мере я хотел этого.

Наконец снова я появился на пункте переклички. Здесь нас проверяла большая группа японских секрета рей. Они работали спокойно и эффективно. Здесь же была и женщина с иголкой и ниткой в руках, чтобы подшить номер, если окажется необходимым. За 10 минут до старта нас через подземный туннель провели на поле, и мы оказались у самого начала предпоследней прямой. Теперь ходьба до самого старта.

Мы появились на стадионе как раз в момент, когда давали старт первому забегу. Я был довольно-таки потрясен, увидев, как никому не известный бегун из Кении Кипругут исполнил великолепное соло с результатом 1.47,8. Он выиграл у второго почти целую секунду, и в этом забеге наихудший квалификационный результат составлял 1.48,9. Остальные два забега перед моим были менее фантастическими. Победители в них показали 1.50,3 и 1.49,5. Дышать стало чуточку легче.

Я привез с собой шиповки, которые сохранял еще со времени турне по США в 1963 году, и пробежал в них все забеги, исключая первый на 1500 м. Мы положили наши туфли и отправились посмотреть третий забег, где бежали Киндер и Грот. Киндер выиграл с неплохим временем — 1.49,5. Однако я испытал смешанное чувство огорчения и облегчения, когда Грот, имевший в сезоне лучший результат, на прямой сник и, хромая, закончил бег, выбыв из дальнейших состязаний.

Как в Риме и в Перте, здесь мне опять выпала внешняя дорожка. Не помню, что у меня были какие-то особенные соображения ни когда я трусил около стартовой линии, ни когда меня вызвали на старт. Я принял низкий старт, рассчитывая быстро уйти вперед и к моменту, когда кончится разделение дорожек, занять удобную позицию.

Однако, когда мы вымахали из первого виража, обнаружилось, что и другие также взяли быстрый старт. Я был где-то в самом хвосте. Бегуны сбились в тесную кучу, и я решил, что ничего страшного не произойдет, если я останусь там, где есть, и последую тактике выжидания. Темп был довольно быстрый. На предпоследней прямой я бежал достаточно легко, намереваясь в то же время улучшить свою позицию и занять место, с которого можно было бы атаковать обоих лидеров. На последнем повороте, чтобы не попасть в «коробочку», я обошел обоих и взял лидерство. Я внимательно смотрел то в одну, то в другую сторону, чтобы кто-нибудь не захватил меня врасплох внезапным броском. Я выиграл за бег с небольшим преимуществом, но на последней прямой еле сдерживал себя, чтобы не втянуться в спринт, потому что стремился выиграть

забег с наименьшей затратой сил.

Странно, но то же ощущение у меня возникало и на финише первых забегов на 1500 м. Я был доволен результатом 1.49,0, учитывая легкость, с которой он мне достался.

Я остался на поле, чтобы посмотреть следующие два забега, особенно мне хотелось увидеть выступления Джорджа Керра и Билла Крозерса. Оба выиграли. После этого я присоединился к группе австралийцев, и мы приготовились наблюдать забег на 10 000 м. Тем временем Артур побежал в будку, где находился репортер новозеландского радиовещания.

Перед стартом мы согласились, что соревнование, пожалуй, сложится как поединок между австралийцем Роном Кларком и нашим Мюрреем. Вопрос, мы полагали, заключается только в том, сумеет ли Кларк достаточно измотать Мюррея, чтобы лишить его мощного спурта на финише. О своей тактике в предстоящем забеге Мюррей тогда никому не распространялся.

Как только он потерял контакт с лидерами и начал оттесняться назад, я вспомнил о традиционной дружбе, связывающей Австралию и Новую Зеландию, и немедленно переключил свои надежды на успех Кларка. Но бег выиграл Билли Миллз, и это был самый худший исход, который можно было ожидать. Я не имею ничего против неожиданного успеха Билла Миллза. Но дело в том, что Миллз американец, а американцы по традиции мастера на коротких дистанциях, и нам, остальным нациям, естественно, не очень приятно видеть, как они начинают осваивать новые для них виды бега на выносливость. Забег на 10 000 м остался в моей памяти как одно из самых волнующих состязаний Олимпиады. Приводил в изумление тот факт, что после изматывающей борьбы, где график бега был все время в рамке графика олимпийского рекорда, судьба на последних 300 ярдах бега улыбалась то одному, то другому бегуну.

Не дожидаясь своих товарищей, я поехал в олимпийскую деревню отдыхать перед полуфиналом следующего дня.

Я ознакомился с жеребьевкой, как только ее результаты стали известны, и обнаружил, что, невзирая на шесть бегунов очень высокого класса, которых жребий свел со мной, мой забег все же самый легкий. Наличие в моем забеге стольких равных по силе бегунов означало, что темп бега будет, вероятно, высоким. Я привел в восторг, узнав, что Джордж Керр вытянул второй забег и оказался в одной компании с Кипругутом, а также с Джоном Боултером из Великобритании. Я понимал, что эти бегуны были яркими представителями тактики фронтального бега и поэтому Джорджу придется принять очень жестокое сражение, чтобы

закончить бег впереди по крайней мере одного из двух этих любителей лидировать.

Я пробежал свой полуфинал почти точно так же, как и забег, на всем протяжении бега сознавая важность победы для надёжной квалификации. Входя в последний вираж, я бежал третьим, вслед за бельгийцем Пэнневертом и советским чемпионом Булышевым. Возможно, с моей стороны было и не очень честно, но я, озабоченный лишь тем, чтобы не попасть в «коробочку», отошел на вираже от бровки и пошел плечом к плечу к Булышеву, сделав для него невозможным обойти Пэнневерта без того, чтобы не отойти назад. На этой стадии бега такой маневр с большой вероятностью приводил к поражению. Когда я, выходя на прямую, начал свой спринт, Пэнневерт оказал заметное сопротивление, но я все же был на финише первым и еще с некоторым запасом.

Снова, как в прошлый раз, я остался смотреть остальные забеги. В забеге Керра повторилась римская история, и Джордж снова побил олимпийский рекорд, показав 1.46,1. Это стало возможным за счет чрезвычайно энергичного лидерства маленького Кипругута. Керр и Кипругут финишировали на 0,8 секунды быстрее немца Богацки. Богацки показал 1.46,9, и его время было самым лучшим среди результатов бегунов, не попавших в число первых двух. Кстати, такой же результат был и у меня.

До того времени я пребывал в полной уверенности, что мой олимпийский рекорд 1.46,3 побит в Токио не будет, и я испытал весьма неприятные переживания, хотя по логике вещей должно было быть ясно, что такое фантастическое время в полуфинале не может не сказаться на этих двух бегунах во время финала.

В третьем полуфинале, к моему удивлению, Крозерс и Фарелл вычеркнули из дальнейшей борьбы Киндера. Я не мог также не посочувствовать Тони Блю, который последние 600 м бежал в одной туфле. Он сказал мне позднее, что кто-то в начале первого круга наступил ему на пятку и сорвал туфлю. А когда они входили за 300 м до финиша в предпоследнюю прямую, бегун из республики Чад, пытаясь обойти, толкнул его. Обычно уравновешенный Тони тотчас решил, что этот бегун и есть тот самый парень, который наступил ему на пятку, и впервые в жизни потерял над собой контроль. Он подтянулся и нанес ему ужасный удар в спину. Тони храбро сражался до самого конца, но в финал не попал.

Теперь моя тактика в финале достаточно четко определилась. Поскольку Кипругут не слишком выдохся за это время, естественно предположить, что именно он поведет бег. И по той причине, что никто из остальных (разве, может быть, Крозерс?) не

имеет достаточной подготовки на милю, и из-за недостатка выносливости придется нелегко после двух уже проведенных соревнований.

Я перебрался в тихую, уединенную комнату, освобожденную Уоткинсоном, уже закончившим свои выступления. Я заметил, что начинаю сбавлять в весе, принимая пищу лишь два раза о день.

В финале мне досталась первая дорожка — позиция для старта неудобная, поскольку, стартуя от бровки, вы сразу же сталкиваетесь с альтернативой — либо бежать как сумасшедший и выйти в лидеры, чтобы маневрировать, имея забег за спиной, пропустив вперед ровно столько бегунов, сколько нужно, либо бежать медленно и в дальнейшем вести состязание от хвоста забега. Любой из этих вариантов может принести свои хлопоты, и при старте по раздельным дорожкам вас могут затолкать и зажать в «коробочку»,

Я рассчитывал, что Кипругут пройдет первый круг с большой скоростью и остальные не смогут бежать вплотную за ним. Поэтому мой план свелся к тому, чтобы взять быстрый старт, пристроиться к Кипругуту и далее следовать вплотную к его плечу, чтобы избежать «коробочки».

Однако Кипругут и не думал стартовать так быстро, и остальные сгрудились вокруг него. Все же я пробился на второе место, но прежде, чем смог занять нужную позицию с внешней стороны от Кипругута, Фарелл пристроился к моему плечу, обнаруживая несомненную решимость бежать вдали от бровки и держать меня там, где я был. В голове промелькнула мысль: «При таком темпе он не пробежит рядом со мной более чем 200 ярдов. На вираже у меня появится возможность маневрировать».

Итак, я решил не отходить назад, в гущу забега, чтобы пропустить вперед Фарелла и избежать «коробочки». Я оставался на своем месте. Фарелл оставался на своем. Я начал сознавать крайнюю опасность своего положения, когда на подходе к гонгу несколько бегунов обошли меня и Фарелла по третьей дорожке. Одним из них был Джордж Керр. Я был не в состоянии его преследовать.

Мой предварительный план включал непрерывный спринт за 250 м до финиша. Теперь все было расстроено. Я бежал легко, но в заточении, и хотя теперь было такое же положение, как и в Риме, я чувствовал себя способным совершить обходной маневр с пропуском Фарелла вперед, обойти забег и все еще быть готовым бросить вызов. Именно это я и собирался проделать.

Исполнение этой идеи состояло из двух частей. Сначала я вырвался из хвоста забега примерно на четвертое место и бежал в

этой позиции по третьей или четвертой дорожке до самого конца предпоследней прямой. Затем второе, заключительное, усилие, и, обойдя Кипругута и Керра, не отставав ших друг от друга ни на шаг, я пустился в отчаянный спринт по виражу. Отчаянный — потому что план был испорчен и я начал финишный рывок очень поздно.

Перед самым концом виража я оглянулся и увидел, что Керр и Кипругут хотя и следуют за мной вплотную, но не собираются атаковать меня. На прямой я чувствовал, что бегу на пределе, хотя никаких знаков ослабления темпа не наблюдалось. Наоборот, вспоминая этот финал, я нахожу, что стремился подсознательно оставить себе кое-что на 1500 м, несмотря на отчаяние, охватившее меня на последних 200 ярдах.

Во всяком случае, как только я ощутил приятное прикосновение ленточки, огромная тяжесть была сброшена с моих плеч. Я не мог удержать себя и, ликуя, выбросил руки вверх. В конце концов дело было сделано. Теперь я мог выступать на 1500 м без малейшей ответственности. Это было игрой, в которой ставка была уже оплачена.

Еще большую радость я испытал, когда объявили результат — 1.45,1. Я возвратил себе рекорд Игр, проведя соревнование по крайней мере так же хорошо, как в 1962 году в рекордном забеге в Крайстчерче. Этот результат был первым действительно классным временем на 800 м за прошедшие два с половиной года. А если учесть, что четверо в финале вышли из 1.46,0, то я выиграл величайшее соревнование на 800 м. Крозерс показал 1.45,6, Керр и Кипругут — 1.45,9.

Пока я выбирался из своих шиповок, судьи подготовили мой тренировочный костюм, носки и резиновые туфли. Я ставил свои автографы на программах, которые мне не переставали подсовывать, а потом меня вместе с другими бегунами, занявшими призовые места, провели по сплошному лабиринту коридоров в комнату ожидания для олимпийских медалистов. Три японские девушки в ярко расцвеченных кимоно приветствовали нас при входе. В комнате стояли бамбуковые кресла, было множество цветов и бар с легкими напитками. Официальный представитель, используя доску и указку, провел полный инструктаж нашего поведения во время церемонии награждения, показав нам, куда нужно идти и что делать.

Я расположился в кресле и вытянул ноги, Я чувство вал себя очень слабым — следствие громадных усилий и психического напряжения. Вскоре появился сэр Артур Поррит. Он радостно заявил, что будет вручать мне медаль, так же как делал это в свое время в Риме и Перте. У меня не было сил даже подняться. Я

пожал ему руку, еще не полностью сознавая, что происходит вокруг меня.

Через четверть часа началась церемония награждения, и к этому времени я успел уже прийти в себя. И даже в эти минуты я думал не столько о том, что уже мною сделано, сколько о том, что мне еще предстоит.

Когда я поднимался на пьедестал, многие зрители уже покинули стадион, но от этого мое ликование не уменьшилось. Обычно когда вы уже поднялись на верхнюю ступеньку, вы не ликуете, но чувствуете спокойное удовлетворение или даже простое облегчение от того, что ваша победа уже решенное дело. Но в Токио я по-настоящему ликовал, потому что мой успех на 800 м означал, что я не потерял ни единого шанса на дубль.

Медаль, которую мне вручили, была такой же, как и в Риме, только вместо цепи на этот раз была лента из чистого японского шелка, расцвеченная пятью олимпийски ми цветами. На обратном пути я поискал глазами Салли и увидел ее перед трибуной около императорской ложи. Я подошел к ней и отдал медаль.

Дубль!

В тот вечер я принял приглашение пообедать с супругами Кен Арчболд, вместе с которыми в Токио остановилась Салли. Этот обед доставил мне немалое удовольствие. Во-первых, потому, что подавали котлеты из молодого новозеландского барашка, именно то, чего нам недоставало в деревне, а во-вторых, мне не пришлось возвращаться в олимпийскую деревню, где атмосфера в тот вечер совсем не благоприятствовала отдыху перед первым забегом на 1500 м.

За обедом я совсем было забыл об Играх, но зазвонил телефон, и Гарольд Остэд сообщил мне, что дожидается меня в деревне вместе с новозеландским послом в Японии Тэйлором. Извинившись как можно вежливее, я отказался приехать, сказав, что мне очень важно отдохнуть перед соревнованиями.

К счастью, из каждого забега в полуфиналы выходило четверо первых плюс два самых быстрых бегуна из числа занявших пятое место. Это обстоятельство давало мне возможность бежать со значительным запасом.

Мой дальнейший успех зависел от того, насколько легко мне удастся пробежать первый забег. По жребию я должен был соревноваться в третьем забеге, где серьезным противником был лишь Том О'Хара.

Я понимал, что единственный способ выбросить меня из дальнейшей игры заключается в том, чтобы использовать мою слабость после напряженного финала и установить сильный темп. Дрейфуя на ранней стадии соревнования, я не знал, можно ли надеяться на легкую пробежку или следует ожидать неминуемого увеличения скорости. Однако, к моей радости, никакого увеличения темпа не случилось. Этот забег был самым медленным из четырех, а мой результат 3.46,8 (я занял четвертое место в забеге) был самым худшим из всех, которые были показаны спортсменами, пропущенными в полуфиналы.

Мы не стали преследовать бегуна из Кении и прошли вслед за ним в таком порядке: Хольтц, О'Хара и я. На финише мы ежесекундно оглядывались, и нас друг от друга разделяли только 0,2 секунды.

Джон Дэвис попал также в медленный забег и выиграл его, разделив первое место с Витольдом Бараном и Дайролом Берлесоном (3.45,5). Наиболее быстрый забег выиграл англичанин Алан Симпсон, показавший 3.42,8. В этом забеге пятым пришел никому не известный югославский бегун, и его

результат был 3.43,7. Известно, что 3.44,0 — метрический эквивалент мили за четыре минуты, и результаты, показанные в забеге с Симпсоном, свидетельствовали, что на старт финала на 1500 м выйдут отнюдь не новички.

Однако кризис миновал, и теперь у меня перед полуфиналом был день отдыха. В финал выходили четверо лучших из каждого полуфинала и один пятый с наилучшим временем. В свободный день утром я пробегал час легкой трусцой, а в день полуфинала проделал то же самое в течение получаса перед завтраком. После этих пробежек я почувствовал, как мои ноги наливаются силой.

В моем полуфинале бежал француз Мишель Бернар, энергичный бегун, предпочитающий лидировать. Именно он на Олимпийских играх в Риме открыл дорогу Герберту Эллиоту к мировому рекорду на 1500 м. Остальные участники забега, сознавая, что один из бегунов мирового класса будет исключен на финише из дальнейшей игры, и, вероятно, надеясь уладить возможное поражение перспективой оказаться пятым бегуном с наилучшим результатом, преследовали Бернара с особенным рвением. Я спокойно бежал в хвосте забега. Уже после первого круга гонки 17-летний американец Джим Райан заметно отстал и потом добрался до финиша лишь последним за 3.55,0. Я бежал совершенно неосведомленным относительно промежуточных результатов. Я сознавал, что темп бега высок, но чувствовал, что вполне с ним справляюсь. На самом деле бег был настолько быстрым, что на последних 200 м спринтовать никто уже не мог. Я не собирался выигрывать полуфинал и все же первым пришел к финишу, поворачивая голову то направо, то налево, рядом с Витольдом Бараном. Мое время 3.38,8 в точности равнялось лучшему результату Мюррея Халберга: он показал его в Осло в 1958 году, закончив бег позади Эллиота. Джон Уэттон прибежал пятым за 3.39,9. Этот результат принес бы ему победу во втором полуфинале, где места разыграли тактически с отрывом по меньшей мере в 10 ярдов.

Второй полуфинал заставил новозеландцев немножко понервничать. На финише за третье место сражались сразу четыре бегуна, и одним из них был наш Джон Дэвис. Всем дали один и тот же результат — 3.41,9. Разумеется, двое из этой группы теперь должны были быть отсеяны, и нам, наблюдавшим бег, казалось, что в числе этих двух будет и Джон. В ожидании судейского решения мы не находили себе места, но наконец объявили результаты этого полуфинала, и Джон оказался третьим.

Быстрый темп, установленный с самого старта Бернаром, оказался роковым для большинства финалистов из нашего

полуфинала. Уэттон смог показать в финале лишь 3.42,3, Баран — 3.40,3, Бернар — 3.41,2. Даже я сам не представлял себе в полной мере, какую значительную часть моих сил унес этот полуфинал, до тех пор, пока не начался финальный забег.

В остаток дня, чтобы снять тяжесть в ногах, я пробежал около часа трусцой и в утро финала проснулся довольно свежим. Наш финал совпал с состязанием марафонцев — его ожидали в Токио с большим нетерпением, и когда мы с Джоном и марафонцами новозеландской команды Джеффом Джулианом, Реем Пэкеттом и Иваном Китсом готовились к отъезду на стадион, до меня впервые дошло, насколько большей популярностью пользуется в Японии марафон в сравнении с беговыми видами на дорожке. Джеффа, которому со дня его прибытия на Игры пресса уделяла столь большое внимание, что мы прозвали его «Королем», окружало несколько фотографов и репортеров, фиксировавших каждый элемент его приготовлений. Машина была предназначена для всех нас пятерых, и мы с Джоном точно рассчитали, когда нам следует выезжать, чтобы добраться до стадиона в нужное время и не форсировать разминку. Однако прошло целых пять минут после назначенного времени отъезда, а мы все еще не могли уехать. Марафонцы продолжали суетиться, бегая то за вазелином, то за кусками лейкопластыря, Может быть, они хотели еще немножко попозировать — не знаю.

Перед самым стадионом нам пришлось пробивать себе дорогу сквозь большие толпы людей. Разумеется, они собрались здесь, чтобы посмотреть марафон. Разминочная площадка казалась пустынной, и мне пришло на ум, что наш финал для зрителей просто средство заполнить время в ожидании, когда возвратятся их марафонские короли.

Сегодня мои соперники, казалось, разминались менее энергично, чем раньше. Они больше, чем обычно, бегали трусцой вокруг дорожки и в меньшей степени, чем всегда, шли на ускорения в полную силу. Погода была прекрасной, все вокруг было залито солнцем, и теплый, едва заметный ветерок полоскал флаги над стадионом. Мы еще не закончили разминку, а марафонцы уже приняли старт и, покинув стадион, отправились в свой далекий путь.

Моя уверенность, окрепшая после победы на 800 м, еще более возросла, когда, пробежав свой полуфинал на 1500 м, я увидел, что полностью восстановил свои силы. Я был, однако, твердо настроен идти только на победу и не думать ни о каком рекорде. Передо мной стояла задача — как можно дольше выжидать и как можно более сконцентрироваться исключительно на достижении победы. Я знал, что Джон намерен превратить финал в серьезное

честное соревнование и не допустить такой ситуации, когда после вялого темпа на протяжении всей дистанции первые места разыгрываются в суматохе на финише и достаются обычно наилучшим спринтерам.

К этому времени я уже успел полюбить 1500-метровую дистанцию. До Токио ничего подобного я за собой не замечал. Бег на 1500 м хорош тем, что старт дается с кривой линии в начале прямой, противоположной финишной; и поэтому едва только бегуны успевают разместиться, как вдруг оказывается, что остается бежать три круга. Это открытие всегда меня радовало.

Бернар провел нас первый круг за 58 секунд. Непосредственно за ним шел Берлесон, а далее держались все мы, целой группой. Я бежал потихонечку в конце забега. Достигнув линии старта, Бернар вдруг замедлил бег и, оглянувшись назад, сделал жест, приглашающий идущего за ним бегуна взять лидерство. Сложилась забавная ситуация, поскольку шедший за Бернаром Берлесон ни за что на свете не захотел бы оказаться впереди всех так рано.

В состязании наступила конфузливая передышка. Мы протрусили почти целых 200 м, пока наконец Джон, который намеревался обострить состязание за 600 м до финиша, не вышел вперед, подстегиваемый продолжительной нерешимостью своих противников и бесполезной для него тратой времени. В его же собственных интересах нужно было сделать бег напряженным. Вот почему, выходя на финишную прямую во второй раз, он обошел несколько бегунов и стал лидером на круг раньше, чем планировал.

Отметку 800 м мы прошли хуже двух минут, и в это время я перешел на второе место, вслед за Джоном. У меня не было намерения начать ранний рывок, но я все же предпочел не оставаться в группе.

Я настолько боюсь попасть в «коробочку», что очень часто бегу далеко от бровки, но тогда, прежде чем я успел об этом подумать, мы вышли на прямую за круг до финиша, бегуны начали перестраиваться, чтобы занять место, удобное для финишного броска, и я в мгновение ока оказался заблокированным.

Я решил не повторять проделанный мной в финале на 800 м маневр с последующим обгоном всего забега, чтобы возвратить себе инициативу, и решил выпутаться прямым путем. К счастью, для своего освобождения мне не пришлось прибегать к такому неучтивому средству, как отпихивание противника локтями, вещь обычная для таких соревнований. Когда мы бежали по виражу, я просто повернул голову и посмотрел, кто пристроился сзади.

После этого я выдвинул вперед правую руку, наподобие того, как это делает мотоциклист, желающий показать, что он хочет повернуть. Я вздохнул с облегчением, когда увидел, что Джон Уэттон, бежавший вплотную к моему плечу, как и подобает настоящему английскому джентльмену, предупредительно посторонился. Освобождение оказалось необыкновенно простым.

Вперед с мощным ускорением вырвался Баран, но теперь, когда мы бежали по предпоследней прямой, я был в хорошей позиции и ничего уже не боялся. Я почувствовал небольшое утомление — последствия проведенных состязаний давали себя знать — и поэтому решил отложить заключительный рывок до входа в последний вираж. Я бежал свободно, уверенный, что полностью контролирую состязание, и за 200 м до финиша начал решительный спурт. Когда я вышел вперед, у меня появилось странное ощущение, будто все остальные только и ждали, когда я сделаю вызов, считая его неотвратимой частью соревнования, предупредить которую было не в их власти.

Выходя на последнюю прямую, я чувствовал, что могу, если понадобится, увеличить скорость бега, однако, оглянувшись назад, я увидел солидную брешь и понял, что подстегивать себя мне не придется. Во всяком случае, я пробежал последние 100 м с гораздо меньшим напряжением, чем во время финального забега на 800 м.

Позднее я был изумлен, увидев, что на последнем круге я показал 53,2, а последние 300 м прошел за 38,6, что соответствует темпу 400 м за 51,5 секунды. Мой результат на финише 3.38,1 был значительно хуже мирового рекорда Герба Эллиота (3.35,6), но все же выглядел неплохим, если учесть напряженность первых забегов и медленное начало самого финала.

Пробежав линию финиша, я оглянулся и увидел Джона, направлявшегося в мою сторону. Глаза его блестели, а губы растянулись в широкой улыбке. Я понял, что он тоже выиграл медаль. Он подбежал ко мне, поздравил с победой и несколько раз выразил сожаление, что пришел только третьим, а не вторым. Все же он был по-настоящему счастлив от своего выступления, и мне было досадно, что я не только не помог ему, но даже немного навредил. Когда я сделал рывок, несколько бегунов потянулись за мной, и среди них был Алан Симпсон, более быстрый в спринте, чем Джон, Алан встал на дороге у Джона, и пока тот пытался его обойти, Йозеф Одложил сумел проскочить на второе место.

Когда группа новозеландских спортсменов появилась на траве у гаревой дорожки, я почувствовал, как внутри меня поднимается волна гордости за Новую Зеландию, завоевавшую в

одном виде сразу две медали. Вскоре из Еношимы пришло сообщение, что новозеландская команда «летучего голландца» выиграла для нас еще одну золотую медаль.

За церемонией награждения последовала неизбежная пресс-конференция. Среди заданных мне вопросов был такой: «Что вам сказал Берлесон после финала?» Этот неожиданный вопрос последовал от американского журналиста.

Когда мне задали этот вопрос, я вспомнил, что Берлесон был, пожалуй, единственным бегуном, который после забега не сказал мне ни единого слова. Я не хотел, чтобы этот журналист написал о Берлесоне как о плохом спортсмене. Таковое, в случае если я признаюсь, что Берлесон просто не подошел ко мне, представлялось мне весьма вероятным. Я попытался избежать инцидента, заявив, что не жепаю отвечать на заданный вопрос.

Я не знал тогда, что Берлесон пожаловался, будто бы я затер его, и что репортер решил выяснить, жаловался ли Берлесон мне. По этой причине моя увертка, сделанная из добрых побуждений, представлялась совсем в ином свете, и в результате в репортерском отчете появился такой абзац: «Что бы ни сказал Берлесон Снеллу после окончания финала, наверняка это попало в цель, поскольку Снелл отказался сообщить, что это было».

Я присоединился к Артуру и репортеру новозеландской радиовещательной корпорации Лэнсу Кроссу, и мы стали следить за ходом марафона по телевизору, установленному в радиобудке. С этого места хорошо просматривался стадион, и мы были свидетелями небывалого триумфа Абебе Бикилы и драматического поражения японского марафонца Чубарейя, который вбежал на стадион вторым, на 10 ярдов впереди англичанина Бэзила Хитлея, и был беспощадно отброшен последним на заключительных 200 м.

Я испытал огромное волнение, глядя на фантастический результат Абебе Бикилы, — такое же чувство у меня вызывали позднее выступления Рона Кларка в Америке и Европе. Перед достижениями великого марафонца мои собственные результаты казались мне незначительными. Когда Бикила финишировал, зрители уставились на него, ожидая, как поведет себя человек, показавший столь замечательный результат. Бикила запросто завернулся в кем-то предложенное ему одеяло, протрусил в середину поля, сделал там несколько упражнений и затем бесстрастно раскланялся на все четыре стороны. Я был склонен думать, что японцы переживают победы в некоторых видах с необычайным энтузиазмом, но то, что случилось на стадионе после этого, сделало приветствия в остальных видах подобием вежливых аплодисментов где-нибудь на благотворительном

вечере.

Теперь мы с нетерпением ждали появления наших ребят. Когда часы отстукали 2 часа 20 минут, Артур сказал: «Сейчас они появятся». Прошло еще пять минут, и он не сказал ничего. Он выглядел разочарованным.

Наконец на стадион вбежал Рей Пакетт. Вид у него был унылый, и на финише он выглядел разбитым. Очевидно, поврежденная ступня причиняла ему невыносимую боль.

Спустя несколько секунд в воротах появился Джефф Джулиан, и когда, заканчивая последний круг, он вдруг поднял руки над головой и помахал ими в толпу, мне вдруг вспомнилось: «Король умер, да здравствует король!».

Поджидавшие марафонцев официальные лица бросились к раздевалке, которая между тем заполнялась жертвами прошедшего состязания. Наверное, из всех новозеландцев больше всего досталось Ивану Китсу. Он натер себе ноги невероятно сильно, Мюррей Халберг, настроенный обычно против Китса, проникся к нему симпатией, когда осознал, с каким мужеством Китсу пришлось пробивать себе дорогу.

Что же случилось с этими тремя? Каждый из них мог бы без труда показать в тренировке 2 часа 20 минут, и все же на финише они были лишь «в числе других». Может быть, их заключительная прикидка была проведена слишком близко к состязанию? Какова бы ни была причина их неудачи, Артур очень горько переживал. Перед Играми ему пришлось немало потрудиться, чтобы убедить соответствующих лиц, что посылка на Олимпиаду сразу трех марафонцев будет оправдана их результатами.

Тот вечер мы с Салли провели в компании австралийцев и новозеландцев. С нами были Рон Кларк с женой, Тони Кук, Олби Томас, Тревор Винцент, Мюррей, Билл Бейли, Джон Дэвис и Артур. Все мы были голодны, так как пропустили ужин в олимпийской деревне, и поэтому без колебаний приняли приглашение на банкет, организованный «Американ Трэк энд Филд Ньюз». Однако, во-первых, ужин в японском стиле был не совсем то, чего мы хотели, а во-вторых, все развлечения свелись к сериям интервью с тренерами и спортсменами и к подсчету добытых очков на Играх.

Поскольку американцы загребли золотые медали во всех беговых видах, исключая бег с препятствиями, выигранный Гастоном Рулантсом, мои два вида и марафон, вы можете себе представить, что это был за вечер. И, хотя мы высоко ценили американцев за их спортивность, стойкость и самоотдачу, примерно через час барабанной трескотни посчитали за лучшее поскорее уда литься.

Единственное развлечение на этом банкете для нас организовали Билл и Джон. Билл, желая выразить свое отношение к японским кушаньям, радостно сжевал несколько гвоздик и предложил Джону сделать то же самое с хризантемами. Джон с игривой миной откусил один раз и быстро нашел, что хризантемы менее съедобны, чем гвоздики.

Некоторое время мы шатались по городу, примериваясь к ночным клубам, и наконец обосновались в одном, довольно типичном — заполненном западными дельцами средних лет, которые сидели там в обнимку с японками. И снова Билл избавил нас от скуки, выступив по собственной инициативе, и не без успеха, в клубном шоу. Представление включало стриптиз в исполнении довольно посредственных танцовщиц-гейш. Одна из этих женщин допустила неосторожность, танцуя слишком призывно совсем недалеко от Билла. Неожиданно для всех Билл схватил ее и в один миг очутился на эстраде. Он тотчас начал танцевать, а потом решил проявить себя и в стриптизе. Сначала он снял пиджак, потом галстук, сорочку, наконец майку и носки. Танцовщица наигранно ужаснулась, и Билл, намеревавшийся стащить с себя брюки, остановился. Он покинул эстраду под гром аплодисментов.

Вместо отдыха — новые испытания

На следующее утро мы с Салли решили посетить знаменитый многими храмами Никко и высокогорное озеро Чузенджи. Стояла осень, и, когда мы добирались к озеру по извилистому шоссе, все вокруг было удивительно красным и желтым. Мы остановились в гостинице, где номера были обставлены в японском стиле, включая постель на полу. Красот озера нам, однако, увидеть не удалось — все время шел дождь. За день до намеченного срока мы снялись с места и возвратились в Токио, где успели посмотреть церемонию закрытия Игр.

Йозеф Одложил заходил к нам в мое отсутствие и оставил мне подарок — несколько почтовых открыток, альбом с цветными фотографиями видов Чехословакии и меленькую пепельницу из чешского стекла. Я ответил на этот дружеский жест.

Вскоре выяснилось, что Артуру представилась прекрасная возможность разузнать у Йозефа, может ли тот посетить Новую Зеландию сразу же после закрытия Олимпиады.

В таких делах Артур действует лучше всякого уполномоченного. Спортсмены хорошо знают, кто такой Артур, они знают, что он необыкновенно любит легкую атлетику, что они могут говорить с ним откровенно, и при этом он никогда не попытается извлечь из них какую-либо корысть. Они полностью доверяют Артуру и там, где были бы осторожны, имея дело с незнакомым человеком. Все же возможности Артура ограничены, и он действует лишь исключительно на убеждении, что его мнение найдет поддержку в Новой Зеландии.

В организации поездки Одложила в Новую Зеландию Артур добился замечательного успеха. Ему удалось не только обеспечить приезд Йозефа в нашу страну в начале ноября, но и устроить эту поездку без менеджера.

Церемония закрытия Игр была спланирована таким образом: впереди шли знаменосцы участвовавших в Олимпиаде стран, а затем все остальные участники, перемешавшись насколько возможно, чтобы выразить этим дух олимпийских игр. В этой непринужденной обстановке единственными, кто подходил к этому делу церемонно, были японцы.

Пронеся флаг, я быстро ушел со стадиона и возвратился в гостиницу.

Я начал чувствовать упадок сил — обычное следствие после больших достижений. После финала на 1500 м я ни разу не тренировался, и напряжение шести состязаний за восемь дней

стало отражаться на моем физическом самочувствии.

В довершение этого я нашел, что мне предстоят тяжелые времена. Чтобы добиться чего-то в Токио, я расточал свои запасы сил и энергии, обещая себе отдых после Олимпиады. Но теперь возникала мысль: не следует ли мне попытаться извлечь из своей спортивной формы, которая, возможно, никогда более не будет столь высокой, еще несколько достижений? Раз я с таким трудом вошел в свой пик в Токио, почему не попытаться теперь использовать его для установления новых мировых рекордов. Логично?

Все же, если мне придется, как я раньше планировал, отправиться в прощальное турне по Европе, существенным будет возобновление регулярной тренировки как можно скорее. Но как это сделать, когда после Игр к тебе проявляют столь большое внимание и начинается летний сезон в Новой Зеландии? Очень трудно не считаться с давлением, которое будут на меня оказывать, вправе требуя от меня выступлений, раз я в отличной форме. И разве можно отказаться от выступлений для клубов, бьющихся в тисках финансовых затруднений? Единственной уважительной причиной возможного моего отказа были бы мои личные планы показать что-нибудь стоящее в Европе, но какие у меня права говорить и думать об этом?

Все же я нашел легкий способ избавиться от этих проблем. Я решил, что позволю использовать себя лишь в ограниченной степени, утешив себя мыслью, что мне никогда больше не придется быть победителем на двух олимпийских дистанциях.

Новозеландская ассоциация подготавливала турне американцев, планируя провести его в конце декабря — январе. Это устраивало тех спортсменов, которые только что входили в свою летнюю форму, и было совершенно бесперспективно для тех, кто попытался бы удержать свой пик, достигнутый в Токио. Оклендский центр, со своей стороны учитывая, что немедленная организация соревнований даст наибольшую финансовую выгоду, запланировал два крупных соревнования на середину ноября. Эти соревнования предполагалось провести на гаревой дорожке в Вестерн-Спрингз.

Мы с Мюрреем понимали, что первая наша обязанность — выполнить долг перед родным клубом Оуэйрейка, перед нашими товарищами, по доброй воле освободившими нас от хлопот, связанных с добычей денег для нормальной работы клуба, — бесконечных мытарств с лотереей и другими финансовыми мероприятиями. С такими вещами в Новой Зеландии имеет дело, наверное, каждый спортсмен. Мы понимали, что помощь товарищей позволила нам полностью сконцентрироваться на

выполнении наших тренировочных планов, а поэтому считали, что они должны получить свою долю от финансового бума, который обещали наши успехи в Токио.

Я объявил, что попытаюсь побить мировые рекорды на 1000 м и милю, и соответственно было решено, что сбор с первой попытки — забега на 1000 м — будет отдан клубу Оуэйрейка, а со второй — на милю — Оклендскому центру. Такое распределение не обидело никого, включая и тех, кто настаивал на том, чтобы все соревнования проводились для выгоды всех спортсменов, а не только отдельного клуба.

Йозеф Одложил, прибыв в Новую Зеландию, выглядел удивительно свежим после долгого перелета. Он вел себя по-мальчишески непосредственно и поэтому понравился всем, кто встречался с ним в Новой Зеландии.

Новозеландцы, склонные думать сами или благодаря пропаганде, что людям из коммунистических стран судьба не дает возможности часто смеяться, казалось, с восторгом находили в Йозефе опровержение своих убеждений.

Мы решили, что Йозефу лучше будет жить в частных домах, чем в отеле, чтобы он лучше узнал, как живут люди в Новой Зеландии. По своему опыту я знаю, что нельзя получить верное представление о стране, сообщаясь лишь между отелем и беговой дорожкой. Мы предприняли ряд мер, чтобы чехи, живущие в Новой Зеландии, не имели никаких возможностей испортить ему пребывание у нас своими разговорами о политике.

Мы ценили, что в своей стране Йозефа поставили высоко, и нам нравилось, что он любит свою страну. Мы не хотели, чтобы эмигранты пытались посеять в его душе сомнения своей собственной разочарованностью.

Первые три дня Йозеф жил у нас в маленьком доме в порту Шевалье. Я был слегка сконфужен, потому что из-за малой площади ему приходилось спать на раскладном диване в гостиной.

Однако, поскольку мы с Салли были заняты на работе, наш дом был для него не самым лучшим жилищем. Оставшееся время он провел в Окленде у главного управляющего фирмы Ротменов Кена Симича.

То обстоятельство, что английский Йозефа был не особенно хорош, временами вызывало заблуждения, но зато это часто было источником веселья, когда он, бывало, за обедом, как цирковой артист, жонглировал англо-чешским и чешско-английским карманными словарями, чтобы подыскать нужное слово для продолжения остановившейся беседы.

Он с полной готовностью включался в наши дела. Когда я

тренировался на траве, он тоже тренировался на траве. Если я выходил на шоссе, он тоже выходил на шоссе. Сознавая, что он не привык бегать по асфальту, я старался отыскивать трассу с травяным покровом, чтобы облегчить ему бег.

В доме Симичей Йозефа окружали дети — две девочки десяти и тринадцати лет и мальчик восьми или девяти лет. Они контактировали с ним гораздо лучше, чем взрослые, наверное, потому, что лучше понимают и в большей степени используют безмолвный язык жестов, а может быть, потому, что разговоры на злобу дня у детей требуют гораздо меньше слов, чем у взрослых.

Если не считать разницу языков, вероятно, единственное, в чем обнаружилась разница между нашим образом жизни и жизнью Йозефа, заключается в том, что ваза с фруктами, которую я выставлял каждое утро в его комнате, к вечеру оказывалась неизменно пустой. Фрукты в Чехословакии стоят дорого. Когда же я гостил в этой стране, Йозеф буквально ими меня засыпал.

Сумасшедший бег

Рекорд на 1000 м, который я намеревался побить, принадлежал Зигфриду Валентину из ГДР и был равен 2.16,8. Чтобы показать такой результат, нужно было пробежать первые 800 м за 1.49,0 и оставшиеся 200 за 27,8. Справиться с задачей, таким образом, представлялось весьма простым делом, но мы умудрились создать себе немалые трудности.

Оклендский спринтер Рекс Дэбб согласился помочь мне на первых 400 м. К несчастью, он поставил на 200-метровую отметку (от старта) секундометриста, и последний едва не лишил меня рекорда.

На стадионе было 12 тысяч зрителей, когда мы выстроились на линию старта. Нам предстояло пробежать два с половиной круга. Со старта, как и планировалось, Рекс вышел вперед и предложил, как мне показалось, слишком высокий темп. Я отпустил его примерно ярдов на пять. Моей целью был высокий результат, и я не хотел потерять на него всякую надежду из-за убийственной скорости на первом круге.

Пробегая мимо секундометриста, я услышал: «Двадцать шесть!». Я тотчас слегка сбавил темп, поскольку планировал пробежать первые 400 м лишь чуточку лучше 54 секунд. Через 100 м я подошел вплотную к Рексу, и мы приготовились выслушать промежуточное время первого круга.

Меня точно дубиной хватили по голове, когда секундометрист крикнул: «Пятьдесят пять!». Оказывается, на 200-метровой отметке он запоздал крикнуть результат Рексу вовремя, и «двадцать шесть» я отнес на свой счет. Позднее Йозеф признался, что его тоже эти «двадцать шесть» сбили с толку. Как бы то ни было, я был потрясен. Рекорд ускользал из моих рук, а этого я допустить не мог. Чтобы ухватить его покрепче, я немедленно прибавил темп. 800 м я прошел за 1.49,5 и на последних 200 м сражался как одержимый, чтобы оторвать от рекорда всего две десятые секунды. Этот забег был одним из тех, в которых я не смог показать всего, на что был способен. В данном случае я был обязан накладке секундометриста, чья ложная информация привела к непростительной трате драгоценного времени.

Как обычно, мы арендовали Вестерн-Спрингз у оклендских организаторов мотогонок, и я чуть не заплакал, когда в заключение соревнований бегунов великолепная беговая дорожка была начисто испорчена гонками на мотоциклах с колясками.

Работа по приведению дорожки в порядок, требовавшая многих часов, была уничтожена за несколько секунд. С горечью я думал о том, что в оставшиеся пять дней предстоит еще один вечер мотогонок, и поэтому никакие усилия, сколь бы тщательными они ни были, не приведут дорожку в прежнее состояние.

В это время я много не тренировался. Вечерами бегал трусцой вместе с Йозефом, и в одну из таких пробежек, к немалому моему удивлению, он предложил мне помочь с темпом на милю. Однако мой план в забеге на милю был уже готов. Чтобы не испортить дело медленным началом, как это было, например, в Ванганyи в 1962 году или на только что прошедших 1000 м, я решил обеспечить себе небольшой запас времени. Я планировал пробежать первый круг за 58 секунд, а второй за 59. В сумме это даст на полмили 1.57,0 и, если я пройду третий круг за 60 секунд, на три четверти мили понадобится 2.57,0. Это даст мне запас в три секунды по сравнению с графиком тех двух состязаний, в которых я пробежал милю лучше 3.55,0.

Мне казалось, что Джон и Йозеф на этой стадии бега еще будут справляться с темпом, а поэтому острота борьбы останется и на последних 300 ярдах.

Юный энтузиаст из старого клуба Джона в Пьютаруру Билли Сатклифф согласился провести нас на первом круге, а протеже Билла Бейли Ким Мак Дэлл обещал на втором уложиться за 1.57,0.

Первое состязание на 1000 м сделало необходимую рекламу, и теперь Вестерн-Спрингз заполнили 25 тысяч человек. Был тихий, облачный вечер — превосходные условия для соревнований, и бегуны не подкачали. Перед нашей милей была проведена миля для юниоров, где в захватывающей борьбе на последних 220 ярдах 17-летний Рекс Мэддафорд установил новый рекорд страны, показав 4.08,2. Я помогал Рексу советами в тренировке и испытывал глубокое удовлетворение, глядя на его бег.

Выстрел привел в движение наш забег из восьми бегунов, и Сатклифф пошел вперед, точно ему предстояло пробежать всего 800 м. За ним энергично пошел Мак Делл. Стряхнув предстартовое оцепенение, я принялся их преследовать, но почувствовал, что темп бега слишком высок

Двое лидеров вышли из первого поворота, имея два ярда отрыва. Мгновенно возникла проблема — что делать? Бежать ли в предложенной скорости и извлечь выгоду из преследования или попытаться установить собственный темп?

Я решил рискнуть и выбрал первое. Позднее, думал я, я смогу всегда сбавить. Мы буквально пролетели первый круг, показав 56

секунд. Никакого напряжения, однако, на этой стадии еще не чувствовалось.

Мак Делл, жаждущий выполнить свое назначение, перехватил лидерство. Сатклифф начал отставать, уходя в хвост забега, — он истощил себя. Ким бежал энергично и ровно. Преследовать его было очень удобно. Я понимал, что бег не на шутку острый, однако чувствовал себя легко, и когда Ким, выходя на прямую, сбавил скорость, я поддался неудержимому желанию продолжать бег в том же ритме и обошел Кима на 800-метровой отметке. Теперь я состязался только с временем и совершенно не чувствовал своих соперников, ни Джона, ни Йозефа. Полмили были пройдены за 1.54,0, на три секунды быстрее, чем я запланировал.

Мой опыт и здравый смысл подсказывали мне, что такое положение долго продлиться не может. И тем не менее я предпочел продолжать. Я был обязан продолжать. Хотя в этот убийственный темп и был вовлечен не по своей воле, я убедил себя, что ничего страшного нет и что, в конце концов, эти соревнования могут принести мне результат где-то около 3.50,0. Разве в Крайстчерче, пройдя первую половину дистанции за 50 секунд, я не продержался? Почему же на этот раз я не справлюсь со своей задачей? Причин, убеждал я себя, для этого нет.

Размышляя подобным образом, вместо того чтобы сбавить темп и пройти третий круг за 62 секунды, что оставляло бы мне целую секунду в запасе против намеченного графика, я продолжал поддерживать напряжение.

Примерно в середине третьего круга, за 660 ярдов до финишной черты, кислородный долг впервые заявил о себе. В течение нескольких секунд мои ноги, работавшие еще мгновение назад столь сильно и энергично, потребовали передышки. Я не обратил на это внимания. Я видел перед собой рекордное время и жаждал его добиться. Я продолжал пробиваться вперед, теперь уже с огромным трудом.

Уже на этой стадии бега я потерял расслабление. Мне нужно было ежесекундно напрягаться, чтобы поддерживать прежние ритм и темп бега. Вот и гонг. Я заканчивал прямую, едва волоча ноги. Теперь нужно сделать еще одно сверхусилие, чтобы пройти оставшийся круг. С огромным напряжением я ждал, когда выкрикнут промежуточный результат, надеясь получить стимул, в котором сейчас отчаянно нуждался.

«2.54!» Не считаясь с терзающей меня мыслью, что все, что у меня осталось, следует приберечь на последние 250 ярдов, я снова подстегнул темп. Когда преодолевал предпоследний вираж, наступившее утомление развеяло последние остатки

самоконтроля. Неожиданно и впервые в жизни я вдруг увидел стадион. Я обнаружил, что прислушиваюсь к реву трибун и как будто стараюсь найти в нем опору, чтобы заставить уставшие ноги двигаться быстрее. И все же казалось, что от моих стараний заставить себя бежать скорость снижалась еще только быстрее. Во многих соревнованиях мои мышцы стонали от боли, во многих соревнованиях я подходил к заключительной стадии утомленным, но я всегда был в состоянии извлечь из глубин своих резервов фантастически быстрый финиш. На этот раз все резервы были исчерпаны. Не оставалось уже ничего, решительно ничего.

Ободряемый ревом толпы, я все же каким-то образом сумел продержаться на последних 200 ярдах. Это был отчаянный бег, автоматический, без всяких признаков вдохновения. В сознании мелькала мысль: рекорд побит. Я уже понимал это, когда услышал, что пробежал три четверти мили за 2.54,0.

Вспоминая этот забег сейчас, я убежден, что будь рекорд, на который я покушался, чуть выше или состязание в забеге чуть острее, я смог бы совершить еще большее, несмотря на то, что на последнем круге был почти полностью обезоружен как физически, так и морально.

Но я показал результат, ставший новым мировым рекордом — 3.54,1 и превышающий установленный мной в 1962 году рекорд на 0,3 секунды. Джон и Йозеф изо всех сил старались сократить разрыв на горьком для меня последнем круге, и между ними была отчаянная борьба, в которой победил Йозеф, доказавший, что он был на Играх вторым не случайно. Он выиграл у Джона 0,4 секунды и показал 3.56,4. Для всех нас результаты в этом забеге были личными рекордами.

Позднее некоторым экспертам не стоило никакого труда определить, что я провел это соревнование тактически неправильно. Я понимал это сам. Как человек непосредственно пострадавший, я отдавал себе в этом отчет лучше любого. И все же, взвешивая все «за» и «против», я убежден, что этот бег многому меня научил. Впервые на миле я загнал себя до предела. Я думал, что в состоянии пробежать милю за 3.50,0 или лучше. Теперь я увидел, что для этого нужно быть исключительно хорошо подготовленным. Мое состояние в тот вечер было уже далеко не таким хорошим, как в Токио, хотя это и обнаружилось лишь в заключительной части соревнования. Я также немедленно принял решение, что подобный бег никогда более не повторится.

Насколько сильно это соревнование опустошило меня, обнаружилось спустя четыре дня на миле в Ванганую. Перед огромной толпой, ожидавшей от меня необыкновенных

достижений, я сумел показать лишь 4.03,9. Джон, у которого я без особого блеска выиграл на финише, показал 4.05,2.

В начале декабря мне вместе с Джоном и Мюрреем предстояла поездка в Австралию на соревнования в Мельбурне. Я решил, что мне следует покончить с бездельем, и стал выполнять несколько более напряженную программу, чем легкий бег трусцой. В Мельбурне я испытал громадное удовольствие, побив национальный рекорд, установленный Лэнди и Эллиотом. Я пробежал милю за 3.57,6. Джон, страдавший от сенной лихорадки, бежал далеко сзади, а австралийская оппозиция была столь слабой, что я был вынужден взять лидерство за круг до финиша, чтобы показать приличное время. Мюррей пробежал три мили за 13.31,0, тогда как мировой рекорд Кларка был равен 13.07,6.

В первый раз после 1958 года, когда я начал серьезно тренироваться, мне удалось провести рождество и новогодний праздник не участвуя в соревнованиях.

В тот памятный год меня наградили орденом Британской империи. Кроме этого, я получил несколько наград как «лучший спортсмен года». Я мог записать в своем дневнике, что 1964 год был для меня счастливым.

Отдыхать или тренироваться?

Начать подготовку к турне по Европе было нелегко. С самого начала моей предварительной тренировки к Токио я настроил себя на сверхтрудную работу и в конечном счете выполнил ее. И теперь после семи месяцев интенсивной работы я мог отдыхать, имея на это полное право. Однако переключиться на отдых было не так просто. После Токио я уговорил себя подождать с отдыхом, пока не поставлю еще два мировых рекорда, а теперь после двух рекордных забегов я снова стал задумываться, нужна ли мне передышка.

Когда мозг и тело давно настроены на желанный отдых, очень трудно продолжать напряженную работу и принять как неизбежное, что передышки впереди не предвидится.

Если не считать нерегулярной работы в конце 1964 года, по-настоящему организованная тренировочная программа началась для меня в день Нового года в молодежном автокемпинге в Островной бухте, известной на весь мир как место глубоководной ловли рыбы и развлечений.

Я начал многообещающе, пробегая каждое утро пять и каждый вечер десять миль по скучной дороге, ведущей в лагерь. Между тренировками я загорал или выуживал несметное количество рыбы.

Сосредоточиться на тренировке при отсутствии партнеров — дело весьма нелегкое. Все бегуны были сейчас заняты в соревнованиях на дорожке, и не раз в своих одиноких пробежках я с благодарностью думал о том стимуле, который мне дал в тренировках перед Токио Барри Мэги. Теперь мне его недоставало.

Еще раньше я ясно дал понять, что не собираюсь участвовать в сколько-нибудь важных соревнованиях новозеландского летнего сезона, исключая разве некоторые. Возможно, я сделал стратегическую ошибку, не устояв перед искушением в последний раз выступить на закрытой дорожке в Лос-Анджелесе и присоединиться к Биллу и Джону, совершавшим там турне. В начале февраля я вылетел на прощальную встречу, организованную «Лос-Анджелес Таймс».

Эта поездка была примечательна прежде всего тем, что я отправился из Новой Зеландии без менеджера. Наконец-то новозеландская администрация пришла к выводу, что нет никакой опасности выпустить меня за границу одного!

В день встречи новозеландская команда имела огромный

успех. Как обычно, соревнования привлекли множество звезд из СССР, Польши, Чехословакии, Румынии, стран Британского содружества, Канады. И среди этого обилия талантов новозеландцы оказались победителями трех беговых дистанций. Билл уверенно выиграл две мили у Джорджа Янга, Джон в борьбе с Билли Миллзом и Витольдом Бараном вышел победителем на милю, а я обыграл Билла Крозерса на 1000 ярдов.

Однако после выступления в Лос-Анджелесе мне стало трудно отказываться от участия в соревнованиях, как я первоначально решил, и игнорировать непрерывно поступающие приглашения. Большая часть новозеландских легкоатлетических клубов считает свои соревнования не менее важными, чем международные встречи за границей. Их руководители не могут понять, что клубные соревнования на самом деле налагают на приглашенного бегуна еще большие требования, чем международные. Публика идет посмотреть на прибывшую в их город звезду, и звезда обязана угодить ей, показав хорошее достижение. Если гость проваливается, вместе с ним проваливается и вся встреча. Кроме того, ему нужно встречаться с гораздо большим числом соперников, чем в международных встречах, менее похожих на показательное выступление одного спортсмена. И уж само собой разумеется, потратив уйму времени на эти маленькие соревнования, вы оказываетесь уже не столь боеспособными перед лицом более ответственных встреч.

Все же, несмотря на необходимость выступать по разным поводам и требованиям, я довольно успешно тренировался, и хотя не прошел еще через 100 миль в неделю, как перед Токио, не был этим обеспокоен. Я чувствовал, что могу до некоторой степени опираться на огромную работу, проделанную в 1964 году.

Последний раз перед турне я выступал в Хастингз-эт-Истер. Третий год подряд я пробегал здесь милю в пределах 4.00,0–4.01,0. Это говорило о хорошей подготовленности к турне, несмотря на то, что тренировку приходилось сочетать с участием в соревнованиях. Я продолжал тренировку на выносливость вплоть до отъезда в мае из Новой Зеландии. Я не тренировался на холмах и выполнил лишь очень небольшой объем скоростной работы. Турне предстояло длительное, со многими соревнованиями, и было ясно, что выносливость сыграет в нем особенно важную роль. Сознавая это, я рассчитывал войти в беговую форму на ранних состязаниях турне, если она не обнаружится сразу.

Мне говорили, что мой подход к тренировке перед турне неправилен, однако с этим уже ничего поделать было нельзя. Возможно, я не был предельно усердным, но я имел достаточное

представление о своем самочувствии с самого начала. Физическое состояние — реальность, и сколько бы вы ни думали изменить его в критический момент, вам это не поможет. Психическое усилие может помочь за 200 ярдов до финишной черты, но не за круг.

За две недели до начала турне я столкнулся с единственной серьезной помехой в тренировке. Я начал с неохотой пробежку на 18 миль в сырую погоду вечером. Я не прошел еще и половины пути, как вдруг, перебегая с тропинки на шоссе, поскользнулся на мокрой траве и упал, ударившись о землю правым локтем, бедром и боковой частью колена. Оглушенный, я все-таки втайне порадовался, что теперь можно прекратить надоевший мне бег.

Вечером на следующий день я вышел на тренировку прихрамывая и покрыл свои обычные 10 миль. Эта пробежка показала, что при травмах подобного рода все неприятности происходят из-за чрезмерных напряжений, испытываемых здоровыми мышцами, если вы стремитесь сберечь пораженную. Из-за того, что я оберегал правую ногу, моя левая нога слишком напрягалась, и в конце концов бегать стало невозможно. Возникла угроза, что сорвется моя и без того скудная программа скоростной тренировки.

Убежденный, что мне так или иначе придется сделать передышку, я решил вечерами вместо тренировок ходить на массаж к Кейту Скотту. Я не терял оптимизма, решив, что если мне не удастся провести в достаточной мере скоростную тренировку в американской части турне, то для этого все же останется время перед более важной частью турне — европейской. В Европе я хотел попытаться побить несколько рекордов.

За неделю перед вылетом я уже смог тренироваться на дорожке из известняка в Александр-парке. Я начал короткую скоростную подготовку с серии 20 по 200 ярдов — точно такая же работа открывала программу скоростной тренировки к Токио. В среднем я показал на каждом отрезке 28 секунд, однако в последние пять пробежек мне пришлось вкладывать энергичные усилия, и это меня немало обеспокоило. Я бежал стиснув зубы и по-настоящему выкладывался. Перед Токио я пробежал всю серию 20 по 220 сильно и энергично. Сейчас во время бега непрекращающаяся боль в левой ноге хотя и была крайне острой, все же не заставила меня прекратить тренировку. Я отталкивался левой ногой так же сильно, как и правой, хотя и тревожился, не причинит ли мне это не приятностей в будущем.

В остаток недели я продолжал выполнять разнообразные скоростные упражнения, надеясь к первым большим соревнованиям в Лос-Анджелесе войти в форму. Это должна была

подтвердить прикидка на полмили, которую я планировал провести в Гавайях, по дороге в Соединенные Штаты. В конце концов, рассуждал я, в Истере я уже пробежал милю на траве за четыре минуты, поэтому пик спортивной формы не так уж далеко.

Я забыл сказать, что кроме моего несколько вялого подхода к тренировке было и другое осложнение.

Начиная с января я был занят покупкой дома для нас с Салли. Скоро этой проблеме пришлось уделять столько времени, что я не мог без помех готовиться к предстоящему турне. Неоднократно мы хотели бросить это дело, но всякий раз, прочитав очередное объявление о продаже дома, снова впадали в искушение.

Наконец узнав из одного объявления, что владелец идет на неслыханные уступки, я решил прогуляться в последний раз, и, само собой разумеется, дом был куплен. Теперь, прежде чем переехать в новый дом, нужно было продать наш старый в порту Шевалье, купить новые и упаковать старые вещи. От всего этого я избавился лишь перед самым отлетом в Америку.

Победный бросок

Мы вылетели из Окленда с Артуром 29 мая, и на аэродроме в Гавайях нас встретил как всегда приветливый Генри Ямасаки и отвез в отель в Хилтон Гэвейен-Виллидж. Мы прибыли туда в половине одиннадцатого утра и затем отправились поплавать в океане. После этого был ленч, и с двух до пяти мы спали. Вечером мы провели легкую тренировку.

Мы бегали трусцой вокруг Форт де Расс, и не прошло и четверти часа, как в поле зрения появился бегун в шортах. Когда он приблизился, мы с удивлением обнаружили, что это Боб Шюль. Что ему надо на Гавайях? Вскоре выяснилось, что он приехал сюда, чтобы соревноваться со мной в разминочной прикидке. Мы договорились, что Шюль и его жена Шэрон пообедают вместе с нами — после второго купания в этот день, — и благодаря дружеским отношениям, которые Шюль завязал с помощником управляющего отелем, молодым Джоном Фукида, нам предоставили один из лучших столиков в знаменитом зале отеля Тэйпа-Рум.

На следующий день Шюль разбудил нас в половине седьмого, и мы вместе двинулись в Капиолани-парк на 55-минутную пробежку. С некоторым удивлением я за метил, что Артур не так хорош на пробежках, как обычно. Мы иногда забывали, что ему уже 48 лет. После полудня я провел хорошую тренировку на гаревой дорожке в Пьюкехоу Александр-Филд. Мои ноги были несколько «забиты», и навыки Артура в массаже были весьма кстати, хотя он массирует несколько грубо.

Генри Ямасаки организовал соревнования в понедельник, вызвав с материка Джима Грелле для участия на миле и поставив Боба Шюля против меня на полмили. Утром я час побегал трусцой и выкупался в океане, хотя день был хмурый и беспрерывно лил дождь. Перед началом соревнований, однако, погода прояснилась, и стадион заполнила многочисленная толпа зрителей. Среди них была большая группа моих сторонников. Я об этом узнал, когда они заревели, ободряя меня на последнем вираже. Оказалось, это были новозеландские зеленщики из Фо-сквер.

Я приехал на стадион как раз, чтобы увидеть соло Грелле за 4.03,0. Результат казался непостижимым, если учесть состояние дорожки. В своем забеге на полмили я рассчитывал показать около 1.50,0 и начал, как мне показалось, довольно быстро. Однако пробегая мимо секундометристов на первом круге, я

услышал: «Пятьдесят шесть, пятьдесят семь…». Никакого вдохновения не было. Я замедлил бег на вираже, и за 220 ярдов до финиша Шюль вышел вперед и увеличил темп. Я озабоченно преследовал его, настигнув лишь у самого финиша, и выиграл с небольшим преимуществом, показав 1.53,8.

Остаток дня принес мне гораздо большее удовлетворение, потому что мы встретили старых друзей, Стэна Хэтти с женой, и они взяли нас с Артуром в главное отделение Аутриггер каноэ-клуба, которое теперь помещалось в прекрасном месте вблизи Дайамонд-Хед. В пляжных костюмах мы пили пиво на солнце, перемежая это занятие разговорами о серфинге и каноэ. Потом мы в клубной сауне за полчаса выпарили все, что поглотили.

Оттуда мы направились в дом Хэтти, из которого открывался захватывающий дыхание вид на Гонолулу. Не в первый раз я почувствовал, что мужчине нужно приехать с женщиной, чтобы по-настоящему оценить Гонолулу. И, разумеется, наоборот.

Во вторник погода была облачной и моросил дождь. Тем не менее, прежде чем упаковаться, мы провели почти часовую пробежку. Мы вылетели в Соединенные Штаты в 7.45 утра. Во время полета я познакомился с последним нововведением летного сервиса. В салоне под вешалками были вмонтированы телевизионные экраны, снабженные наушниками (гарантированно стерилизованными) и кнопочным управлением. Это позволяло индивидуально выбирать программу телевидения или одну из девяти радиопрограмм, по которым велись самые разнообразные передачи, начиная от трансляции популярной и классической музыки и кончая беседами для женщин и сводками для путешествующих бизнесменов. Было очень приятно дремать под музыку.

Мое состязание в Лос-Анджелесе было назначено на 4 июня, и когда 2 июня мы прибыли на место, реклама предстоящих соревнований достигла своего апогея. Нас вместе с другими спортсменами-гостями снимали по пяти телевизионным каналам сразу. Операторы установили свои камеры перед самым входом в ресторан, и мы по очереди переходили от одного репортера к другому. Прохожие то и дело наталкивались на нас и часто оказывались между интервьюером и его очередной жертвой.

4 июня я отправился на соревнование, чувствуя сильную нервозность — состояние обычное для меня перед стартом, когда я не уверен в своей форме. Мне предстояло бежать вместе с юным Джимом Райаном, Грелле и Йозефом Одложилом. Из этих главных моих противников самым серьезным казался Райан, который обыграл Грелле и Йозефа в Модесто две недели назад. Боб Шюль тоже участвовал в забеге и выглядел весьма

самоуверенным. Он даже перед стартом сказал Рону Кларку, что чувствует себя способным справиться со мной. Не сомневаюсь, что это заявление было вызвано его выступлением против меня на Гавайях.

Готовясь к предстоящей миле, впервые в жизни я не столь сосредоточенно проводил разминку, чтобы как следует посмотреть другое состязание. Это был забег Кларка на три мили, в котором Невилл Скотт бежал, что бы поддерживать для Рона быстрый темп, насколько его хватит. Это был фантастический бег, и Рон показал на финише 13.00,4. Наблюдая, как бежит Кларк, я испытывал странное чувство, что мое соревнование не идет ни в какое сравнение с этим блестящим выступлением, и заметил Шюлю, что был увлечен зрелищем длительного бега.

Как прошла моя миля? Вот время на промежуточных отрезках. Первые 440 ярдов — 58 секунд, 880 — 1.59,0, 3/4 мили — 3.01,0, окончательный результат — 3.56,8. Я почувствовал себя уставшим на втором круге, и третий круг, мне казалось, я пробежал быстрее, чем это было на самом деле. Затем, хотя я и предполагал в этом забеге отсиживаться, я оказался рядом с лидером Кэри Вейзигером. За 300 ярдов до финиша, когда я обычно вкладываю в свой бег дополнительные резервы, я почувствовал, что начинаю слабеть. В этот момент я быстро прикинул, что Райан, Грелле и Одложил показали в Модесто 3.58,0 и это мне будет на руку, если сейчас я сделаю вызов. Я перешел на спринт.

Перед входом в последний вираж я понял, что до конца спринт не доведу. Мгновенно заново оценив положение, решил сбавить на вираже, подождать, пока меня не настигнут, а затем снова увеличить скорость, если останутся силы.

Дела пошли именно так, как я и предполагал. На выходе из виража бегун в белой форме сделал энергичный вызов. Я мотнул взгляд в его сторону, но разобрать как следует, кто меня атакует, не мог и решил, что, наверное, это Райан. Я выложил остатки своей энергии, но тотчас увидел, что ничего этим не добился. Я пошел вперед на пределе. Казалось, мы бежали грудь в грудь, и я не мог оторваться от своего противника ни на дюйм, хотя и не отступал перед ним. Появилась лента. Я сделал отчаянный нырок и снял ее не уверенный, что он не сделал этого раньше меня.

На следующий день на фотографии, сделанной репортером, было видно, что я выиграл у Грелле (это был он) примерно шесть дюймов. Мы оба показали одно и то же время.

Даже в самых яростных схватках с Джорджем Керром мне никогда не приходилось так трудно на послед ней прямой. Обычно здесь я, хотя и в незначительной степени, сбавлял

усилия, но теперь мне не удалось сделать этого ни разу.

Чувствуя сильную усталость от состязания, я присоединился к Невиллу Скотту и еще одному канадскому трехмилевику в их полуторачасовой пробежке вокруг Южнокалифорнийского университета по траве. В час дня я вылетел в Торонто рейсом через Чикаго. Здесь было еще одно новшество для пассажиров — астровидение. Были те же телевизионные экраны, но на этот раз пилот приглашал вас посмотреть взлет и приземление его глазами. На носу самолета была установлена телевизионная камера.

В Чикаго мы встретились с Биллом Крозерсом и его тренером Фредом Футом, а в Торонто — с ныне там работающим новозеландцем Доном Смитом. Смит выступал за нас на 800 м в Риме. Тогда он учился в Оксфорде.

На следующее утро я провел тренировку в Хай-парке вместе с группой местных юных бегунов. Мы бегали по песчаным дорожкам среди деревьев, вокруг которых было полным-полно белок и бурундуков. Коммерческий директор Ротменов Джим Тэйлор пригласил нас в курортное место на озере Гурон, где мы поиграли в теннис, совершили 35-минутную пробежку и выкупались в воде, с которой сошел лед лишь три недели назад.

Соревнования в Торонто, организованные пивозаводчиками, осуществлялись их руководителем Кеном Твиггом с энтузиазмом, и мне пришлось побегать для прессы более лихорадочно, чем когда бы то ни было раньше.

Эти соревнования были большим стимулом для развития легкой атлетики в Канаде, интерес к которой в этой стране никогда не был особенно высок, и организаторы встречи испытывали немалое беспокойство за финансовый успех предприятия.

Предстоящая схватка между Биллом Крозерсом и мной на полмиле, дуэль между Джоном Дэвисом и Грелле на миле, а также сольное выступление Рона Кларка обеспечили распродажу билетов.

Я нашел Билла очень симпатичным парнем. Общаясь с ним, я еще раз почувствовал, насколько трудно представить себе человека только по тому, что о нем пишут. Крозерс был дипломированным химиком и работал в Маркхэме, городке, расположенном недалеко от Торонто. Билл увлекался гольфом настолько, насколько ему позволяла его тренировка в беге, и за два дня до нашего состязания мы с ним устроили встречу. До этого мы поехали на ленч к нему домой. Семья Билла жила в кирпичном доме, который выглядел как типично новозеландский. Мне сразу же бросилась в глаза замечательная коллекция призов

— таких дивных я еще не видел никогда. Они были выставлены его отцом. Меня несколько удивило, что в этой блестящей коллекции Билл более всего ценит маленькую серебряную медаль за 800 м в Токио.

Богатая отделка этих трофеев — их Билл получил главным образом в Соединенных Штатах, где он более всего и выступал, — навела меня на мысль, что американцы не имеют привычки рассматривать призы как нечто символическое, не зависящее от величины и оформления. Все, что они выпускают, как правило, слишком громоздко.

Мы играли в гольф на местном поле в Маркхэме и не успели покончить со второй лункой, как нас обнаружил первый из фоторепортеров. Было жарко, я снял брюки и играл в пляжных трусах. А на следующий день я прочитал в газете, что пытался психически подавить Билла, выставив напоказ свои икры. Кстати, в этой игре я набрал 90 очков, а Билл 96.

Новозеландский посол в Канаде сэр Леон Готц и его жена, оказавшиеся в Торонто во время своего путешествия, любезно предложили нам с Артуром съездить на Ниагарский водопад. Мы уже были готовы отправиться, как вдруг меня потребовали к телефону. Звонил Дик Бэнкс из Лос-Анджелеса, который, как и Берт Нельсон из «Американ Трэк энд Филд Ньюс», был одним из ведущих спортсменов клуба «Трэк Натс». Убедившись, что он говорит со мной, Дик сказал: «Жази только что пробежал милю за 3.53,6. Скажи что-нибудь». Я лишь громко вздохнул.

Я сразу почувствовал себя опустошенным. Думаю, вполне объяснимо почему; однако сейчас же это чувство заменила решимость принять вызов с поднятой головой. Сказав Бэнксу несколько слов, я повесил трубку и, зная, что теперь начнется, сказал в отеле, что до восьми утра следующего дня отвечать на звонки не буду, а сейчас уезжаю на Ниагару. В конце концов, думал я, что страшного, если Жази побил мой рекорд? Рекорды устанавливаются с единственной целью — чтобы их били.

Мне говорили, что знаменитый водопад производит меньшее впечатление, чем когда читаешь о нем. И все же я рад, что увидел это потрясающее зрелище. Водопад являет собой такое захватывающее величие, что у меня нет достойных слов, чтобы передать свое впечатление на бумаге. Когда наступили сумерки, мы отправились в ресторан, расположенный на третьем этаже башни Сигрэм. Сэр Леон пошел договориться насчет столика, и оказалось, что все столики уже заказаны. Мы стояли неподалеку, когда он разговаривал с метрдотелем. Наконец он вернулся и достаточно громко, так, чтобы мы слышали, сказал своей жене: «Если бы с нами не было Питера Снелла, стола бы мы не

получили».

Не успели мы занять свои места, как ко мне подошел служащий ресторана и попросил к телефону. Я сказал ему, что меня здесь нет. Кто бы ни звонил сюда, было очевидно, что меня снова спросят, что я думаю насчет нового рекорда Жази.

На следующий день ровно в 8 часов утра начались телефонные звонки. Сначала позвонили из Лондона. Как насчет Жази? Что вы намереваетесь теперь делать? И снова я предупредил служащих, что на звонки отвечать не буду. Сэр Леон предложил перевезти меня на своем кадиллаке в его апартаменты в парке Плаза, чтобы я мог прятаться там в течение дня. Я вышел из своего убежища на 20-минутную пробежку в Хай-парке, а когда возвратился обратно, одетый в тренировочные брюки и безрукавку, то сменившийся в мое отсутствие служащий, не знавший о том, что я временно поселился здесь, отказался меня впустить в дом. Мне пришлось улаживать недоразумение с помощью помощника управляющего, прежде чем я был пропущен в роскошные покои.

Я думаю, мое одеяние, хотя и не неопрятное, вряд ли соответствовало мраморным стенам и толстым коврам резиденции в парке Плаза.

Собравшиеся на стадионе 18 тысяч человек стали свидетелями моего поражения. Билл Крозерс выиграл у меня две десятые секунды, показав 1.48,4. Я был расстроен предыдущим выступлением против Грелле, где увидел, что бегу без всякого воодушевления, и поэтому не решился установить быстрый темп на первой половине дистанции. Когда мы прошли первый круг за 55 секунд, я уже чувствовал, что у меня мало шансов выиграть у более быстрого в спринте Крозерса. На предпоследнем вираже я не подстегнул лидера и вышел вперед лишь за 300 ярдов до финиша, стараясь осложнить бег для Билла.

Однако Билл без труда подтянулся и спокойно ждал, когда можно будет атаковать меня. В начале последней прямой я был еще впереди, однако услышав глухой шум толпы, понял, что мое дело плохо. Билл обошел меня, и я, пытаясь достать его, снова почувствовал огорчение, как и в беге против Грелле, что не могу бежать с нужным подъемом.

Рон Кларк вновь уверенно выиграл три мили, показав около 13.04,0. Билл Бейли был пятым, далеко сзади. Грелле победил Джона Дэвиса. Это поражение повлияло впоследствии на решение Джона переключиться на более длинные дистанции.

На следующий день после бритья и завтрака мы с Артуром выехали в Калгари, а Джон и Билл в Польшу. Три дня спустя Артур присоединился к ним. В аэропорту нас встретил один из

управляющих Ротменов — Боб Ллойд и организовал там же восемь различных интервью.

Я сидел за столом с таким чувством, словно интервьюировал вереницу парней, ищущих работы.

После ленча мы проехали на автомобиле 75 миль до туристического курорта Бэнфф. Там мы остановились в знаменитом отеле Бэнфф-Спрингз, чудесном месте, напоминающем средневековый замок, заполненном студентами университета. Там была отличная трасса для гольфа, где я смог провести несколько ударов.

В Калгари, известном своими ежегодно проводящимися праздниками скотоводов, нас развлекали многочисленными анекдотами из ковбойской жизни, вроде того, в котором рассказывается, как один парень просыпается в отеле и видит у себя в спальне, на четвертом этаже, лошадь.

Теперь перелет через скалы в Ванкувер. После центральных канадских прерий этот город, красивый и зеленый, показался нам особенно привлекательным. Жители Британской Колумбии *(Провинция в Канаде. — Прим. ред.)* очень гордятся красотой своих мест. Они так и пишут на автомобильных номерах — «Прекрасная Б. К.»

Нас поместили я отель Бей-Шор, и я срезу почувствовал облегчение. В ближайшем большом Стэнли-парке можно было бегать более часа и не возвратиться на старое место.

На следующее же утро я отправился на пробежку с группой местных бегунов. Во время этой тренировки я почувствовал себя превосходно и теперь смотрел на предстоящее состязание на милю уверенно, хотя и решил не терять бдительности.

Плоды неудачи

Милю в Ванкувере я настроился бежать исключительно на выигрыш, хотя в газетах без конца обсуждались мои шансы на возвращение в этом соревновании мирового рекорда, поскольку это была моя первая миля после выступления Мишеля Жази. Предстоящее соревнование было дополнением к моей программе, и я не хотел перенапрягаться. Я надеялся сберечь силы для штурма рекордного результата Жази в Сан-Диего.

Я выразил свои намерения достаточно ясно, однако в городе, помнящем об исторической дуэли Лэнди — Баннистер, жаждали новых достижений, и поэтому из Соединенных Штатов были приглашены Грелле и Вейзигер на дополнительно организованное состязание. Чтобы люди не ждали ничего сенсационного, в дополнение ко всему я заметил, что дорожка находится в неудовлетворительном состоянии — она была рыхлой.

Однако ничего поделать было нельзя, и на стадион привалила 15-тысячная толпа. Из всех звезд канадских было лишь две — спринтер Гарри Джером и Билл Крозерс.

Вечером накануне соревнования я принял предложение присутствовать на обеде, организованном сэром Джоном Ормондом и новозеландским советом скотопромышленников.

Перед обедом я беседовал с большой группой из числа собравшихся, когда официант, расхаживавший по залу с подносом напитков, спросил меня, без всяких предварительных «простите» или «разрешите узнать», собираюсь ли я побить мировой рекорд Мишеля Жази. Он вмешивался в нашу беседу со своими вопросами раза три и на третий раз от нетерпения похлопал меня по плечу. Вопрос был настолько идиотским и задавался в такой грубой форме, что я не счел нужным на него ответить. Ванкуверский журналист, Джек Вассерман, вертевшийся около нас где-то с краю, надеясь поговорить со мной, позднее написал в своей газете о моем «бесцеремонном обращении с маленькими людьми» и при этом добавил, что по этой причине он радуется моему поражению.

На следующее утро у меня обнаружилось расстройство кишечника. Мое самочувствие в общем было хорошим, и я съел фунт абрикосов. Немедленно после этого у меня начались позывы рвоты, но, чувствуя себя в остальном хорошо, я тем не менее вышел на 30-минутную пробежку, после которой позавтракал. Если не считать непрекращающихся и неконтролируемых визитов

в туалет, я чувствовал себя превосходно и, решив, что до соревнования не буду ничего принимать, кроме чая, больше о своем состоянии не беспокоился.

Разминку перед милей я провел без хлопот — лишь позднее я узнал, что упражнения разминки и соревнования в совокупности привели к еще большему обострению моих недомоганий.

Первый круг соревнования я пробежал чувствуя себя вполне нормально. Невилл Скотт установил высокий темп бега, и я прошел четверть мили за 59 секунд, отсиживаясь в хвосте. На втором круге я немного отстал. Расстроенный этим, попытался войти в контакт с лидерами. Однако эта задача показалась мне чрезвычайно тяжелой. Полмили я прошел за 2.02,0 и на третьем круге еще больше отстал. Я был настолько огорчен своей неспособностью бежать, что даже не услышал времени на три четверти мили.

Четвертый круг был ужасным. Примерно за 220 ярдов до финиша меня обошли двое юниоров. Последнюю прямую я волочился, все более замедляя бег, под непрекращающиеся неодобрительные выкрики толпы. Наконец, совершенно потеряв всякую способность поддерживать ритм и скорость бега, я финишировал с результатом 4.15,0. За моей спиной была пустая дорожка.

Я сразу понял, что зрители на стадионе, судя по их поведению, наверное, думают, что я не пытался бежать как следует или специально решил пробежать плохо. Это меня очень раздражало. Я подошел к Грелле и поздравил его с победой. Он выиграл забег, показав около 3.55,0 и я думаю, мог пройти бы значительно быстрее, если бы его кто-нибудь подстегнул на финише. После этого я остановил одного из судей и сказал ему, что хочу выступить перед публикой через микрофон. Я чувствовал, что мне необходимо внести ясность. Совершенно не стесняясь, я сказал зрителям следующее:

«Дамы и господа, прежде всего я хочу поздравить Джима Грелле с замечательной победой. Затем я хочу заверить вас, что я отдаю себе отчет в том, что большинство из вас пришло сюда, чтобы посмотреть на милю высшего класса, чудесную милю из четырех минут, в исходе которой, мне как бывшему рекордсмену мира, без сомнения, предстояло сыграть большую роль. Возможно, это было мое первое соревнование за рубежом, в котором я пробежал милю так плохо, и не сомневаюсь, пройдет немало времени, прежде чем я оправлюсь от стыда за то, что пришел последним.

Оправдываться не в моих правилах, но я могу вам честно сказать, что сегодня, этим утром, у меня, наверное, случилось

расстройство желудка. Такая вещь произошла со мной однажды в моем городе Окленде в 1964 году, и перед переполненными трибунами я пробежал милю за 4.07,0, заняв только третье место. После этого болельщики в моем родном городе едва не списали меня со счета. Чтобы пробежать классную милю, у вас должно быть все. В течение соревнования я чувствовал себя крайне плохо, и со стороны могло показаться, что я не пытаюсь бороться. На самом деле мне пришлось еще труднее, чем в некоторых моих более крупных соревнованиях».

В своей речи я намеренно слегка подчеркнул, на сколько мне тяжело переживать свою неудачу перед лицом столь многочисленных зрителей. Я думаю, что национальная форма, в которой я бежал в этом соревновании, и мои признания, что мне стыдно за свое поражение, сделали понятными мои переживания для тех, кто освистал меня во время бега.

Ответом на мое выступление была овация. От этого я огорчился еще больше, чем от неодобрительных выкриков во время бега. Я отвернулся от микрофона и сделал несколько шагов в сторону. Я не знал, что мне теперь делать. Невилл прорвался ко мне, и его благородные попытки успокоить меня раздосадовали еще больше. Я бесцельно шатался в середине поля, потому что некуда было идти, чтобы избавиться от пристальных взоров. Я не мог покинуть стадион, так как через десять минут должен был вручать приз Питера Снелла победителю мили среди юниоров.

Вспоминая об этой миле, могу сказать, что моя неудача в соревновании была вызвана угнетенным состоянием желудка. До того времени я не сознавал, насколько большую роль играет желудок в беге. Я не чувствовал себя очень слабым и в ногах не было усталости, однако мои ноги не могли работать, как им полагается. Сила целиком куда-то иссякла. На следующее утро мы с Невиллом начали легкий бег. Я пробежал мили полторы, а затем бросился в ближайшие кусты. После этого я пошел пешком обратно, в отель. Всю остальную часть дня я удил лососей и ничего не выловил. Я чувствовал себя вполне прилично до тех пор, пока не начинал бежать. Тогда меня скрючивало, я мог пробежать максимум 10 минут, и это было все.

Я намеревался провести десять дней в очаровательных окрестностях Ванкувера, однако после того, что случилось, у меня пропал всякий интерес к этому. Авторы большинства статей, появившихся в газетах, считали, что я знал перед стартом, что болен, и все же побежал. Это было не так. Я чувствовал себя хорошо и поэтому вышел на соревнования. Я думал, моя способность быть на высоте положения позволит мне выйти из любой затруднительной ситуации. И в самом деле, я, должно

быть, начал думать, что не могу быть побит.

Миля в Ванкувере была как холодный душ, тем более что она была после поражения от Билла Крозерса и рекордного выступления Мишеля Жази. Теперь все было не так хорошо. Будет чудесно, размышлял я, если мне удастся прийти в форму, но если болезнь затянется, она может довести меня до истощения.

Я уехал из Ванкувера вместе с Невиллом. Мы перелетели сначала в Лос-Анджелес, а оттуда добрались в Лагуну-Бич, в кроссовый клуб, куда нас пригласил погостить Бен Браун.

Штатный сотрудник журнала «Лайф» и его фотограф уже занимали первоклассные комнаты клуба, а мы поселились в апартаментах с плавательным бассейном и трассой дли гольфа.

Я продолжал легкие пробежки, однако никаких признаков возвращения силы не наблюдалось в течение пяти дней. Затем я пробежал 12 миль. Это заняло 75 минут, и я, полный решимости показать что-то стоящее, работал как одержимый до самого финиша. Тренировка была панической, но после нее мне стало лучше.

Мне не хотелось уезжать из Лагуны. Ребята из «Лайфа» были дружелюбными и интересными компаньонами. Не думаю, что они использовали какой-либо собранный обо мне материал. Однако приближалась миля в Сан-Диего, и я должен был выехать. Я остановился в отеле Кинг'з Инн и мог тренироваться на стадионе Государственного колледжа Сан-Диего, в 15 минутах ходьбы.

Я был подвергнут докторами физиологическим тестам на местном тредмилле. Физиолог, бывший среди них, провел тщательную проверку моего организма и выписал лекарства, чтобы излечить меня от моей болезни. Он диагнозировал ее как воспаление толстой кишки из-за неумеренного потребления нежелательной пищи. В Торонто и Ванкувере в моем номере никогда не переводились фрукты. Мне каждый день ставили на стол целую вазу, и в добавление к этому я покупал абрикосы, поглощал в огромных количествах виноград, персики, сливы, бананы, груши, яблоки, вишни.

Результаты физиологических испытаний меня порадовали. Группа докторов классифицировала меня как наиболее подготовленного легкоатлета из тех, кого им довелось исследовать. Уровень моей выносливости лишь незначительно был ниже уровня выносливости «королей» — группы гонщиков-лыжников.

После ванкуверской мили многие присылали мне письма. Письма поступали от тех, кто видел эту милю своими глазами. Приведу такое типичное письмо:

«Питер. Простишь ли ты меня? Я был один из тех, кто был на

стадионе, видел твой бег и освистал тебя. Когда ты закончил свое обращение к нам после соревнования, я едва не заплакал от стыда. Стыда за то, что так бессмысленно и неоправданно осудил тебя. Один, когда он учит многих, всегда страдает. В прошлый вечер тем одним был ты, а мы были твоими мучителями. Но мы поняли урок. Ты преподал тысячам из нас урок искренности и взаимопонимания, и за это мы благодарны тебе. Мы будем вспоминать о тебе не только как о чемпионе. Мы будем помнить, как ты стоял в одиночестве у микрофона все еще во славе своего величия. Искренне, Пэт».

Это письмо показывает, как многие люди думали после этого соревнования. Их поддержка помогла мне избавиться от отчаяния, охватившего меня после жестокого поражения.

Забеги были проведены 26 июня на твердой дерновой дорожке на стадионе «Бальбоа». Чтобы как можно лучше предохранить ноги от ударов о твердый грунт, под пятки я подложил губки. Я вышел в финал, показав в своем забеге 4.11,0, причем последний круг я пробежал за 55 секунд. Однако я еще не знал, какой вред я причинил себе даже с губками под пятками.

В день финала, подруливая к стоянке и отыскивая свободное место, я вдруг услышал нарастающий шум на трибунах и голос диктора, взволнованно сообщавшего, что в забеге на шесть миль Билли Миллз и Джерри Линдгрен идут с рекордным графиком. Считая, что речь идет об американском рекорде, я продолжал отыскивать место, куда можно было бы поставить автомобиль. Когда я появился на стадионе, было уже поздно. Я пропустил сказочное выступление, в котором оба американца побили мировой рекорд Рона Кларка.

В беге на милю ничего выдающегося показано не было. Я решил, что буду держаться за Грелле всю дистанцию и не позволю себе ранний спурт, стараясь оттянуть его до финишной прямой. За 560 ярдов до финиша Йозеф Одложил вышел вперед и оторвался от нас. Я бежал между Грелле и Райаном и решил ради своей безопасности не преследовать Йозефа и оставаться там, где я был.

За 300 ярдов мы настигли Йозефа, Райан обошел его и взял лидерство. Он уходил от нас энергично, но еще не спринтовал. Мы с Грелле без труда достали его за 720 ярдов до ленточки. Здесь Грелле начал спуртовать. Однако обойти Райана он не смог, и по виражу они бежали грудь в грудь. Из-за этого мне было бы трудно их обойти, и я не пытался это сделать, пока мы не вышли на прямую. Здесь я обошел Грелле, однако это было все, что я мог сделать. Райана я не достал. Бежал сильно, но не мог сделать того дополнительного взрывного усилия, которое столь часто мне

приносило победу и в котором я нуждался сейчас, чтобы выиграть. И в остальной части турне это была моя основная беда. Я ощущал в себе огромный запас сил, но не чувствовал никакого вдохновения, чтобы реализовать этот запас.

Позднее Шюль отнес причину моего поражения на счет того, что американцы стали теперь бегать быстрее. Согласен, что они стали действительно бегать быстрее, и все же после этого соревнования Райан был как выжатый лимон, а я чувствовал себя вполне хорошо. Мой результат 3.55,4 был вполне приличным, а время Райана для его лет — вообще чудесное. Он производит впечатление человека, которому нужно лишь немного умелой доводки, чтобы стать действительно сильным бегуном. Он не выглядит еще крепким, хотя созрел рано и в Сан-Диего уже совсем не походил на мальчика, который потерпел неудачу в полуфинале в Токио. Он бежал по-настоящему уверенно, сильно задержал нас после своего начального рывка, заставив Грелле и меня бежать по виражу далеко от бровки. По крайней мере меня он определенно задержал, потому что в этом соревновании я боялся пробежать несколько лишних ярдов.

После выступления я пришел в отель и плюхнулся в постель. На следующее утро в четверть одиннадцатого утра я вылетел в Лос-Анджелес и затем почти без перерыва в Лондон. Перелет составил девять с половиной часов. Из Лондона через несколько часов был рейс в Копенгаген, три часа на аэродроме в Копенгагене и затем в Турку и Хельсинки. Я прибыл к месту назначения 29 июня. В 10 часов вечера было еще светло, и я пробежал пять миль, чтобы снять с себя усталость от долгого перелета. После этого я почувствовал себя достаточно свежим.

На соревнованиях в Хельсинки мне предстояло бежать милю во второй день, поэтому в первый день встречи я смог увидеть дуэль двух гигантов — Жази и Кларка на дистанции 5000 м.

Вокруг этой схватки была поднята большая шумиха, потому что в предстоящей борьбе тактика каждого из бегунов была четко очерчена. Жази был явно быстрее Кларка в спринте, но по силам ли ему будет безжалостный темп Кларка, который продвигается по дорожке точно машина, чтобы на финише использовать свое пре имущество в скорости? И сможет ли Кларк вытрясти Жази настолько успешно, чтобы оторваться от него за круг до финиша и не дать французу задушить себя финишным спринтом?

В драматическом развитии событий никто, вероятно, не сознавал, что участвующий в забеге сравнительно не известный бегун из Кении по фамилии Кейно тоже играет весьма заметную роль. После двух миль Кларк, казалось, предпринял решающее усилие и пробежап последующий круг очень быстро. Но успеха

это не принесло. Жази и Кейно прилипли к нему, и Кларк, казалось, решив, что не сможет оторваться, сбавил темп, чтобы не дать Жази возможность побить его, Кларка, мировой рекорд.

Когда в середине предпоследней прямой Жази выскочил вперед, за ним потянулся и Кейно, и оба оставили Кларка далеко позади.

Наблюдая это состязание, я ощущал необыкновенную нервозность. Было тепло, но меня трясло как в ознобе, хотя мне было абсолютно все равно, кто победит. Возможно, такое происходило со мной потому, что я очень хорошо себе представлял намерения бегунов и понимал, какое они сейчас испытывают напряжение. Я переживал драматизм сражения немного острее, чем большинство присутствующих.

В соревновании на 1500 м я закончил бег пятым. У меня сильно болели ноги — результат выступлений на твердой дорожке в Сан-Диего. У меня довольно массивные мышцы, и бег на твердом грунте отражается на мне очень сильно, особенно когда к этому добавляется усталость от переездов. Желудок меня не беспокоил; сейчас ответственность за мою неудачу несли «забитые» в Сан-Диего ноги.

Поражение угнетало меня, потому что я потерял уверенность в себе и надежду на то, что когда-нибудь приду в нужную форму. Артур, не видевший моих выступлений ни в Лос-Анджелесе, ни в Ванкувере, ни в Сан-Диего, сказал мне, что в настоящее время я просто не готов и мне нужно провести ряд основательных тренировок. Тогда я с ним согласился, но позднее все же решил, что выступал плохо не из-за отсутствия необходимой готовности. Артур с предложением «включись в работу по-настоящему» посоветовал мне начать «ударную» тренировку. На следующий день он уехал в Чехословакию, а мы с Джоном Дэвисом вылетели в Лондон.

Перед расставанием я решил из-за своей посредственной формы не выступать, как это было запланировано, в Дублине. Мне не хотелось ехать туда, потому что пришлось бы слишком много путешествовать и слишком часто выступать в соревнованиях без перерыва.

Я считал себя вправе отказаться от поездки, но, как только мое решение получило публичную известность, немедленно последовал звонок из Дублина.

Сразу догадавшись, что это за звонок, Артур поднял трубку вместо меня, сказав: «Я улажу все сам». Он начал беседовать уверенно, и я слышал, как он говорил о «здоровье мальчика», о том, что входит в положение организаторов встречи в Дублине, но ничего не может поделать, потому что бежать я сейчас никак

не могу.

Минут через десять Артур стал говорить меньше, а слушать больше, выражение его лица переменилось и становилось все более мрачным. Теперь я слышал: «Ничего, ничего, только не беспокойтесь, миссис Мортон». Оказалось, что две женщины — миссис Мортон, жена организатора соревнований в Дублине Билли Мортона, и его дочь пытаются уговорить Артура переменить решение, так как Мортон, по их словам, болен и возможен сердечный приступ, если я не приеду в Дублин на выступления.

Веселенькая ситуация, нечего сказать! Я уже не выигрываю состязания, но все еще делаю сборы. Даже когда я неоднократно указывал на малоприятный факт, что я не собираюсь показать хороший результат и, возможно, наверняка не покажу, люди все равно хотели, чтобы я бежал. В Норвегии, например, одна пара, не узнав меня, осведомилась, не бежал ли еще Питер Снелл. «Ох, — сказал я, — вряд ли вам захочется на него смотреть!» Они ответили мне: «Пока он еще чемпион». Может быть, в этом и заключался ответ на вопрос, почему я притягивал публику.

Как бы то ни было, из-за этого телефонного звонка я был вынужден лететь в Дублин. Что мы с Артуром могли еще придумать в такой ситуации?

Во время перелета я чувствовал все возрастающее утомление и высадился в лондонском аэропорту сильно уставшим. Я прошел таможенный осмотр и был встречен группой представителей. Открыв дверь таможни, я увидел не меньше дюжины фоторепортеров. Вероятно, их было так много потому, что я не появлялся в Лондоне с 1961 года, однако я ничего решительно не сделал во время теперешнего турне, чтобы оправдать столь необыкновенное внимание, и меньше всего на свете мне хотелось сейчас радостно улыбаться перед объективами. Я едва вынес процедуру и как можно быстрее удрал в Виндзор-отель вблизи Ланкастер-Гейт. На Дэвиса фоторепортеры даже не взглянули.

У себя в номере я немедленно переоделся в тренировочный костюм, решив, что мне нужно как следует подготовиться к соревнованиям в Чехословакии, а поэтому нужно начинать жесткую тренировку и всем моим выступлениям в Лондоне и Дублине придавать значение не больше, чем тренировочным пробежкам. За полтора часа я пробежал вокруг Гайд-парка шесть с половиной миль. К концу пробежки ноги устали, но я был доволен затраченными усилиями и на следующий день все же прошел милю быстрее чем за четыре минуты.

После полутора кругов я на небольшом отрезке дистанции шел впереди. Почему-то я чувствовал, что хорошего бега у меня

не получится, но Джон думал иначе. Он проскочил мимо меня и увеличил скорость.

Я быстро отпустил его, не в силах следовать за ним. На предпоследней прямой меня обошли трое англичан. Мне казалось, я все более замедляю темп с приближением финиша. Одложил, который, на мой взгляд, не стал бегать более быстро с того времени, когда я одерживал над ним верх, оказался в этом соревновании победителем, но меня это нисколько не волновало.

Однако я почувствовал, что с ногами стало лучше, и теперь уже был убежден, что мои неприятности происходили не из-за отсутствия достаточной подготовленности, а от «забитых» мышц.

После забега я около часа бегал трусцой, потом выпил пива и позвонил Салли по телефону. На следующее утро я с Йозефом и Джоном пробежал 65 минут вокруг Гайд-парка, и мы вылетели в Дублин.

В дублинской миле от меня убежали Симпсон и Уиггс, хотя я снова «вышел» из четырех минут. Я прошел три четверти мили с обычным для мили из четырех минут результатом, однако легкости не было, приходилось напрягаться, и я уже начинал сдавать. Обычно за круг до финиша я только приступаю к настоящей работе.

После этих соревнований я стал тренироваться очень легко. Девиз «Включись в работу по-настоящему» не решал проблемы. Я сомневался, существовало ли вообще какое-нибудь решение. В моих ногах все еще не было жизни, но в последнем состязании я почувствовал, что лондонская миля улучшила мое состояние. Я теперь был уверен, что выступай я хоть через день, я все еще смогу выбегать из четырех минут. Выигрывать — это дело другое.

Последние выступления

Из Дублина на русском самолете мы перелетели в Прагу, где меня приняли без визы. Я оставил ее в Дублине. Меня встретили на аэродроме Йозеф, Артур, Джон и тренер Йозефа Алис Подебрад. После короткого интервью мы отправились прямо на стадион в «Дуклу». «Дукла» — армейский клуб, членом которого состоит Йозеф. Здесь я провел легкую получасовую пробежку, принял горячую ванну и получил глубокий массаж. Затем мы направились в дом Подебрада, где мне предстояло остановиться. Я заранее предупредил руководителей легкой атлетики Чехословакии о своем желании остановиться приватным образом, чтобы познакомиться с чешским образом жизни, насколько мне это удастся. Позднее я узнал, что после опубликования моего пожелания в газетах пятьсот человек звонило в редакции, предлагая устроить меня у них. Алис говорил по-английски лучше, чем Йозеф, зато его жена не знала английского совсем.

Прага — очень своеобразный город, жители которого гордятся его историей. Они так любят свои булыжные улицы, что до сих пор последние выкладываются из камня.

Моя жизнь на частной квартире была несколько необычной, потому что я не чувствовал себя одиноким лишь выезжая на тренировку. В остальное время я был совершенно изолирован от всех. Очень немного людей, с которыми я встречался, могли говорить по-английски, по этому я не мог войти с ними в контакт.

К моменту соревнований в Праге мне удалось привести свои ноги в гораздо больший порядок. В начале соревнования темп бега был довольно низким, и это, учитывая мою форму, подходило мне как нельзя более. За 200 ярдов до финиша я был на третьем месте, за Йозефом и немецким бегуном Маем. Я чувствовал уверенность в себе и надеялся выиграть. При входе в последний вираж Май спринтовал, и мы с Йозефом последовали за ним. И здесь я снова понял, что могу лишь справляться с предложенным темпом, но не в силах увеличить его. Я обошел Йозефа, но не мог оторваться от него, и Йозеф обыграл меня на прямой.

Наш забег был последним в программе соревнований, однако большая толпа зрителей не расходилась, ожидая церемонии награждения. Через двадцать минут награждение состоялось. Прием, оказанный мне болельщиками, тронул меня до глубины души. Мне аплодировали сильнее, чем победителю Маю, и этого я никогда не забуду.

Такому приему я во многом обязан Йозефу, который с энтузиазмом описал, как хорошо его принимали в Новой Зеландии, какие хорошие живут у нас люди и как он рад, что имел возможность погостить у меня. На этом соревновании он вместе со мной разминался, вместе пробежал вокруг поля после забега и сделал все возможное, чтобы представить меня каждому.

После состязаний я был награжден огромной хрустальной вазой. Йозеф сказал, что она предназначалась мне независимо от исхода соревнования. Это была вещь необъятных размеров, и я не представлял себе, куда ее можно будет поместить в моем новом доме.

Йозеф пригласил Джона, Билла, Артура и меня посетить стеклофабрику — очень древнее предприятие, и мы почти полностью остановили производство, когда рабочие собрались во дворе, чтобы сняться с нами. Позже я видел, как начальник цеха вырезал специальную надпись для Салли на вазе. Меня настолько завалили подарками, что я чувствовал себя перегруженным.

Следующий визит — в Карлови-Вари, расположенный в 120 километрах от Праги. Здесь мы осмотрели чудесную выставку знаменитого хрусталя; большинство вещей было сделано по королевскому указу. Здесь мне подарили набор хрустальных стаканов различной формы. И здесь, в дружеской атмосфере, совершенно не напрягаясь, я выиграл забег на 800 м. Местный бегун, пришедший вторым, радостно меня расцеловал.

Джон пробежал 3000 м за 7.51 ровно, не дотянув до мирового рекорда Жази всего две секунды. Билл держался за ним на первых трех кругах, а Шюль, который был убежден, что выиграет это состязание, так как сказал мне перед стартом — «3000 м — это моя дистанция», в борьбе фактически участия не принимал.

Мы возвратились в Прагу в половине двенадцатого ночи и отправились на веселую пробежку через вишневую рощицу вблизи дома Подебрада, Мы то и дело останавливались, чтобы сорвать вишни и полюбоваться с холма спокойным и красивым мерцанием огней вечерней Праги.

На следующий день мы вылетели в Отроковице, родной город Йозефа. Там мы встретились с его родителями и тремя сестрами. Городок Отроковице, насчитывающий 11 тысяч жителей, имеет хороший стадион, построенный самими жителями из материалов, отпущенных правительством. При этом единственные расходы были связаны со специальной отделочной работой.

В этом городе мы с Джоном чувствовали себя более свободно. Семейная атмосфера в доме Йозефа была точно такой же, как в наших домах в Новой Зеландии. Йозеф хотел выступить перед своими земляками с попыткой побить чехословацкий рекорд на

2000 м, и я решил помочь ему, хотя мне и не очень этого хотелось, потому что через два дня мне предстояло состязаться в Норвегии. Местный бегун провел нас на первых 800 м, затем лидерство взял я и вел бег на третьем круге. На четвертом круге лидировал Йозеф, а за 400 м до финиша я подстегнул темп. Йозеф спринтовал за 200 м до финиша и побил национальный рекорд. Я проиграл ему около четырех секунд.

Позднее нам сделали еще несколько подарков. Я рассказывал переводчику о том, какую огромную вазу мне подарили в Праге, и посетовал на то, что не знаю, куда ее девать, когда приеду домой. Не успел я закончить свой рассказ, как чехи принесли мне точно такую же. Я был готов провалиться сквозь землю.

Мы вернулись в Прагу в половине одиннадцатого вечера, а в 4.30 утра я уже летел в Осло. Соревнования в Осло проводились в честь юбилейной даты — семидесятипятилетия со дня основания клуба Тялве. Местом состязаний был стадион «Бишлет», где в 1955 году бельгиец Роже Мунс установил мировой рекорд на 800 м, показав 1.45,7. Легкоатлетические встречи в Норвегии привлекают большое число зрителей, но гораздо больше их бывает зимой, когда дорожки заливаются льдом. Во время состязаний конькобежцев трибуны «Бишлета» трещат по швам. Президентом клуба Тялве был Аудун Бойсен, в прошлом, в эру Мунса, сам показавший результаты экстра-класса на 800 м.

В первый день соревнований стояла отличная погода, и стадион был почти целиком заполнен зрителями. Они пришли сюда посмотреть главным образом на Рона Кларка, увидеть, что он собирается сделать после того, как американцы Миллз и Линдгрен отобрали у него мировой рекорд на 6 миль. Кларку предстояло бежать 10 000 м.

Моя схватка с Биллом Крозерсом на 800 м следовала сразу же после забега на 10 000 м, и это расписание было идиотским, потому что Кларк бежал для лучшего отталкивания где ему вздумается и перепахал всю дорожку.

Разминаясь перед своим забегом, я, как и в Лос-Анджелесе, сделал перерыв, чтобы посмотреть состязание других бегунов. На этот раз я забыл о себе еще больше, чем в Америке. Но зато какое это было состязание! Толпа начала реветь сразу же после выстрела, и рев не прекращался до самого финиша. Все были охвачены благоговейным восторгом при виде столь чудесной работы. Кларк сразу дал понять, на что он рассчитывает, пробежав первый круг за 63 секунды. Первую милю он промолотил за 4.20,0. Это начало даже для первоклассного бегуна на три мили очень хорошее, а Кларку предстояло пробежать не три, а шесть миль с четвертью. Чтобы узнать, где

сейчас бежит Кларк, вам не нужно было смотреть на дорожку. Ритмичная волна одобрения прокатывалась вокруг стадиона, сопровождая круг за кругом героя, бежавшего в неослабевающем темпе.

Я пропустил середину соревнования, решив, что лучше все-таки мне размяться, но я увидел финиш Кларка. Он финишировал с колоссальной мощью и у самой ленточки сделал жест фотографам, чтобы они не помешали двум другим бегунам. Этим спортсменам предстоял еще один круг, а ведь они были бегунами мирового класса и в тот вечер перекрыли свои личные рекорды! Обогнав на круг, он прошел мимо них так же легко, как автогонщик проносится мимо велосипедиста.

Его поведение после бега поразило меня не меньше, чем само выступление. Казалось, он считает свое фантастическое достижение заурядным, будничным явлением и не особенно удивляется ему. Я думал, что он будет невероятно измотанным, но он не обнаруживал ни малейших признаков этого. «Человек-машина» — вот под ходящие для его описания слова.

В забеге на 800 м после бодрого первого круга я занял превосходную позицию. Однако, решив начать спурт за 300 м до финиша, я не смог обойти даже Боултера, когда этот момент подошел. Мы бежали грудь в грудь, и только в конце виража я наконец обошел его. Крозерсу ничего не стоило оторваться от меня на прямой. Он победил с результатом 1.47,1. Я даже не стал узнавать свое время; это хорошо характеризует мое настроение в ту пору.

Я хотел возвратиться домой. Я был готов заявить Артуру об этом прямо, потому что он настаивал на продолжении выступлении и присоединении к нему в его поездке в Германскую Демократическую Республику. Но теперь Артур был в Югославии с Бейли, и у меня не было никаких шансов уехать домой. Наконец я решил, что буду состязаться в Берлине и постараюсь победить на той самой дорожке, где Ловлок выиграл в 1936 году олимпийскую медаль за победу на 1500 м для Новой Зеландии. Чтобы не нарушать установленную им традицию, а также учитывая, что это выступление означало конец моего спортивного пути, я решил провести забег с полным напряжением сил. Хотелось закончить свою спортивную карьеру победой,

Я твердо решил не поддаваться ни на какие уговоры, но это оказалось нелегко, как только я вновь встретился с Артуром. Он хотел посетить Швецию, и, конечно, без меня его поездка многое бы проиграла. Он понимал, что я не в форме и знаю об этом, и стал энергично убеждать меня, что, судя по моему выступлению в Лос-Анджелесе, пара недель тренировок даст мне возможность

показать еще кое-что стоящее, прежде чем я расквитаюсь с бегом. Весь вопрос в том, говорил он, что я не провел доводящую работу.

Но я знал из своих выступлений, что меня бьют не за недостаток доводящей работы, а за то, что мне не хватает физической готовности. На последней прямой вы не будете скрючиваться, если вам недостает одной только быстроты.

Однако приняв в Норвегии такое решение, я отказался выступать в забеге на 1609 м (в программе объяснялось, что такая дистанция эквивалентна одной английской миле), устроенном во второй день соревнования в Осло. Я побегал трусцой по лесным тропинкам час и сорок пять минут, а после ленча пошел посмотреть эту милю на стадион. Джон уверенно обыграл Грелле, показав 4.00,6. На следующее утро я проводил его домой, в Новую Зеландию, а сам отправился в Западный Берлин.

В тот же день я участвовал в забеге на 1500 м. Моросил дождь, дорожка была сырой, и бег начался в медленном темпе. Я думал, что Грелле, проиграв Джону, не доставит больших хлопот и мне, но, как и в других соревнованиях, несмотря на мое огромное желание финишировать хорошо выйдя на прямую, спуртовать я не мог. Я не был доволен своим выступлением. Обычно мой бег — демонстрация настоящей готовности. Мне всегда доставлял громадное удовлетворение свободный полет, когда тело послушно откликается на каждый, даже малейший, призыв сознания к увеличению скорости. Но ни в Осло, ни в Западном Берлине никакого полета не было. Я не бежал, а трудился.

У меня были все возможности, чтобы выиграть это последнее состязание, но я оказался неспособным на это. Последний круг мы прошли довольно быстро, но искры, жизни в моем беге не было. Грелле и местный бегун были на финише впереди меня. Шюль пришел четвертым. Я показал 3.44,0.

Миновав контрольный пункт на границе между ГДР и ФРГ, мы с Артуром прибыли в Лейпциг. Мы были гостями Академии спортивной медицины ГДР.

Главной целью поездки в Лейпциг было чтение Артуром лекций для врачей академии. Было приглашено также несколько избранных тренеров. Все это сильно не походило на ситуацию в Новой Зеландии, где один-два врача могут присутствовать на беседах Артура с тренерами, но никогда не приглашают его на свои конференции по спортивной медицине.

Позднее мы поехали на чудесным образом реконструированный Лейпцигский стадион, где академия располагает своими лабораториями и клиниками. Я был подвергнут физиологическому тесту, который, к моему

смущению, провели полностью женщины-врачи. Они проверили мой вес, рост, костную структуру, степень жировых отложений в различных частях тепа. Мне дали бариевый тест для определения с помощью рентгеновских лучей емкости сердца, а затем посадили на велосипед, оснащенный специальной маской, так что каждый мой выдох мог быть собран и подвержен анализу, а также системой, позволяющей регулировать нагрузку. Одновременно записывалась моя электрокардиограмма.

Я педалировал в течение семи минут, потом отдохнул, педалировал еще две минуты против увеличенного сопротивления, затем еще две минуты в условиях еще большей нагрузки и, наконец, еще две против еще большего сопротивления. Кто-то сказал: «Остановитесь, когда станет тяжело», и я протянул еще четыре минуты, прежде чем едва не проглотил маску в своих усилиях набрать воздуха. Когда я прекратил крутить педали, пот лил с меня градом, однако все, казалось, были очень довольны полученными результатами.

Мне сказали, что я достиг тех же показателей, какие обнаруживаются лишь у велосипедистов высшего класса. Поскольку мои мышцы не были тренированы к езде на велосипеде, это было весьма удивительным и вместе с тем хорошо подчеркивало ценность развития сердечно-респираторной системы посредством бега для повышения уровня выносливости мышц.

Наши лейпцигские хозяева позаботились о том, чтобы мы проехали пограничный пункт без хлопот, и мы даже некоторое время приятельски болтали с охраной, пришедшей инспектировать наш поезд. Быстрая западногерманская электричка домчала нас в Нюрнберг.

После приятного двухнедельного пребывания в гостях у фирмы «Адидас», мы стали готовиться к возвращению домой. Турне закончилось.

Я был обеспокоен предстоящим возвращением на родину. Мне хотелось приехать в Новую Зеландию без всякой шумихи. Во время турне я получал много писем от новозеландцев, и из них мне стало совершенно ясно, что думают по поводу турне мои соотечественники. В прошлом мне оказывали очень милые встречи, и я знал из писем, что люди в этот мой приезд позаботятся о том, чтобы я не был удручен, не увидев на аэродроме никого из приветствующих.

Этого мне не хотелось. Для меня публичная встреча означает прежде всего выражение симпатии. Теперь мне не хотелось этой симпатии.

С того момента как я решил выехать домой, я тратил много

усилий, чтобы избежать прямых вопросов о моих дорожных приготовлениях, а также чтобы сбить людей со следа. До Сиднея мне вполне удалось добраться незамеченным. До того момента я не дал знать о себе даже Салли. В Сиднее я позвонил ей и сообщил, когда меня следует ждать. Я попросил ее не говорить о моем прибытии никому из представителей газет или радио. Однако служащий авиалинии, по которой я должен был лететь домой, просматривая список пассажиров, обнаружил мою фамилию и немедленно сообщил о моем возвращении на радио и в газеты. К счастью, представители этих учреждений были единственными, кто встречал меня, и это меня вполне устраивало.

Мои подвиги во время турне особенного восторга у меня не вызывали. Мои надежды не оправдались, и там, где я намеревался быть первым, потерпел поражение. Все же, зная немало о тренировке, я мог смотреть на свои поражения не закрывая глаз. Когда дела пошли плохо, я стал напряженно искать причину своих неудач. И когда был с собой вполне искренен, не мог не видеть, что причин, объясняющих, почему я перестал хорошо бегать после Токио, было множество.

Я слишком сильно полагался на свою способность быть на высоте положения в нужный момент. Такая уверенность помогала в течение первых соревнований. На этой стадии турне я был уверен, что приду в полную форму, и первые поражения меня не беспокоили. Во всяком случае, я был менее озабочен, чем мог быть, если бы понимал, что мои соперники подготовлены лучше, чем я.

Довольно трудно объяснить, что я тогда чувствовал. Начну с того, что в то время я не был склонен видеть большую разницу между теперешними международными состязаниями и национальными первенствами несколько лет назад. Я понимаю, что если буду тренироваться напряженно и достигну пика своей формы, то смогу побить лучших милевиков в мире, когда будет нужно, Я знаю, на что способны они и на что способен я сам. Среди них нет никого, кто на протяжении последних двух лет был бы все время на уровне высшего класса, хотя за это время один или два бегуна выросли. Для меня теперь единственная разница между международными и национальными соревнованиями заключается в том, что соревнования на высшем уровне вызывают более интенсивное внимание публики и ставки здесь выше.

Мое положение было также необычным. Несмотря на мои проигрыши, люди продолжали ходить, чтобы посмотреть иа меня. Я уже упоминал об этом. И говорю об этом снова, потому что нахожу этот факт многозначительным.

Ни в какой момент я не чувствовал себя разочарованным. Для многих людей я, наверное, казался спортсменом, привыкшим побеждать, который вдруг перестал побеждать и не знает почему. В действительности же обнаружилось, что я просто был не в состоянии заставить себя тренироваться к турне по всему свету только для того, чтобы удержать свой рекорд непобитым. Чтобы взяться за оружие по-настоящему, мне нужны были олимпийские игры или какая-нибудь еще недостигнутая цель.

В своей жизни я совершил всего два турне по всему свету; одно — последнее, а другое — в 1961 году, когда еще восходил на вершину. Во всех других случаях, уезжая из Новой Зеландии, я ехал выступать в специальных соревнованиях и был в состоянии подготовить себя к ним в должной степени. В 1962 году я смог выступать в течение длительного сезона, потому что еще не добился всего, чего мог. Тогда я не выступал в состязаниях на милю и жаждал попробовать свои силы в этом виде. Мне еще было что завоевывать.

Наконец, болезнь в Ванкувере сорвала два моих выступления, далее еще три были сорваны из-за «забитых» в Сан-Диего ног, прежде чем я снова нашел себя. Кажется, тогда я нашел настоящую форму, но в последующих выступлениях этот пик оказался несколько ниже, чем можно было предполагать на основании моих выступлений в Лос-Анджелесе и Сан-Диего. Я положился несколько более чем следовало на огромную тренировочную работу, выполненную мною в процессе подготовки к Токио. Я убедился, что, выступая в соревнованиях, можно вывести себя из формы.

Конечно, все вместе взятое не могло не переменить моего отношения к бегу. Вероятно, после всего, что случилось, я оказался психически подготовленным к завершению своей спортивной карьеры. Возможно, я мог бы добиться новых успехов, переключившись на 5000 м и поставив перед собой ряд новых задач. Но у меня никогда не было нужды это делать, ничто меня не заставляло об этом думать. Я оставил спорт полностью удовлетворенный и прошел бы через это последнее турне еще раз, даже если бы оно принесло мне те же самые результаты. Нет, не те же самые. Эпизод в Ванкувере я хотел бы исключить. И это единственное, на что я бы не отважился снова.

К новой жизни

До тех пор пока я не переставал выступать в соревнованиях, я не мог правильно оценить, до какой степени легкая атлетика доминировала в моей жизни. Как только я кончил в 1958 году школу, я был вовлечен в жесткую спортивную тренировку лидьярдовского типа. Такой режим продолжался до июля 1965 года. С 18 и до 26 лет моя жизнь была подчинена требованиям тренировки.

В течение семи лет я не предпринимал ничего, не взвесив заранее, как это отразится на моей тренировке. Не будет ошибкой, если я скажу, что почти все, что угрожало быть помехой в моей тренировке, отбрасывалось прочь.

Тренировка — это нечто большее, чем просто тратить два часа в день. Вся жизнь вертится вокруг нее. Сознательный спортсмен должен соблюдать умеренность во всем. Может быть, это в некоторых отношениях и хорошо, однако такой подход имеет и свои неудобства, что ясно каждому.

Сделав выбор и следуя своей колее, я стал немного замкнут. Многого я в жизни не знал — я знал о ней лишь в той мере, в какой она касалась меня как спортсмена. Это ненормально для обычного человека. Для меня жить означало рано ложиться и рано вставать; не взирая ни на что, постоянно настраивать себя на тренировку и постоянно заботиться о прогрессе в тренировке и соревнованиях.

Круг моих друзей сузился. Чтобы добиваться успехов, спортивная цель должна быть поставлена выше всего другого, и я знал это. Если кто-нибудь приглашал меня в гости, я уже в половине десятого поглядывал на часы. Конечно, не все спортсмены так поступают, но ведь и не все добираются до вершины!

Я привык извиняться, что не могу сочетать учебу с бегом. Это не обязательно для всех спортсменов, но все же, наверное, справедливо для тех, кто работает и пытается сочетать учебу с бегом в свободные от службы часы. Чем-то приходится пренебрегать.

За все время моей беговой карьеры у меня был огромный запас движущих сил, и я их вкладывал в тренировку, чтобы добиться намеченной цели. Теперь я уже больше не выступаю, но у меня по-прежнему осталась потребность движения вперед. Теперь, сознавая ответственность семейного человека, я вкладываю свою энергию в работу и в мой дом.

Постоянная тренировка выработала во мне способность отгораживаться от людей, с которыми я не хочу говорить.

Я был настолько озабочен тем, чего я должен добиться в беге, что всегда чувствовал необходимость поддерживать определенный психический настрой, чтобы тренироваться каждый день. Если кто-либо начинал нарушать этот настрой, я закрывался для него. Эту бесценную способность я выработал в себе совершенно автоматически, возможно, ее правильно будет назвать «преданностью делу».

В некотором отношении я стал чрезмерно сосредоточенным и очень нетерпимым человеком. Но я всегда благожелательно относился к искателям автографов не из-за себялюбия, но, вероятно, из-за смеси своего терпения, уважения к публике и некоторой совестливости.

Многое в моем характере в корне изменилось, когда я прекратил бегать. Освободившись от необходимости думать только о беге, я обнаружил, что могу теперь бездельничать и размышлять о многих вещах, над которыми прежде не задумывался, потому что на это у меня ни когда не было времени. Я нахожу в этом удовольствие. Неожиданно передо мной развернулся широкий мир, и, возможно, как новичок, я радуюсь ему больше, чем средний человек двадцати шести лет.

Бег доставил мне много переживаний, которые никогда не были бы доступны, будь даже у меня деньги на зарубежные поездки. С другой стороны, бег сделал меня до некоторой степени циником, возможно, из-за того, что мне удалось заглянуть в человеческую душу. Я стал в высшей степени подозрителен к людям, которые, как я чувствовал, могли отвлечь меня от моих целей, намеренно или нечаянно. Это проявилось даже в моих ранних отношениях с Салли. Теперь я понимаю, как много она сделала, чтобы помочь мне, но из-за своей подозрительности и необходимости сохранить свой образ жизни неизменным, я вынуждал ее изменяться в гораздо большей степени, чем изменился сам; наверное, в большей степени, чем обычно человек меняется в браке.

Теперь я начинаю чрезвычайно ценить те обыкновенные стороны будничной жизни, которых раньше даже не замечал. Я уверен, сегодня встречи с людьми меня радуют гораздо больше. Моя работа связана с этим, и теперь я чувствую себя с людьми увереннее и свободнее.

До сего дня я не был заинтересован в том, чтобы обзаводиться друзьями, потому что если у вас есть друзья, вы должны уделять им время, приглашать к себе, интересоваться волнующими их проблемами. Мои собственные проблемы были

столь огромны, что я не был готов разделить чужие. Теперь я вполне готов к этому. То, что волнует других, волнует сейчас и меня.

Я всегда, например, был готов сесть за стол и написать дружеское письмо мальчишке, который написал мне. Однако как только тот начинал настаивать на постоянной переписке, нашим письмам приходил конец.

Люди всегда удивляли меня. Те, кто не знал меня, часто, без всякого повода с моей стороны, могли сердечно меня приветствовать. Иные, которых я хотел узнать немного лучше, сторонились меня. Возможно, это моя вина, а может быть, это их вина, что они не могли беседовать со мной достаточно интеллигентным образом по единственному, как им казалось, волновавшему меня предмету.

Бег неожиданно для меня стал такой вещью, которую я вполне готов если не забыть, то сделать для себя второстепенной. Я показал ряд хороших результатов, добился многих успехов и получил неизмеримую пользу от того, что делал, от того, где бывал, и от того, с кем встречался. Теперь меня вполне устраивает другой образ жизни, в котором бегу уже нет места.

По той причине, что я расстался с бегом, я против новой моды сравнивать рекорды. Нет смысла спорить, так же я был велик, как Герберт Эллиот или кто-либо другой. И тем не менее есть множество людей, которые стараются найти соответствующее сравнение для меня или кого-то другого. Они пытаются решить, так ли хорош Боб Скотт как вратарь, как Дон Кларк, и так ли хорош Дон Кларк, как защитник Джордж Непиа. В их спорах никогда ничего не будет доказано. Задавать подобные вопросы, по моему мнению, просто нельзя.

Настолько же неуместно теперь говорить о том, мог ли я пробежать милю за 3.50,0. Я никогда не ставил перед собой цель пробежать милю за 3.50,0. Моя цель заключалась в том, чтобы быть лучшим в мире на моей дистанции. Как и Рону Кларку, мне повезло в том, что у меня были две дистанции для выбора, и я счастлив, что мне удалось быть лучшим на обеих. И когда я ушел из спорта, я чувствовал, что еще могу в своей лучшей форме пробежать где угодно и побить кого угодно.

Я высоко ценю подготовку, которую получил в юности в различных видах спорта, и равным образом знания, приобретенные мной в тренировке в одном виде. Я высоко ценю уверенность, которую приобрел, взойдя на вершину в спорте. Я понимаю теперь, что эту уверенность можно применить и в других областях жизни. Принципы, управляющие нашими делами в разных областях, в основном одинаковы. Теперь мне понятен

человек, захотевший, скажем, стать большим художником. Я понимаю, что если у него есть необходимые для того, чтобы начать, данные, он может им стать. Как только вы уверовали в силу человеческого духа однажды, эта вера становится для вас источником новых дерзаний.

Сожалею ли я? Да, у меня возникали какие-то сожаления в начале моего пути, а в середине его я был полон сомнений. Почему я это делаю? Что я упущу в жизни? Что стоит того, чтобы им заниматься? Теперь у меня нет сожалений. Сделать столько подготовительной работы и остановиться, не попытавшись достигнуть ничего стоящего, было бы ужасной тратой времени, психической и физической энергии. Мои достижения оправдали затраченную работу. Даже последнее турне кое-чему меня научило. Несмотря на неважную форму, я чувствовал теплый прием всюду, где бы ни появлялся, даже когда меня принимали люди, говорящие на другом языке и живущие в странах с иным общественным строем.

И принимали меня не за то, что я победил сегодня, — очевидно, я не был таким бегуном во время последнего турне — за то, что мне удалось сделать вчера.

Недостаток контакта

Достижения новозеландской легкой атлетики в последние пять лет заметно повысили ее репутацию. Главные усилия в этом принадлежат спортсменам. Вместе с тем у меня сложилось впечатление о недостатке взаимного понимания в отношениях между администраторами, главным образом национального масштаба, и спортсменами.

Нам нужен контролирующий орган. Его представляет сейчас Новозеландская любительская легкоатлетическая ассоциация, однако в существующем виде этот орган слабо связан с деятельностью спортсменов. Я думаю, причина этого заключается в отсутствии у администраторов инициативы и энергии. Деятельность администраторов не похожа на бизнес, однако у бизнесменов можно поучиться. Нам нужны сильные руководители, ведущие работу в тесной связи с выступающими легкоатлетами, с учетом их мнений.

Формально наши административные деятели избираются спортсменами, но на практике спортсмены столь много тренируются и выступают в соревнованиях, жертвуя при этом свободным и служебным временем, что оказываются совершенно не в состоянии интересоваться делами ассоциации. Клубные делегаты обычно не являются спортсменами и очень часто даже не связаны с ними. Этот недостаток контакта заметен уже в клубах и на национальном уровне становится еще более явным.

Национальная администрация не проявляет необходимой заинтересованности в развитии первоклассной материальной базы в важнейших спортивных центрах.

Задача создания этой базы должна решаться в основном самими центрами, однако НЗАЛА по крайней мере должна обеспечить централизованные исследования и информацию в области строительства беговых дорожек и создании различного оборудования. Эту задачу в настоящее время клубы вынуждены решать самостоятельно.

Бывали случаи, когда новозеландским спортсменам запрещали принимать приглашения на соревнования за рубежом без действительных на то оснований.

В этой связи я считаю безнадежным делом посылать за границу для переговоров — в роли менеджера или какой-либо еще — чистого администратора. Как спортсмен я никогда не видел приглашения, которое приходило бы через официальные каналы и было послано от какого-либо секретаря какого-нибудь

международного органа. Переговоры о моих заграничных турне всегда начинались благодаря личным контактам и становились официальными лишь поскольку этого требовала форма.

Я напоминаю об этом, так как, мне кажется, уже забывают, что Артур Лидьярд мог организовать поездку для всякого, кто хотел приехать в Новую Зеландию.

Требуется реорганизация, чтобы избавиться от кастовой атмосферы в национальной администрации. Сейчас она являет собой второразрядную диктатуру, в условиях которой дорогу дают лишь тем, кто приспосабливается к ней. Тех, кто не приспосабливается, вынуждают приспосабливаться или они очень скоро начинают понимать, что им было бы лучше помалкивать.

Очень многое решается за кулисами и предрешается заранее. У нас слишком много высших администраторов обеспокоены не столько тем, какую пользу они могут принести легкой атлетике, сколько тем, какие выгоды они могут извлечь на своем посту для себя. Система назначения руководителей команд тому пример.

Не годится, чтобы один человек стоял у власти так долго. У руля должен стоять человек с твердой рукой, но вовсе не обязательно, что должна быть всегда одна и та же рука.

Без прилива новых сил мы зачахнем. Ни один человек не является настолько совершенным, что можно позволить ему всегда командовать и воспринимать все, что он скажет или сделает, как откровение.

Я не знаю точно всех обстоятельств проступка Роя Вильямса перед Олимпийскими играми в Токио. Однако мне кажется, что отказ взять его в команду, сделанный на основании распоряжения одного человека, по причинам, которые, по крайней мере частично, как это публично доказано, были неосновательными, — плохое решение.

Чтобы дать пример того, до какой степени администраторы оторвались от спортивных масс, дополню разговор о Вильямсе одной подробностью. Гарольд Остэд, один из тех деятелей, которые решили не включать Роя в олимпийскую команду, не отказывался от труда посещать национальные и другие соревнования крупного масштаба, однако он даже не знал, кто такой Вильямс. Когда Рой пришел к Остэду в номер, чтобы поговорить с ним насчет Токио, Остэд посмотрел на него и спросил: «Кто вы такой? Как ваша фамилия?».

Ассоциация должна иметь нового председателя по крайней мере через каждые четыре года. Ее действенность может быть повышена путем смены администрации в центрах каждые четыре года или, как самое малое, путем отмены местной системы делегирования, которая в высшей степени способствует

атмосфере закулисных сделок и «кастовости» администрации. Эти мероприятия будут вливать новые силы и предотвращать рост мелких склок, способствуя демократизации ассоциации.

К несчастью, по-настоящему страдают от НЗААА лишь только те спортсмены, которые, подобно Вильямсу, наступают на ногу не тому человеку, и те, кто выезжает за рубеж. Когда с ними поступают плохо, остальные спортсмены им сочувствуют, однако не предпринимают ничего, потому что лично их не тронули. Нужно какое-то объединение спортсменов, чтобы изменить такое положение вещей. Силе нужно противопоставить силу, как это сделал в Англии Робби Брайтвелл со своим интернациональным легкоатлетическим клубом. Спортсмены должны понять, что косвенно все они страдают, если один из их товарищей становится жертвой несправедливости или равнодушия.

Могу сказать, что, несмотря на то, что я пять лет был на вершине, я почти никого из ведущих администраторов не знаю. У меня не было времени посмотреть на них, а у них не было сил встретиться со мной.

На спортсменов высшего класса нередко оказывают давление различными нечестными и негодными средства ми. Приведу простой пример. Когда Мюррей Халберг по личным и очень основательным причинам отказался поехать в Австралию вместе с выезжавшей туда командой, ему было сказано, что если он не поедет, то никто туда не поедет. Он поехал.

Когда в 1964 году, желая сохранить себя для Токио, я отказался выехать в турне по Европе, на меня было оказано точно такое же давление. Мне сказали, что если я не поеду в Европу, никто из членов команды туда тоже не поедет. Я настоял на своем. Команда осталась в Новой Зеландии.

Когда новозеландская команда бегунов на средние и длинные дистанции совершала турне по Европе, американцы щедро предложили НЗААА четыре тысячи долларов, если та позволит заехать команде в Соединенные Штаты и провести там парочку выступлений. Единственное условие — в команде должен быть Снелл. Недопустимо давить на совесть атлета, заявляя ему, что если он будет упорствовать в определенных вещах, от этого пострадают другие.

Сейчас, когда на небосклоне новозеландской легкой атлетики, кажется, наступают сумерки, — я надеюсь, что это временное явление, — администрация должна понять, что из солнечных дней нашей легкой атлетики можно было бы извлечь гораздо больше, если бы наши руководители потрудились добиться немного большего взаимопонимания между теми, кто надзирает над национальной спортивной репутацией, и теми, кто

эту репутацию создает.

Послесловие

Когда эта книга была написана, для нее надо было придумать название. Мы составили целый список названий и затем стали их оценивать, обсуждать и отбраковывать. В результате все варианты были отброшены, и казалось, книга выйдет в свет без названия. Неожиданно название нашлось — «Без труб, без барабанов», и книгу единодушно так и озаглавили.

Тем, кому перед публикацией книги это название показалось таинственным, а также и тем, кто недоумевает и сейчас, мы хотим рассказать историю, поведанную нам лондонским издателем, которого попросили решить проблему, когда он приехал в Окленд.

С поисками названия издатель совсем зашел в тупик.

Однажды он присутствовал на банкете, где его соседкой оказалась проницательная светская леди. Ей он и выложил свое горе.

— Скажите, — спросила она, — рассказывается ли в этой книге о трубах?

— Господи, — сказал издатель, — там даже нет упоминания о них!

— Прекрасно, — улыбнулась дама. — А как насчет барабанов?

— Барабанов? — удивился издатель. — Ручаюсь, что во всей книге ни слова не сказано о барабанах.

— Тогда название готово. Ваша книга должна называться «Без труб, без барабанов».

Вот и все. Эта история — выражение нашей признательности за находку.

Послесловие к русскому изданию

А. Н. Макаров,
кандидат педагогических наук,
мастер спорта

Перевернута последняя страница книги, и читатель с сожалением расстается с ее героем. Однако прочитанное надолго западает в душу и вызывает мысли о спорте, об огромной притягательной силе его, несмотря на то, что даже те, кто пожинают лавры, проходят, как говорится, через пот, кровь, а иногда и слезы.

Питеру Снеллу повезло. Повезло в том, что природа щедро одарила его здоровьем, силой, быстротой. В том, что, не думая о беговой карьере, он уже в 12–13 лет получил отличную и разностороннюю физическую подготовку, включая высокоразвитый уровень выносливости. В том, что с первых шагов он попал в окружение выдающихся бегунов и под руководство не менее выдающегося тренера. Повезло, наконец, в том, что судьба свела его с замечательным спортивным журналистом, благодаря которому появилась эта книга, закрепляющая надолго след, оставленный Питером Снеллом в истории легкоатлетического спорта.

Авторы книги «Без труб, без барабанов» в Советском Союзе известны многим, Питер Снелл — один из выдающихся олимпийских чемпионов — известен всякому, кто следил за Олимпиадами 1960 и 1964 годов. Гарт Гилмор известен нам по книгам «Бег к вершинам мастерства» (в соавторстве с Артуром Лидьярдом) и «Бег ради жизни». Он не просто хороший писатель, а и ревностный приверженец и проводник идей Лидьярда, испытавший, что очень важно, воздействие бега на себе и отлично знающий, о чем он пишет. Есть еще и третий человек, хотя и не включенный в число соавторов этой книги, но тем не менее имеющий к ней прямое отношение. Без его труда эта книга никогда бы не была написана. Этим третьим «соавтором» является Артур Лидьярд. С помощью своей системы, разработанной в результате прежде всего собственной тренировки в течение многих лет (об этом подробно рассказывается в книге «Бег к вершинам мастерства»), Лидьярд подготовил двух олимпийских чемпионов и олимпийского бронзового медалиста из одного города с населением, не достигавшим в то время даже 150 тысяч человек.

Что же особенного содержится в методах Артура Лидьярда? Чтобы дать ответ ил этот вопрос, совершим небольшую экскурсию в область тренировки бегунов на средние дистанции.

Для успехов на дорожке помимо техники, бойцовских качеств бегун на средние дистанции должен обладать большой быстротой и высокоразвитой выносливостью, на базе которых возможно достижение так называемой специальной выносливости. Многие считают, что быстрота определяется в основном природными данными. Говорят, «спринтером нужно родиться», и в этом есть доля правды. Мы до сего времени не знаем, каким образом добиться того, чтобы любой спортсмен пробегал 100 м, скажем, за 10,5 сек. Что же это? Несовершенство современных методов развития быстроты или объективное свойство человека, «нерасположенность» к спринту, определяемая наследственностью? Этот вопрос еще не получил пол ногоразрешения.

Второе качество бегуна — специальная выносливость — характеризует способность спортсмена бежать строго определенную дистанцию с заранее заданной скоростью, скажем, на 800 м в темпе 100 м за 13 сек.

С выносливостью дело обстоит несколько проще. Конечно, и здесь известную роль играет природная предрасположенность к длительному бегу, однако возможности для совершенствования качества выносливости намного шире.

В течение последних десятилетий широкое распространение получило убеждение, что успех в беге на средние дистанции определяется главным образом быстротой и выносливостью. Если юноша в 17 лет показывал результаты порядка 11,0 на 100 м, говорили, что из него может выйти средневик. Основу его подготовки составляла так называемая интервальная тренировка (например, 70 по 200 м за 28 сек, через 200 м легкого бега) и лишь эпизодически включался длительный, равномерный бег. Идея такой тренировки — от быстроты к специальной выносливости — и лежит в основе американской системы подготовки бегунов, обладающих, как правило, в массе более высокими скоростными данными по сравнению с представителями других стран.

Многие выдающиеся бегуны пришли к 800-метровой дистанции именно таким образом. Вот, например. Том Куртней, бывший обладатель мирового рекорда на 880 ярдов (1.46,8). Какова сущность его тренировки? Заглянем в его тренировочные планы. Неделя в подготовительном периоде: 10 по 300 ярдов за 36 сек. через 300 ярдов ходьбы в понедельник. 6 по 880 ярдов за 2 мин. 10 сек. через 440 ярдов ходьбы во вторник. В среду 10 по

300 ярдов за 36 сек. через 300 ярдов ходьбы; в четверг легкий спринт; в пятницу то же, что в понедельник и в среду. По мере приближения сезона соревнований число пробежек уменьшается, а скорость их пробегания увеличивается. Все. Предельно простая формула тренировки. Результаты Куртнея на более короткие дистанции: 220 ярдов — 21,0 и 400 м — 45,8 сек. — выдающиеся даже для спринтеров.

А как тренировались те, чьи результаты в спринте били гораздо скромнее, около 11 сек. на 100 м и около 22–22,5 сек. на 200 м?

Возьмем бывшего мирового рекордсмена на 800 м Роже Мунса, у которого юный Снелл отобрал в Риме на последнем метре золотую медаль. Вот образец его зимней тренировки: 1-й день — 30 по 200 м за 29 сек. через 150 м бега трусцой, 2-й день — 10 по 400 м за 58 сек через 400 м бега трусцой, 3-й день — 15 по 300 м за 44 сек. через 300 м бега трусцой.

Далее цикл повторился. К лету Мунс уменьшая объем пробежек, увеличивая одновременно их скорость. Все в точности, как у Куртнея, с той лишь разницей, что недостаток быстроты у Мунса компенсировался большим объемом интервальной работы.

Посмотрим теперь на тренировку, рекомендованную Артуром Лидьярдом для бегуна на 800 м. Вот что он пишет в книге «Бег к вершинам мастерства».

«Для всех моих учеников, в каком бы виде они ни выступали — на полмили, на 1 милю, 6 миль или в марафоне, основным элементом является тренировка марафонского типа с целью привести себя в состояние физической подготовленности, которая позволит выполнять в дальнейшем тренировку по индивидуальным планам».

Итак, новое — марафонская тренировка. Что это такое? Это — 10 недель в год по 100 миль в неделю, итого за два с половиной месяца 1000 миль, или 1609 км медленного бега. А сколько в год? Ответ дается в той же книге — около 3500 миль, или около 5600 км. Почти треть всего объема работы приводится на развитие общей выносливости.

Если учесть еще кроссовую подготовку, разминочные пробежки и т. п., то станет ясно, что медленный бег, развивающим только общую выносливость и ничего больше, занимает не менее, если не более, половины всей тренировочной работы.

Итак, преимущественное развитие общей выносливости, позволяющей выполнять обычную интервальную (и повторную) тренировку с минимальным напряжением, — вот в чем особенность тренировки по методу Лидьярда.

Интересно взглянуть в прошлое и посмотреть, нет ли там примеров подобного отношения к общей выносливости. Оказывается, есть и не так уж мало. Вот перед нами дневник тренировки Рудольфа Харбига, бывшего мирового рекордсмена в беге на 800 м (1.46,6), рекорд которого оставался непобитым с 1939 по 1955 год. Из дневника, подготовленного к печати его тренером В. Гершлером. видно, что «тренировка Харбига в зимние месяцы (цитируется по книге «Как они тренируются») начиналась с середины ноября и проводилась три раза в неделю. В воскресное утро он каждый раз бегал в лесу… Пробежки в воскресные дни зимой включали 2,5–3 часа бега; попеременно быстрый бег сменялся медленным и легкий напряженным. Нередко включалась часовая ходьба по снегу».

За 2,5–3 часа бегун масштаба Харбига должен был пробегать не менее 25–30 км. Это то, что впоследствии перешло в марафонскую тренировку. Эпизодические пробежки стали регулярными и составили, по сути, основу новой системы.

Другой пример. В 50-х годах рекордсменом СССР на 800 и 1000 м был Николай Маричев. В его стремительном взлете как средневика имеется одна особенность — до того, как переключиться на средние дистанции, он выступал на 5000 и 10 000 м. Это говорит о том, что общая выносливость, развитая им за время выступлений на длительных дистанциях, сыграла свою положительную роль.

Если проанализировать переходы бегунов от более длинных ди станций к менее длинным и наоборот, то окажется, что в подавляющем большинстве успех имели бегуны именно первого типа, а не второго.

Такая закономерность вполне понятна: бегуны, переходившие с более длинных дистанции, имели запас общей выносливости для менее короткой дистанции, и она «работала» на них в первые несколько лет.

В книге «Бег ради жизни» Гарт Гилмор пишет о том, что марафонская тренировка (или, другими словами, приобретение общей выносливости посредством тренировки в длительном беге) нужна не только бегунам, но и спортсменам практически всех специальностей.

В свете изложенного роль Артура Лидьярда выясняется более рельефно: он создал стройную систему развития общей выносливости, на базе которой строилась спортивная форма бегунов. Теперь нам кажется отнюдь не случайными поражения Снелла в последний год его спортивной карьеры: ведь в этот год он впервые за свою практику не проводил марафонской тренировки.

Система подготовки бегунов на выносливость по А. Лидьярду, по мнению ряда специалистов, не является оптимальной. Однако после появления Снелла на международной арене окончательно было утверждено, что мировой гегемонии интервального метода тренировки пришел конец, хотя недостатки его многим были видны и раньше.

В книге «Без труб, без барабанов» есть строки, к которым нужно подходить критически. Вряд ли, например, можно согласиться с Питером Снеллом, что тактика лидирования — «идиотская» тактика. В этой связи нам хотелось бы подчеркнуть один момент, почти отсутствующий в тренировке Питера Снелла. Этот момент носит название «психическая решимость».

Вспомним, как были установлены Снеллом мировые рекорды на 800 м (и 880 ярдов) и на милю. В обоих случаях Снелл выходил необычно рано вперед и продолжал бег, настроенный вести борьбу с временем без компромиссов. Вот такое настроение в спорте и называют психической решимостью. Такую же решимость Снелл обнаружил в своей первой пробежке по трассе Вайтаруа и в беге в ФРГ против Шмидта.

Зададим себе вопрос, воспитывал ли Лидьярд у своих учеников психическую решимость специальными методами? Возможно, да, но по поведению Снелла утверждать это категорически вряд ли можно.

Чтобы пробежать по трассе Ванатаруа в первый раз, нужна психическая решимость, в последующие — вряд ли. Так же обстоит дело и с остальными средствами тренировки Питера Снелла. Проявление психической решимости для Снелла было явлением эпизодическим.

Ну что ж, может быть, вообще не было бегуна на средние дистанции такого же калибра, как Питер Снелл, воспитывавшего в себе психическую решимость специальными методами? Оказывается, этим бегуном был австралиец Герберт Эллиот, тренер которого Перси Черутти подчас подвергается в книге «Бед труб, без барабанов» нападкам. Вот что пишет Фред Уилт о Перси Черутти в книге «Как они тренируются».

«В 47-летнем возрасте он был на грани физического и морального крушения. Посредством бега и поднимания тяжестей он восстановил свое здоровье и выработал свои взгляды на тренировку, соревнования и жизнь. Черутти… более 100 раз показывал хорошие результаты на сверхдлинные дистанции, такие, как марафонский бег, 60 миль и 101 миля, — все это, когда ему было 50 лет. По мнению Черутти, «человек рожден для суровой борьбы». Черутти считает необходимым, чтобы его последователи время от времени пробегами 50 миль, постились

24 часа, совершали походы на 25 миль, проезжали на велосипеде 100 миль, ныряли с высоты 20 футов, проплывали зимой 100 ярдов, делали восхождение на гору 5000 футов, поднимали до 150 фунтов».

Из этого отрывка читатель легко поймет, что Черутти — сторонник воспитания в человеке психической решимости.

Именно в этом пункте между Черутти и Лидьярдом существуют значительные разногласия. «Зачем поднимать тяжести? — говорил Лидьярд. — Бегуну нужны мышцы оленя, а не льва!»

Однако вопрос здесь несколько иного плана. Суть не в том, что бегуну не нужны мышцы льва. Ему нужны мышцы оленя — это вер но, но ему нужно еще и сердце льве, бойца, обычно не склонного к компромиссам в борьбе. Герберт Эллиот и Питер Снелл, безусловно, бегуны равного масштаба, но Эллиот свои крупнейшие победы одерживал все же более впечатляюще, чем Снелл. Там, где Снелл сомневался, Эллиот шел наверняка, Снелл проявлял психическую решимость эпизодически, Эллиот, ученик Черутти, — регулярно. Снелл обычно преследовал, а Эллиот? Читаем в той же книге «Как они тренируются»: «На вопрос, почему он бегает, Герб отвечал, что он рассматривает бег как способ выразить себя посредством трудностей и доказать, что он лучший бегун. Его колоссальная физическая и духовная способность позволяет ему достичь победы любой стратегией и тактикой, которые он избирает. Он может лидировать до конца, выиграть финальным броском или (разительнее всего) пролететь, как порыв ветра, последние 600 ярдов в миле».

Идеи Черутти о воспитании психической решимости путем постоянного преодоления различных по характеру трудностей, о воспитании человека в целом, а не тренированного к одному виду спортсмена нельзя сбрасывать со счета. Однако в то же время нужно понять, как это понял Лидьярд, то главное, что нужно бегуну, — его развитие на базе общей выносливости, то, без чего никакая психическая решимость не сделает человека чемпионом. Конечно, оптимальное соотношение этих двух крайностей существует и, вероятно, зависит от индивидуальных особенностей спортсмена.

В книге «Без труб, без барабанов» хотелось бы отметить одну черту Питера Снелла, без которой трудно представить себе настоящего бегуна. Эта черта — любовь к бегу. Вспомните, как Снелл гордится своим выступлением перед единственным зрителем — человеком, вышедшим на веранду вечером, чтобы посмотреть, почему это бегун выставляет напоказ такое количество энергии? Или то место, где он сетует на то, что в

городе есть гаревая дорожка и бегуны ее запустили. Или как Снелл возвращается со свадьбы и по дороге выполняет тренировку. Многим нашим спортсменам можно поучиться у великого мастера и скромности и умению делать свое дело в трудных условиях.

Книга «Без труб, без барабанов», бесхитростное повествование о борьбе и подвигах героя двух Олимпиад, послужит полезным подспорьем спортсменам и даст представление людям, далеким от спорта, о том, какой огромный труд скрывается за победами чемпионов.